РТ
40
Б90

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл: 2255
инв.
шк:
7
полка:
6
мѣсто:
43

№ 5836/8°

СРОКЪ ВОЗВРАТА КНИГИ.

За каждый просроченный день уплачивается штрафъ 5 коп.

18 МАР 1914
25 НОЯ 1914
9 НОЯ 1915
24 ДЕК 1915
10 АПР 1916
19 ЯНВ 1917
8 ИЮЛ 1917
23 ОКТ 1917
29 МАР 1919
5 АВГ 1919
26 АВГ 1919
17 АПР 1919
11 МАЯ 1920
20 Мая
9 Янв
7 ма
16/IV
14/VI
17/I-35

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВ. ПЕДАГОГИЧ. СОБР.

№ К2 1.
Инвен. 2255
Шкафъ 4.
Полка 7
Мѣст. 17.

РТ
40
Б90

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА

ординарнаго профессора Императорскаго
Казанскаго Университета

Е. Ѳ. Будде.

1906/7 АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ.

9215

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1907.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Александровъ.*

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Предисловіе.

Всякому университетскому преподавателю хорошо извѣстно, что по исторіи русскаго языка нѣтъ *ни одного печатнаго курса*, кромѣ извѣстныхъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“ профессора и академика А. И. Соболевскаго. Статья академика А. А. Шахматова „Русскій языкъ“ въ 55-мъ полутомѣ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона, не смотря на ея крупныя достоинства, всетаки статья, а не курсъ и не университетскій учебникъ. „Лекціи“ же Соболевскаго представляютъ изъ себя скорѣе справочный указатель, чѣмъ исторію языка. Вотъ эта-то настоятельная нужда въ университетскомъ учебникѣ, особенно остро сказавшаяся въ нынѣшнемъ году при огромномъ наплывѣ студентовъ въ университетахъ, и заставила меня пойти навстрѣчу желанію моихъ слушателей имѣть учебникъ по исторіи русскаго языка и выпустить настоящій курсъ моихъ лекцій въ увѣренности, что онъ будетъ далеко не лишнимъ.

Ординарный профессоръ **Е. Будде.**

Казань. 1906 г.

Предисловіе.

Изданіемъ университетскому преподаванію хорошо извѣстно, что по исторіи русскаго языка нѣтъ не одного учебника, который вполнѣ удовлетворялъ бы потребностямъ преподаванія и изученія. А. И. Соболевскій Очеркъ изученія А. А. Шахматова „Русскій языкъ“ не въ-ми полномъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, не смотря на ея цѣнныя достоинства, нельзя считать, и по курсу и по университетскій учебникъ. „Лекціи“ же Соболевскаго предполагаютъ изъ себя скорѣе справочный указатель источниковъ языка. Вотъ отсюда настоятельная нужда въ университетскомъ учебникѣ, особенно остро сказавшаяся въ послѣднюю пору при открытіи нѣкоторыхъ отдѣленій въ университетахъ, и желанія мнѣ пришлъ выступить составителемъ учебника по исторіи русскаго языка и выпустить настоящій курсъ моихъ лекцій въ убѣжденіи, что они будутъ полезно не лишними.

Ординарный профессоръ Е. Будде.

Казань. 1909 г.

Лекція I-ая.

§ 1. Исторія литературы и исторія языка. „Содержаніе и методъ исторіи литературы еще составляютъ *искомое*; исторія литературы должна разработываться съ разныхъ точекъ зрѣнія раньше, чѣмъ можетъ быть достигнуто ея правильное построеніе". (*Paul.* Grundriss der germanischen Philologie. I Bd. III. Methodenlehre. 6. стр. 215. Изд. 1891 года). Такъ говоритъ авторитетный знатокъ исторіи литературы, германскій филологъ *Паулъ* нашего времени. Послѣ долгихъ лѣтъ, потраченныхъ на опредѣленіе задачъ исторіи литературы, какъ науки, установилось, наконецъ, господствующее ея пониманіе, какъ *исторіи идей*, и она вмѣстѣ съ цѣлой серіей наукъ, обнимающихъ *исторію, миѳологію, языкъ, право, народную поэзію* и *литературу* различныхъ народовъ, признается нынѣ наукой *филологической*, т. е. *отдѣломъ филологіи*. Но содержаніе и методъ исторіи литературы, какъ видимъ, не опредѣлены строго и понынѣ. Прежде, чѣмъ стать наукой филологической, исторія литературы прошла цѣлый рядъ этаповъ въ своемъ пониманіи: еще въ XVII—XVIII вѣкѣ понимали исторію литературы, какъ „оглавленіе книгъ, и кто ихъ сложилъ", какъ „роспись книгамъ" съ краткими біографіями ихъ авторовъ, на подобіе формулярныхъ списковъ. Затѣмъ стали поминать исторію литературы, какъ *исторію поэзіи*. Такъ, между прочимъ, долгое время понималъ исторію литературы и отецъ нашей критики—Бѣлинскій, который въ своихъ „Литературныхъ мечта-

ніяхъ“ 1834 года открыто заявилъ, что наша литература начинается только съ Пушкина, и что онъ готовъ отдать всю древнюю литературу за одно стихотвореніе Пушкина. Понимая подъ исторіей литературы *исторію поэзіи, какъ искусства*, критика того времени установила эстетическіе принципы, которыми она руководилась при опредѣленіи того, въ чемъ заключалась *поэзія*. Эта эстетическая критика первой половины XIX столѣтія, однако, просуществовала не долго, т. к. вводила собой въ оцѣнку литературныхъ произведеній слишкомъ субъективный элементъ личнаго вкуса при опредѣленіи признаковъ *поэтическаго* произведенія. Кромѣ того, съ точки зрѣнія эстетической критики въ исторію литературы не могли попасть древнія *лѣтописи, посланія, поученія* и под. прозаическія сочиненія нашей древней литературы. Уже въ сравнительно недавнее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, историкъ англійской литературы *Тэнъ* (Taine) выставилъ положеніе, что исторія литературы есть *отраженіе психологическихъ процессовъ жизни общества*; но странно было бы изучать психологію общества по психологіи отдѣльнаго писателя, и потому новѣйшіе историки литературы, психологи и критики, какъ *Геннекенъ* (Hennequin), *Тенъ-Бринкъ*, *Гюйо*, *Брюнетьеръ* и др., развили положеніе Тэна и справедливо рекомендовали изучать писателя и его творчество въ связи съ общественными и личными условіями его дѣятельности. Требовалось самое подробное изученіе интимной жизни писателя, его среды, условій воспитанія и образованія, его семьи, круга друзей и знакомыхъ, наконецъ, общихъ соціальныхъ условій его времени. (см. *Шаховъ.* „Гете и его время“). Такимъ образомъ, дѣятельность писателя поставлена въ связь съ общими условіями его времени. Съ этой точки зрѣнія справедливо признается древній періодъ нашей литературы до Петра не подлежащимъ *научному* изученію, не составляющимъ науку, т. к. въ этотъ періодъ мы имѣемъ въ большинствѣ случаевъ дѣло съ анонимными авторами или съ авторами, личность которыхъ, за-

отсутствіемъ матеріала, не можетъ быть научно изучена, да и самыя условія жизни, связи писателя съ древне-русскимъ обществомъ далеко не полно могутъ быть представлены по тѣмъ же причинамъ. Кромѣ того, самое *время написанія* разныхъ произведеній др. р. литературы остается намъ неизвѣстнымъ, и самыя произведенія дошли до насъ не въ подлинникахъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ.

Совсѣмъ не то мы имѣемъ въ *исторіи языка*. Исторія языка покоится на наукѣ, которая называется *сравнительнымъ языковѣдѣніемъ*. Еще въ 1786 году англійскій ученый путешественникъ *Джонсъ*, бывшій въ Индіи, выставилъ положеніе, что по его наблюденію языки: древне-индійскій, греческій и латинскій имѣютъ столько между собой общаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они происходятъ отъ одного общаго своего родоначальника—отца, т. е. отъ одного языка, который теперь уже, вѣроятно, не существуетъ. Эту мысль можно было высказать только послѣ сравненія языковъ между собою, послѣ того, какъ найдено путемъ сравненія сходство между ними, и опредѣлено по степени сходства ихъ близкое родство. Это близкое родство между названными языками оказалось яснымъ для всякаго филолога какъ въ корняхъ глаголовъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ. Такъ, по сходству корней, означающихъ въ этихъ языкахъ „мать“ семейства, мы видимъ, что всѣ эти языки указываютъ согласно своими названіями родственниковъ, составляющихъ членовъ семьи, что уже въ первобытную эпоху индоевропейцевъ у нихъ существовалъ институтъ семьи, родоначальникомъ которой считалась мать—родительница. Названія „сынъ“, „дочь“ и проч., происходя отъ одного общаго корня въ этихъ языкахъ, указываютъ, что *семья* съ ея членами, какъ особый институтъ, принадлежала эпохѣ языка—отца, который мы будемъ называть *праязыкомъ*, или общимъ *индоевропейскимъ языкомъ*, отъ котораго произошли всѣ родственные языки одной семьи, называемой *индоевропейской*. Къ этой семьѣ языковъ, какъ теперь

доказано, принадлежатъ по своему сходству языки: 1) индійской вѣтви (санскритъ), 2) иранской вѣтви (др. персидскій), 3) армянской вѣтви, 4) албанской вѣтви, 5) греческой вѣтви, 6) италійской вѣтви (латин. яз.), 7) кельтской вѣтви, 8) германской вѣтви, 9) балтійской или литовской вѣтви и 10) славянской вѣтви. Языки славянской вѣтви индоевропейской семьи въ своемъ составѣ имѣютъ: *языки южнославянскіе* (т. е. болгарскій, сербохорватскій и словенскій). Сюда же принадлежитъ тотъ языкъ, на который было переведено въ IX вѣкѣ нашей эры св. Писаніе съ греческаго языка для славянъ. Этотъ языкъ называется *старославянскимъ* и ближе всего подходитъ къ *древне-болгарскому* языку. Далѣе, въ составъ славянской вѣтви входитъ *языкъ русскій* съ его нарѣчіями и *языки западно-славянскіе* (т. е. чешскій, словацкій, лужицкій, польскій, кашубскій и вымершій языкъ *полабскій*).

Но сравнительное языковѣдѣніе еще не выяснитъ намъ отношеній между отдѣльными родственными языками къ общему ихъ родоначальнику, ихъ праязыку, если *сравнительное* языковѣдѣніе не сдѣлается въ то же время *историческимъ*. Отцомъ *сравнительнаго* языковѣдѣнія справедливо считается *Францъ Боппъ*, который въ 1816-мъ году *доказалъ* общее происхожденіе вышеназванныхъ языковъ индоевропейскихъ. Отцомъ же *историческаго* изученія языковъ считается *Яковъ Гриммъ*, написавшій въ 1819-мъ году грамматику всѣхъ германскихъ языковъ. („Deutsche Grammatik“). Гриммъ разсматривалъ отдѣльные языки не только въ ихъ отношеніяхъ между собою по происхожденію, но также, и при томъ главнымъ образомъ, въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ каждомъ изъ нихъ *съ теченіемъ времени въ историческія эпохи ихъ существованія, т. е. въ эпохи, засвидѣтельствованныя письменными памятниками*. Только послѣ работъ Гримма прочно установилось положеніе, что *одновременно существовать языкъ-отецъ и языкъ сынъ не могутъ*, что всякій новый языкъ является *изъ стараго* и *на мѣсто стараго* языка

даннаго названія. Напр., новый русскій языкъ образовался изъ стараго русскаго языка и на мѣсто стараго русскаго языка. Этотъ принципъ исторіи языка выяснилъ намъ съ помощью сравнительнаго метода не только взаимныя отношенія языковъ одной семьи *по происхожденію*, но и взаимныя отношенія ихъ къ ихъ *праязыку*, родоначальнику, отношенія родственныхъ языковъ одной семьи *по времени*. Такимъ образомъ, *исторія языка есть наука о постоянныхъ видоизмѣненіяхъ языка въ теченіе времени*, или, что то же, *наука о жизни, о движеніи языка во времени*. Какъ видимъ, *методъ* этой науки *сравнительно-историческій*, какъ у натуралистовъ.

§ 2. Объемъ науки, ея содержаніе, ея собственное и прикладное значеніе. Методъ и задача ея. *Задача* же исторіи языка прослѣдить судьбы даннаго языка во времени и связать прошлое языка, засвидѣтельствованное памятниками письменности, съ его настоящимъ; уяснить его настоящее изъ его прошлаго. Но, какъ извѣстно, письменные памятники руководятъ историкомъ языка лишь въ періодъ письменности. Такой же періодъ не для всѣхъ народовъ наступаетъ въ одно и то же время: русская письменность, напр., для историка р. языка начинается лишь съ XI вѣка нашей эры, съ 1056—1057 года, отъ котораго сохранился древнѣйшій памятникъ русской письменности, Остромирово Евангеліе, переписанный съ древняго болгарскаго оригинала. Такимъ образомъ, историкъ русскаго языка, дойдя въ изученіи языка по памятникамъ до XI-го вѣка, т. е. до того времени, отъ котораго *случайно* сохранился памятникъ, остается какъ-бы безпомощнымъ; но въ сущности это не такъ: сравнительное изученіе родственныхъ языковъ, выступая въ качествѣ *метода* для историка языка взамѣнъ *историческаго* изученія, для *доисторическихъ* эпохъ, даетъ языковѣду вѣрное средство возстановить и доисторическое (до письменности) состояніе языка и такимъ образомъ *начать исторію даннаго языка* не съ случайнаго момента

или обстоятельства, каковымъ является, именно, то обстоятельство, что до XI вѣка не сохранилось ни одного памятника, написаннаго русскимъ человѣкомъ въ Россіи, а *съ момента выдѣленія русскаго языка изъ общеславянской семьи*, въ которой русскій членъ ея жилъ сначала (приблизительно въ IV—VI в. по Р. Х.), вмѣстѣ со всей семьей (на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра, въ Прикарпатьѣ, въ верховьяхъ Вислы, въ области теперешней Галиціи, г. Кракова и Волынской губерніи), сохраняя однако свои особенности, которыя развились въ немъ впослѣдствіи, уже по выдѣленіи его изъ семьи, приблизительно въ VII—VIII в. по Р. Х. Къ XI-му вѣку наша лѣтопись застаетъ уже русскія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства, разселившимися и усѣвшимися прочно на опредѣленныхъ мѣстахъ. Съ XI-го же вѣка, съ перваго вѣка нашей письменности, мы находимъ въ памятникахъ доказательства того, что въ это время русскій языкъ уже распадался на различныя нарѣчія, образцы которыхъ въ нѣкоторыхъ чертахъ уже попали въ письменность, изобличая собой особенности произношенія того или другого писца въ зависимости отъ мѣстности написанія книги и отъ мѣста рожденія писца. Такимъ образомъ, русская письменность на всемъ пространствѣ съ перваго вѣка своего существованія носитъ на себѣ отпечатокъ *нарѣчій*, или *діалектовъ*, носитъ *діалектическій характеръ*. Если мы сравнимъ особенности древнихъ русскихъ нарѣчій, поскольку они выступаютъ въ древней русской письменности при всей однообразности ея содержанія и при неблагопріятныхъ условіяхъ возникновенія древняго русскаго литературнаго (письменнаго) языка, съ особенностями *современныхъ* намъ русскихъ нарѣчій, то мы увидимъ, во-первыхъ, что многія древнія особенности діалектическія и *понынѣ* сохранились тамъ же, гдѣ онѣ были извѣстны въ глубокой древности (напр., новгородское произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ: *цернецъ*, *царь*, *улица* и проч.), а, во-вторыхъ, многія діалектическія особенности не-

извѣстны по памятникамъ древней письменности, но извѣстны въ современной діалектологіи, т. е. развились въ нарѣчіяхъ русскаго языка съ теченіемъ времени, но уже не попали въ *новую* письменность, т. к. со времени образованія школъ на Руси и развитія *художественной* литературы съ XIX вѣка у насъ установился *общій типъ* литературнаго языка безъ діалектическихъ примѣсей. Изъ этого видно, что при изученіи исторіи русскаго языка періода письменности необходимо изучать и *русскую діалектологію* для того, чтобы возстановить соотвѣтствіе діалектическихъ особенностей нашего времени особенностямъ того или другого памятника древней письменности и указать его родину. При изученіи же русскаго языка доисторическаго періода необходимо сравнительное изученіе русскаго языка вмѣстѣ съ родственными ему славянскими языками славянской вѣтви. Въ первомъ случаѣ мы изъ сравненія діалектическихъ данныхъ русскаго языка между собою доходимъ до эпохи *общерусскаго* языка (приблизительно IX—X вѣкъ), во второмъ случаѣ путемъ сравненія данныхъ изъ слав. языковъ между собою мы возстановляемъ эпоху *общеславянскаго* языка (приблизительно I—V в.) и узнаемъ, что получилъ русскій языкъ въ наслѣдство изъ этой эпохи, что онъ развилъ у себя въ отдѣльной жизни, и что развили у себя его нарѣчія уже послѣ XI-го вѣка. Такимъ образомъ, историкъ языка находится лишь *въ извѣстной мѣрѣ въ зависимости отъ памятниковъ письменности, но не безусловно*, и исторія русскаго языка, значитъ, должна начинаться *задолго до начала письменности на Руси.* (Дѣятельность Кирилла и Меѳодія происходила въ IX вѣкѣ). Кромѣ того, свидѣтельства языка *безпристрастны*, и этимъ языковѣдъ выгодно для себя отличается отъ *чистаго историка*, письменные памятники котораго по самому существу своему всегда *пристрастны*. *Языкознаніе имѣетъ значеніе* особой науки, когда цѣлью этой науки ставится изученіе языка и при томъ *научное*, а не практическое, т. е. историко-сравнительное изученіе по методу

историко-сравнительному. Но языкознаніе можетъ имѣть и *прикладное* значеніе, т. е. быть прикладной наукой, когда намѣчаются вопросы историко-культурные и этнографическіе, которые могутъ быть разрѣшены только путемъ приложенія языкознанія. Такъ, напр., этнографическій составъ русскаго народа также важенъ для историка Россіи, какъ составъ русскаго языка для языковѣда. Наша начальная лѣтопись сохранила до насъ преданіе объ *одиннадцати* русскихъ племенахъ, имѣвшихъ въ древности свои особыя названія, обычаи и вошедшихъ въ составъ русскаго государства путемъ разселенія на территоріи нынѣшней Россіи и путемъ колонизаціи мѣстностей, заселенныхъ первоначально финнами и другими народами. Вотъ, именно, вопросъ о заселеніи русскими племенами нынѣшней Россіи, вопросъ о столкновеніи различныхъ племенъ при колонизаціи чужихъ земель, вопросъ о направленіи, въ которомъ шла русская колонизація изъ южныхъ земель, изъ колыбели общеславянской семьи, а потомъ изъ колыбели общерусской семьи, съ верховьевъ Днѣстра, двухъ Буговъ и Припети, гдѣ, какъ нынѣ доказано, помѣщалась первоначально колыбель общерусскаго племени до IX вѣка,— всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только *русской діалектологіей*, которая имѣетъ въ такихъ вопросахъ преимущественное значеніе передъ памятниками исторіи въ виду *непосредственности* показаній самого языка и *субъективнаго показанія историка* о событіяхъ *или письменнаго документа* о событіяхъ.

§ 3. Русская діалектологія и ея отношеніе къ исторіи р. языка. Поэтому русская діалектологія, или наука о современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ ихъ исторіи при посредствѣ памятниковъ письменности и при сравнительномъ ихъ изученіи, въ приложеніи къ исторіи русскаго народа, ведетъ къ заключенію о связи между древними русскими племенами нашей лѣтописи и современными русскими нарѣчіями. Зная

уже, что особенности діалектическія сохраняются въ теченіе очень долгаго времени, напр., какъ мы видѣли, особенность новгородскаго нарѣчія—говорить *чарь*, *цай*, *цудо*, *цёрный* и проч.—сохранилась съ XI вѣка (по памятникамъ) до нашего времени,—мы заключаемъ, что *языкъ вообще консервативенъ*, и что мы, изучивши современныя разнообразія въ произношеніи русскаго народа по нарѣчіямъ и по мѣстностямъ, будемъ имѣть возможность связать каждое изъ нарѣчій, каждый изъ говоровъ древняго русскаго языка съ *опредѣленной мѣстностью* и съ современнымъ его потомкомъ, а при посредствѣ указаній нашей начальной лѣтописи относительно *мѣстъ* поселенія древнихъ русскихъ племенъ, изъ которыхъ каждое, предполагается, говорило *особымъ* нарѣчіемъ, иначе оно не было бы и *особымъ* племенемъ, мы, находя въ древнихъ памятникахъ письменности діалектическія особенности и сравнивая эти особенности съ современными, получаемъ возможность найти родину по языку и для тѣхъ памятниковъ письменности, о которыхъ до насъ не сохранилось свѣдѣній, *гдѣ* они написаны и *кѣмъ* изъ русскихъ людей по происхожденію. Такимъ образомъ, русская діалектологія необходима не только какъ *прикладная* наука, но и какъ *самостоятельная*, для исторіи русскаго языка. Этимъ же способомъ, т. е. слѣдя по району употребленія діалектическихъ особенностей извѣстнаго типа за распространеніемъ извѣстнаго нарѣчія изъ той мѣстности, гдѣ это нарѣчіе или племя помѣщалъ нашъ начальный лѣтописецъ, и откуда сохранился памятникъ съ опредѣленными діалектическими особенностями, сохранившимися донынѣ въ чистомъ или измѣненномъ видѣ, мы узнаемъ и *колонизаціонный путь* того или другого р. племени. Наконецъ русская діалектологія проливаетъ свѣтъ и на самое произношеніе др. русскихъ памятниковъ въ ихъ дредней орѳографіи, которая при чтеніи представила бы намъ часто непреодолимыя затрудненія, если бы намъ не помогали живыя русскія современныя нарѣчія. Напр., какъ прочесть др. русское написаніе дерьгать? Дёргать? Дéрьгать, или еще иначе? Такимъ образомъ

современныя русскія нарѣчія, свидѣтельствуя о своемъ происхожденіи отъ разныхъ русскихъ племенъ, восходятъ по памятникамъ письменности въ главнѣйшихъ своихъ особенностяхъ къ XI-му и XII-му вѣку. Особенность памятниковъ нашей письменности та, что почти всѣ они въ древнее время до XVIII вѣка представляютъ собой болѣе или менѣе образныя произведенія церковно богослужебной литературы и по содержанію относятся преимущественно къ области богословскихъ вопросовъ. Кромѣ того, большинство такихъ памятниковъ *переводные* съ древне-болгарскихъ переводовъ съ греч. языка или простыя копіи съ болгарскихъ оригиналовъ, копіи, невольно измѣняющія языкъ оригинала на русскій ладъ. Очень многіе изъ нихъ неизвѣстнаго происхожденія, неизвѣстныхъ авторовъ и безъ указанія времени и мѣста ихъ написанія. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ необходимыми при изученіи исторіи р. языка постоянныя справки съ данными р. діалектологіи и умаляетъ значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка, выдвигая значеніе р. діалектологіи въ ея сравнительномъ изученіи. Такимъ образомъ, значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка древняго періода очень условно и находится въ зависимости отъ содержанія памятника и нашихъ точныхъ свѣдѣній о его происхожденіи и времени написанія. Тѣмъ не менѣе, зная по памятникамъ, что въ древнее время далеко не всѣ діалектическія особенности нашли себѣ выраженіе въ письменности, мы особенно цѣнимъ эти древніе діалектическіе признаки въ памятникахъ и съ помощью ихъ можемъ строить *историческую діалектологію*, т. е. рядъ послѣдовательныхъ измѣненій во времени въ жизни извѣстнаго р. нарѣчія.

Лекція II-ая

Источники для исторіи р. языка. Понятіе о законахъ языка. Лингвистическія эпохи и ихъ построеніе по методу историко-сравнительному.

§ 4. Источники для исторіи р. языка. Способъ пользованія ими. Критика ихъ. Изъ предыдущаго мы можемъ заключить, что *источниками* для исторіи р. языка служатъ: 1) письменные памятники. 2) Живыя современныя р. нарѣчія при ихъ сравнительномъ изученіи. Хотя мы знаемъ, что свидѣтельства языка всегда безпристрастны, т. к. о языкѣ намъ говоритъ не постороннее лицо, а *самъ языкъ* въ своихъ формахъ и звукахъ; тѣмъ не менѣе къ письменнымъ памятникамъ нашей древности (да и въ поздній періодъ) нужно языковѣду относиться *очень осторожно.* Это осторожное отношеніе къ памятнику древней р. письменности возникаетъ само собой вслѣдствіе тѣхъ особенностей въ исторіи возникновенія и употребленія нашего письменнаго языка, съ которыми знакомится изслѣдователь. Самое главное, что должно помнить всегда, такъ это то, что наша письменность въ Россіи образовалась путемъ переписки книгъ богослужебнаго характера, приносимыхъ къ намъ изъ южно-славянскихъ земель, по преимуществу изъ Болгаріи въ первые вѣка (X—XIII в.). Дѣло въ томъ, что славянская азбука Кирилла и Меѳодія, солунскихъ болгаръ по происхожденію, была составлена для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка на языкъ *болгарскій*, который въ то время (въ IX в.) былъ настолько близокъ къ языкамъ прочихъ славянъ (западныхъ и восточныхъ—русскихъ), что свв. братья Кириллъ и Меѳодій принесли съ собой главнѣйшія богослужебныя книги (Евангеліе, Апостолъ и Псалтырь) изъ Солуни въ Моравію *въ готовомъ* переводѣ на древне-болгарскомъ нарѣчіи, которое оказалось совершенно понятнымъ и для моравянъ (западныхъ славянъ). Когда стали

основываться на Руси церкви (еще при Игорѣ и Ольгѣ въ Кіевской Руси), то понадобились грамотныя духовныя лица и церковныя книги. Естественно, что первыя книги, принесенныя къ намъ первымъ поколѣніемъ нашихъ церковныхъ пастырей, были также *болгарскими*, какъ и сами первые священники—*болгары*. Хотя въ то время болгарскій языкъ и былъ понятенъ русскому человѣку, но, конечно, произношеніе его, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, отличалось отъ русскаго; были отличія, конечно, и въ словахъ. И вотъ первые наши учителя учили русскихъ читать и писать *по болгарскимъ книгамъ*. При чтеніи (произношеніи) этихъ книгъ первымъ поколѣніемъ нашего духовенства происходило естественное приспособленіе къ произношенію учителей, но въ этомъ произношеніи всетаки, какъ всегда бываетъ, слышался *русскій* оттѣнокъ; а при перепискѣ книгъ *болгарская орѳографія*, приспособленная для передачи *болгарскаго произношенія* того времени (IX—XII в.), получала нерѣдко подъ перомъ *русскаго* человѣка измѣненный видъ, невольно стараясь передать соотвѣтствующее *русское* произношеніе: такъ, написаніе вѣрѫ (чит. „вѣрон“ въ родѣ франц. v'eron) превращалось въ русское *вѣру*; написаніе ꙁємлѧ (чит. „землен“ въ родѣ франц. zemlin) превращалось въ русское *земля* (земля) и т. п. Изъ этого выходило то, что переписываемая болгарская книга въ Россіи получала постепенныя наслоенія и видоизмѣненія въ смыслѣ приспособленія къ произношенію русскихъ людей, т. е. болгарскій языкъ постепенно руссифицировался въ Россіи подъ перомъ русскихъ переписчиковъ и получалъ здѣсь возможность такого измѣненія въ книгахъ, при которомъ *невольно* обнаруживалось и русское произношеніе, принадлежавшее въ то время (въ XI в.) *всему русскому народу*, и *русское діалектическое произношеніе*, принадлежавшее данному переписчику, *какъ его родное произношеніе*. Когда переписка книгъ (за отсутствіемъ типографій и опредѣленной системы орѳографіи, которую даетъ только правильно организованная школа) разрослась, то стали появляться книги не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ

Галицко-Волынской области, и въ Суздальской, и въ Смоленской, и въ Московской и т. д., и вездѣ *невольно* вкрадывались мѣстныя особенности произношенія въ книгахъ, т. к. человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ своего родного произношенія и не можетъ не сдѣлать описокъ, въ особенности при утомленіи, когда приходится переписывать большія толстыя книги, да еще къ спѣху, какъ обыкновенно дѣлалось въ древнее время на Руси, когда практическая нужда въ церковныхъ книгахъ росла быстро по мѣрѣ распространенія христіанства и основанія церквей, а количество грамотныхъ людей было сравнительно очень невелико. Такимъ образомъ, мы видимъ, что къ намъ былъ занесенъ въ церковныхъ книгахъ *и чужой языкъ и чужая орѳографія*. Вотъ при этихъ всѣхъ соображеніяхъ возникаетъ самъ собой вопросъ, *какъ читать древнія р. книги*. Возникаетъ цѣлая научная дисциплина—*критика источниковъ*, разрабатывающая общія положенія относительно способа пользованія письменными памятниками для данныхъ языка. Само собой разумѣется, что съ теченіемъ времени этотъ чужой языкъ церкви все больше дѣлался русскимъ въ Россіи, а его орѳографія все больше приспособлялась къ потребностямъ русскаго языка. Рядомъ съ этимъ нужно имѣть въ виду, что нашъ литературный языкъ возникъ въ церкви и нашелъ себѣ выраженіе въ церковныхъ, религіозныхъ и богослужебныхъ книгахъ. Все это сдѣлало матеріалъ для сужденія о языкѣ *однообразнымъ* и не *оригинальнымъ*. Чистый русскій матеріалъ, оригинальный, почти безъ примѣси элементовъ церковно-славянской рѣчи, т. е. безъ примѣси древняго-болгарскаго нарѣчія въ его церковно-русскомъ отраженіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ и пастырскихъ сочиненіяхъ, мы можемъ находить лишь въ *оригинальныхъ* сочиненіяхъ русскаго человѣка, напр., въ р. грамотахъ и дѣловыхъ бумагахъ древняго времени. Такія грамоты составляютъ тоже источникъ для изученія исторіи р. языка, но языкъ ихъ уже другой, а потому въ древней Руси надо отличать языкъ церковныхъ

книгъ и дѣловой языкъ, близкій къ разговорному языку того времени. Такимъ образомъ, при чтеніи памятниковъ др. письменности надо имѣть въ виду: 1) общія условія развитія р. письменности. 2) Состояніе языка въ каждую данную эпоху, возстановляемое путемъ сравнительно-историческаго изученія р. нарѣчій и 3) содержаніе письменнаго памятника. Если же памятникъ *датированъ*, т. е. на немъ обозначено, *когда*, *гдѣ*, и *кѣмъ* онъ писанъ, то надо имѣть въ виду и эти данныя. Напр., если мы прочтемъ въ памятникѣ XI—XII в. написаніе *медъ* (мєдъ), какъ *мёт*, то это будетъ неправильно, т. к. въ то время, какъ увидимъ дальше изъ исторіи звуковъ р. языка, еще не успѣлъ звукъ *е* перейти въ *ё* (*'о*) въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи, равнымъ образомъ конечное *д* не успѣло еще вездѣ перейти въ *т*, какъ это мы видимъ теперь во всемъ великорусско-бѣлорусскомъ произношеніи.

Количество др. р. письменныхъ памятниковъ очень велико, но не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе для исторіи р. языка. Я перечислю здѣсь только *древнѣйшіе* памятники русской письменности (съ XI в. до XIV-го включительно) и только *датированные* (т. е. имѣющіе хронологичекую *дату*, или указаніе *года написанія*, *мѣста написанія*, а иногда и *автора* написанія, переписчика). 1) Древнѣйшій памятникъ, переписанный въ Россіи и сохранившійся до насъ,—это Остромирово Евангеліе, написанное *въ Новгородѣ* дьякономъ *Григоріемъ* для Новгородскаго посадника Остромира въ *1056—1057 году*. Всѣ эти свѣдѣнія указаны въ „Послѣсловіи“ этого Евангелія. Нынѣ оно хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. 2) Изборникъ Святослава, написанный дьякомъ Іоанномъ *въ Кіевѣ въ 1073 г.* Нынѣ онъ сохраняется въ Синодальной Библіотекѣ въ Москвѣ. 3) Изборникъ Святослава, написанный *въ Кіевѣ въ 1076 г.* для того же вел. князя Святослава. Нынѣ онъ сохраняется въ Имп. Публ. Библ. въ Петербургѣ. 4) Архангельское Евангеліе, найденное въ Архангельскѣ, написанное въ *1092 г.* По призна-

камъ языка (см. ниже) это Евангеліе, должно быть, написано на югѣ Россіи, можетъ быть, и въ Кіевѣ. Нынѣ оно сохраняется въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ. 5) Минеи-Четьи *1095-го*, *1096-го* и *1097-го* годовъ, написанныя въ *Новгородѣ*. Нынѣ сохраняются въ библіотекѣ Синодальноной Типографіи въ Москвѣ. 6) Надпись на камнѣ, найденномъ въ Тмуторокани около Керчи, *1068 года*. Вотъ всѣ датированные памятники XI-го вѣка. Объ остальныхъ изъ сохранившихся памятниковъ можно только приблизительно сказать по даннымъ языка и внѣшнимъ признакамъ письма, что они относятся *приблизительно* къ XI—XII вѣку, т. к. въ нихъ не сохранилось указаній, подобныхъ выше приведеннымъ.

Къ XII-му вѣку относятся: 1) Мстиславово Евангеліе, написанное для Мстислава, сына Мономаха, около *1115* года попомъ Алексою, вѣроятно, въ *Кіевѣ*. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 2) Юрьевское Евангеліе, написанное для Новгородскаго Юрьевскаго Монастыря около *1120* г. какимъ-то „Угринцемъ“. Нынѣ находится также въ Синод. б. въ Москвѣ. 3) Галицкое Евангеліе *1144* года. Названо „Галицкимъ“ по мѣсту первоначальнаго нахожденія его около южнаго Галича. Нынѣ хранится въ Синод. б. въ Москвѣ. 4) Добрилово Евангеліе *1164* года, названное такъ по имени писца „Добрило“. Нынѣ находится въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. Всѣ эти памятники южно-русскаго происхожденія. 5) *Новгородскій* Стихирарь *1157 г.* Нынѣ въ Синод. б. въ Москвѣ и 6) *Новгородскій* же Стихирарь около *1163* г. Нынѣ сохраняется въ Спб. Духовной Академіи. Къ этому вѣку относятся *двѣ грамоты*: 7) Грамота вел. князя Мстислава Владимировича *1130 г.* вѣроятно *Кіевская* и 8) Вкладная грамота Варлаама Хутынскаго *1192 г.*, *Новгородская*. Къ этому же вѣку относятся нѣсколько надписей, именно: 9) Надпись на *Новгородскомъ* Стерженскомъ крестѣ *1133 г.*; 10) Надпись на чарѣ Черниговскаго князя Владимира Давыдовича *1151 г.*; 11) Надпись на крестѣ Евфросиніи кн. По-

лоцкой *1161 г.* и 12) Надпись на Рогволодовомъ камнѣ, западно-русскаго происхожденія, *1171 г.*

Къ XIII-му вѣку относятся: 1) *Новгородское* Милятино Евангеліе *1215* года, названо такъ потому, что написано „повелѣніемъ Милятина Лукинича". Нынѣ находится въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 2) *Ростовское* (сѣверное) Житіе Нифонта, написанное въ *1219* году. Нынѣ хранится въ библіотекѣ Троицкой Лавры близъ Москвы. Написано какимъ-то Кириломъ „въ градѣ Ростовѣ". (Ярослав. губ.). 3) Апостолъ *1220 г.*, тоже въ *Ростовѣ*. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 4) Тріодь *1226 г. Новгородская*, написана „грѣшнымъ попиномъ Саввою", а „мирьско имѧ грьцинь" (вм. „гречинъ" по новгородскому произношенію *ц* вм. *ч*). По имени списателя называется Саввина Тріодь. Нынѣ хранится въ Спб. Духовной Академіи. 5) Трефолой *1260 г.*, *Новгородскій*. Нынѣ въ Синод. б. въ Москвѣ. 6) Прологъ *1262 г.*, *Новгородскій*. Принадлежалъ библіотекѣ купцовъ Хлудовыхъ въ Москвѣ. Нынѣ хранится въ Никольскомъ Единовѣрческомъ монастырѣ въ Москвѣ. 7) Галицкое Евангеліе *1266 г.*, написано въ Галицко Волынской области. Нынѣ находится въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 8) Евангеліе *1283 г.*, написано въ той же области. Нынѣ въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. См. объ этихъ двухъ Евангеліяхъ полнѣе и точнѣе у *Грушевскаго* въ его: „Історіи Руси-Украіни". II. 2. Львовъ. 1905. Стр. 404). 9) *Новгородское* Евангеліе *1270 г.* Нынѣ въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. Написано Георгіемъ, сыномъ попа, „глаголемаго Лотыша съ городища". Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ этомъ Евангеліи есть признаки языка, находимые обыкновенно въ южно-русскихъ рукописяхъ, напр., „И принесоша ѥмоу всѧ болѧщаѩ и молѧхоути и да токмо прикосноутьсѧ подолѣ ризъ ѥго". *Молѧхоути и* вм. *молѧхоуть и*, т. е. *молили его* („*и*"— вин. п. ед. ч. мѣстоименія 3-го лица: и, ꙗ ѥ=современному *онъ, она оно*) 10) Паремейникъ *1271 г.*, *Новгородскій*. Нынѣ въ Имп. Публ. б. въ Петербургѣ. 11) Кормчая книга *1282 г.*,

Новгородская, съ приложеніемъ „Русской Правды“. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 12) *Рязанская* Кормчая *1284 г.* Названа такъ по мѣсту написанія. Писана нѣсколькими писцами и съ признаками не сѣверно-русскаго произношенія. Хранится нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 13) Псалтырь *1296 г. Западно-русскаго по языку.* Хринится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 14) Пандекты Никона Черногорца *1296 г. Сѣверно-русскаго* происхожденія. Нынѣ хранится въ Синод. б. въ Москвѣ. Къ этому же вѣку относятся слѣдующіе договоры и грамоты (акты—памятники не *церковнаго*, а *дѣлового* русскаго языка). 15) Два договора Смоленскаго князя съ Ригою („Смоленская Правда“) *1229 г.* и *1230 г.* 16) Смоленскія и Рижскія грамоты. 17) Новгородскіе договоры и грамоты съ нѣмцами и къ нѣмцамъ. 18) Первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями и 19) Духовная грамота новгородца Климента *1270 г.* Объ остальныхъ памятникахъ этого времени я не упоминаю, п. ч. *въ*ъ ихъ можно опредѣлить только *приблизительно* по языку и по даннымъ исторіи, равнымъ образомъ *мѣсто* ихъ написанія не поддается по даннымъ языка точнѣйшему опредѣленію, хотя изъ такихъ памятниковъ многіе въ общемъ очень важны при изученіи др. русскаго языка. Всѣхъ грамотъ XIII го вѣка сохранилось до насъ *пятнадцать*.

Къ XIV-му вѣку относятся: 1) Поликарпово Евангеліе *1307 г.*, переписанное великороссомъ Поликарпомъ. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 2) Два *псковскихъ* Апостола: одинъ—*1307 г.*, другой—*1306—1312 г.* 3) *Новгородская* Тріодь *1311 г.* Какъ два Апостола, такъ и Тріодь нынѣ сохраняются въ Синод. библ. въ Москвѣ. 4) Евангеліе *1317 г.* Сохраняется въ библіотекѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Писалъ это евангеліе Пантелеймону Мартыновичу „грѣшный рабъ ієска поповичъ“. Ієска = Іоска = Іосифъ. (Срв. ієлка—іóлка—ёлка—елка въ нашей орѳографіи). По языку въ этомъ евангеліи можно подмѣтить признаки южно-

русскаго произношенія. 5) Евангеліе *1339 г. Московское.* Хранится въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ. 6) Евангеліе *1354 г. Переяславское.* Въ Синод. библ. въ Москвѣ. 7) *Новгородское* Евангеліе *1355 г.* Хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 8) Прологъ *1356 г. Новгородскій.* Нынѣ въ библ. Синод. типографіи въ Москвѣ. 9) Ев. *1357 г.*, Сѣвернаго Галича. Въ настоящее время сохраняется въ Синод. библ. въ Москвѣ. 10) Ев. *1358 г.* Написано въ *Московской* области. Нынѣ хранится въ Синод. б. въ Москвѣ. 11) Евангеліе до *1362 г. Новгородское.* Нынѣ въ библ. Синодальной типографіи въ Москвѣ. 12) *Суздальскій* списокъ Лѣтописи, сдѣланный монахомъ Лаврентіемъ для сузд. князя Дмитрія Константиновича въ *1377 г.* Въ этомъ спискѣ, называемомъ обыкновенно просто по имени переписчика *Лаврентьевскимъ списком*ъ, находятся три лѣтописи: Несторова часть Начальной Лѣтописи, Кіевская Лѣтопись и Суздальская Лѣтопись. Это—древнѣйшій списокъ нашей лѣтописи съ опредѣленной *датой*, сохранившійся до насъ, и хранится онъ нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 13) Паремейникъ *1378 г.* Хранится въ Москов. Публичномъ Музеѣ. 14) Два *псковских*ъ Паракли тика *1369* и *1386 г.* Нынѣ въ Синод. библ. въ Москвѣ. 15) Прологъ *1383 г. Псковскій.* Нынѣ въ Типогр. библ. въ Москвѣ. 16) Стихирарь *1380*-го года. Нынѣ въ библ. Троицкой Лавры близъ Москвы. 17) *Московское* Евангеліе *1393 г.* Нынѣ въ Публ. библ. въ Спб. 18) *Кіевская* Псалтырь *1397 г.* Нынѣ въ библ. Общества любителей древней письменности въ Спб. 19) Тактиконъ Никона Черногорца *1397 г. Новгородскій* списокъ съ средне-болгарскаго оригинала. Нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 20) Евангеліе *1399 г.* Нынѣ въ Типогр. библ. въ Москвѣ. 21) Служебникъ *1400 г., Новгородскій.* Нынѣ въ Синод. библ. въ Москвѣ. Другіе памятники, хотя и принадлежатъ XIV-му вѣку, но не отмѣчены годомъ. Отъ XIV-го же вѣка сохранилось до 100 штукъ грамотъ, памятниковъ *дѣлового*, юридическаго русскаго языка.

Болѣе всѣхъ другихъ грамотъ за это время выпадаетъ на долю Новгорода, затѣмъ Москвы, причемъ древнѣйшая московская грамота—это *духовная* Іоанна Калиты около *1327 г.*, затѣмъ идутъ грамоты *Рязанскія*, *Смоленскія*, *Полоцкія*, *Галицко-Волынскія*, *западно-русскія* и *молдавскія* съ южно-русскими особенностями въ языкѣ. *Двинскія* грамоты относятся къ XIV—XV вѣку и обнимаютъ область нижняго теченія Сѣверной Двины, слѣдовательно, соотвѣтствующіе уѣзды нынѣшней Вологодской губерніи, современный говоръ которой довольно хорошо изученъ въ наше время. Древнія грамоты Двинской области изданы прекрасно и изучены въ лингвистическомъ отношеніи академикомъ *А. А. Шахматовымъ*, благодаря чему удобно становится сравнивать древній русскій говоръ Двинской области и современный русскій говоръ Вологодской губерніи. При сравненіи обнаруживается, что нынѣшній говоръ Вологодской губерніи (Кадниковскаго и Тотемскаго уу. См. изслѣдованіе *Бѣлоруссова* и друг.) очень близокъ къ говору прилегающей части Новгородской губерніи Бѣлозерской округи, а оба эти говора имѣютъ своимъ предкомъ древній русскій двинскій говоръ, который можетъ быть признанъ какъ одинъ изъ говоровъ, принадлежавшихъ племени, колонизовавшему между прочимъ и нынѣшній Вятскій край. Нельзя этого отрицать при изслѣдованіи современнаго вятскаго говора, но изученіе русской діалектологіи въ районѣ нынѣшняго южно-великорусскаго нарѣчія ясно указало, что въ Вятскій край шла колонизація не только съ сѣверо-запада, но и съ юго-запада, куда пришли по Окѣ вятичи и откуда были сдвинуты сѣверянами. Въ предѣлахъ нынѣшняго Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи въ древности было населеніе сѣверно-великорусскаго происхожденія.

§ 5. Мы перечислили древнѣйшіе датированные памятники русскаго языка, именно, тѣ, на которые мы по преимуществу будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаться. Всѣхъ

же рукописныхъ *книгъ* съ *XI* по *XIV* вѣкъ включительно сохранилось болѣе 500, а *грамотъ* за это время около 150. Подробности о нихъ, каталоги рукописей и проч. указанія см. въ „Лекціяхъ“ *Соболевскаго* въ соотвѣтствующей главѣ. („Лекціи по исторіи р. языка“. М. 1903.[3] Глава II. Источники. Стр. 5—18). Мы опредѣлимъ общее значеніе перечисленныхъ нами памятниковъ для исторіи русскаго языка.

Лекція III.

Русскій литературный языкъ по памятникамъ письменности съ XI — XIV в. включительно представленъ намъ слѣдующимъ матеріаломъ въ перечисленныхъ книгахъ и грамотахъ. Весь матеріалъ, заключающійся въ книгахъ съ XI по XIV в. включительно, по содержанію своему, какъ видно изъ перечня въ § 4, очень однообразенъ: это все церковно-богослужебныя книги или сочиненія по церковному управленію и по религіозно-богословскимъ вопросамъ. Такое однообразіе матеріала не случайно и отражается очень невыгодно на исторіи р. языка. Въ самомъ дѣлѣ, кругъ словъ и понятій нашей древней письменности очень въ сущности не великъ, т. к. ограничивается сферой церковной службы и практики, сферой религіозно-богословскихъ интересовъ. Понятно, что большинство этихъ понятій и интересовъ возникло не на русской почвѣ, а на почвѣ византійской, гдѣ процвѣло христіанство съ ея церковью по чину православія и на почвѣ болгарской, культурной посредницѣ нашихъ сношеній съ Византіей. При этихъ условіяхъ возникъ особый языкъ нашей древней письменности, *руссифицированный языкъ древнихъ болгаръ*, который, проникши къ намъ вмѣстѣ съ первыми церковными книгами на древне-болгарскомъ языкѣ и вмѣстѣ съ нашими первыми церковными учителями—болгарами въ

X-мъ вѣкѣ, сталъ на первыхъ же порахъ руссифицироваться въ отдѣльныхъ звукахъ и формахъ подъ перомъ русскихъ переписчиковъ и въ устахъ русскихъ священниковъ. Какъ ни старалось первое поколѣніе русскихъ грамотеевъ—священниковъ подражать и въ произношеніи и при перепискѣ книгъ своимъ учителямъ—болгарамъ и своимъ оригиналамъ—др. болгарскимъ книгамъ, но уже древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ, переписанныхъ въ Россіи и русскимъ человѣкомъ, книгъ—Остромирово Евангеліе 1056—1057 года, полна *описокъ*, и сознательныхъ и безсознательныхъ, изобличающихъ въ переписчикѣ Евангелія, дьякопѣ Григоріи, *русскаго* человѣка съ *русскимъ* произношеніемъ. Такія описки *діалектическаго* (съ точки зрѣнія общеславянскаго языка) характера въ Остр. Евангеліи представляютъ собой *древнѣйшіе письменные доказательства* того, что русскій языкъ уже въ XI вѣкѣ былъ *особымъ отъ другихъ слав. языковъ языкомъ*; эти описки—первые письменные документы исторіи р. языка, и эти документы свидѣтельствуютъ: 1) *что р. языкъ въ XI вѣкѣ уже не имѣлъ носовыхъ гласныхъ звуковъ*, т. к. *дьяконъ Григорій* при перепискѣ съ оригинала буквъ ѫ и ѧ (носовыхъ гласныхъ др. болгарскаго, или старославянскаго языка) *уже не понималъ ихъ звукового значенія и ставилъ вмѣсто нихъ буквы* оу *и* ꙗ *съ русскимъ звуковымъ ихъ значеніемъ* (*а*, *я* и *у*, *ю*), 2) *что р. языкъ уже въ XI вѣкѣ имѣлъ полногласіе, т. е. сочетанія оро, ере, оло, еле между согласными вмѣсто др. болгарскаго ра, ла, лъ, рь въ этомъ же положеніи.* Напр., дьяконъ Григорій пишетъ: Новѣгородѣ, *Володимеръ*, *перегнѫвъ* вмѣсто: *градѣ*, *Владимиръ*, прѣгнѫкъ и проч. Стало быть, уже съ перваго вѣка своего *историческаго* (засвидѣтельствованнаго письменными памятниками) существованія русскій языкъ отличался отъ прочихъ слав. языковъ *отсутствіемъ носовыхъ гласныхъ* и *полногласіемъ*. Эти звуковыя (фонетическія) особенности рускаго языка развились уже въ эпоху отдѣльной отъ прочихъ славянъ жизни русскаго языка, т. е. послѣ выдѣле-

нія р. языка изъ общеславянской семьи, т. к. въ прочихъ славянскихъ языкахъ этихъ особенностей нѣтъ, и, слѣдовательно, *онъ не могли быть получены р. языкомъ, унасльдованы имъ, отъ общеславянской эпохи.* Но мы увидимъ ниже, что въ русскомъ языкѣ XI-го вѣка были еще и такія особенности, которыя унаслѣдованы были русскимъ языкомъ отъ общеславянской эпохи и перешли въ русскій языкъ изъ общеславянскаго, сохранившись въ русскомъ и въ историческую его эпоху, т. е. послѣ появленія письменности. Это тѣ особенности, которыя отличаютъ русскій языкъ *не отъ прочихъ славянскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ прочими славянскими языками отъ языковъ не славянскихъ*, хотя и принадлежащихъ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ къ одной болѣе обширной семьѣ родственныхъ языковъ индоевропейскаго происхожденія (см. выше).

§ 6. Русскій языкъ древней нашей письменности (*не литературы*, которую я начинаю съ Петра Великаго, съ XVIII вѣка, когда уже возможно изслѣдовать *личность* писателя и его значеніе, какъ опредѣлялось то и другое въ зависимости отъ общихъ условій и подъ вліяніемъ окружавшей писателя среды и его индивидуальности) представленъ намъ однако, какъ мы уже знаемъ, не только *въ книгахъ* указаннаго выше содержанія, но и въ грамотахъ, юридическихъ актахъ и дѣловыхъ бумагахъ разнаго рода. Это—*языкъ дѣловой* (въ отличіе отъ церковнаго), близкій къ разговорному древнему р. языку. Дѣло въ томъ, что помимо церковныхъ интересовъ въ жизни р. людей складывались и интересы другого рода: *бытовые, юридическіе* (правовые), *общественные*. Тѣ формы взаимоотношеній въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, которыя складывались и укладывались по мѣрѣ развитія общественности и собственности, обнаруживали потребность обозначенія на бумагѣ, нуждались въ закрѣпленіи путемъ договоровъ, законовъ, завѣщаній, грамотъ разнаго рода (вкладныхъ, жалованныхъ, рядныхъ, межевыхъ, дарственныхъ и проч.). Вотъ всѣ

эти виды дѣловыхъ бумагъ, отъ кого бы они ни исходили, отъ великаго ли князя, отъ частнаго ли лица, отъ отца къ дѣтямъ, отъ мужа къ женѣ, отъ владѣльца-собственника, отъ жертвователя и проч., затрагивали такіе вопросы, которые для своего письменнаго выраженія не могли находить оригинала въ *церковной* или *богослужебной* и *поучительной* литературѣ. Эти бумаги должны были обозначать и формы отношеній и отдѣльные предметы (Напр., „Русская Правда", Договоры смоленскаго князя съ Ригою, Новгорода съ Тверью, грамоты дарственные на *вкладъ* въ монастырь, межевыя земельныя грамоты, духовныя завѣщанія, свадебные (рядные) записи и проч., и проч.) тѣми словами и тѣмъ языкомъ (синтаксисомъ), который слышался повседневно, былъ въ быту, въ употребленіи. Это чисто русскій языкъ со всѣми его діалектическими особенностями по мѣстностямъ, со всѣми др. русскими названіями различныхъ предметовъ домашняго быта. Но писать грамоты и дѣловыя бумаги опять-таки могли только *грамотеи*, а послѣдніе выучились читать и писать по *церковнымъ* книгамъ, и потому и въ языкѣ грамотъ мы нерѣдко найдемъ тотъ общій фонъ церковно-книжнаго языка, который служилъ общимъ фономъ языка всей р. письменности до Петра Великаго. Хотя надо признаться, что примѣсь (невольная, а часто и умышленная у такого лица, которое принадлежало къ духовенству или намѣренно выражалось по книжному, *витіевато*) церковно-славянскаго книжнаго языка въ общемъ въ грамотахъ очень незначительна сравнительно съ церковными и богословскими книгами. Вотъ этотъ *дѣловой языкъ* дьяковъ и подьячихъ былъ бы самымъ богатымъ источникомъ исторіи р. языка, если бы наши грамоты (какъ оффиціальныя—княжескія, какъ и частныя) были вообще сколько-нибудь значительны по объему (какъ напр., Русская Правда) и разнообразны по содержанію, но въ томъ то и бѣда, что всѣ эти дѣловыя бумаги въ общемъ кратки и повторяютъ другъ друга съ несущественными варьяціями въ

языкѣ и содержаніи, свидѣтельствуя собой о простотѣ др. русскихъ бытовыхъ и общественныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе всетаки—*памятники дѣлового русскаго языка* до XIV вѣка и даже гораздо дальше, можно сказать, *служатъ самымъ важнымъ источникомъ исторіи р. языка.*

§ 7. Понятіе о законахъ въ языкѣ. Мы видѣли выше, что языкъ живого народа находится въ постоянномъ движеніи, въ безпрерывномъ видоизмѣненіи въ устахъ говорящихъ лицъ, причемъ сами говорящіе не замѣчаютъ этихъ измѣненій, т. к. эти *измѣненія непроизвольны* и *безсознательны.* Хронологическое разсмотрѣніе видоизмѣненій языка въ теченіе его жизни (употребленія) и составляетъ содержаніе *науки исторіи языка.* Изъ этихъ видоизмѣненій при достаточномъ ихъ накопленіи и въ извѣстный болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени возникаетъ *новый языкъ* на мѣсто и вмѣсто стараго, который перестаетъ существовать при новомъ. Всѣ такія видоизмѣненія совершаются въ языкѣ или во времени (въ его исторіи), или въ пространствѣ его употребленія (по нарѣчіямъ). Напр., было *медъ*, а стало *мёдъ*, (*м'от*), было *жиръ*, а стало *жыр* и проч. Эти видоизмѣненія—*звуковыя*, или *фонетическія*, *отличающія собой одну эпоху языка русскаго отъ другой*—слѣдующей. Но *московское лѣс* (*л'ёс*) при *полтавскомъ ліс* отличаютъ собой *въ одно и то же время* русскій языкъ сѣвера отъ русскаго языка юга, по мѣстностямъ, по пространству его употребленія, т. е. *по нарѣчіямъ* (великорусскому и малорусскому). Эти видоизмѣненія называются *внѣшними*, или *звуковыми*, *фонетическими* и подлежатъ учету, т. е. найдены для нихъ *опредѣленныя условія* (фонетическое положеніе; положеніе даннаго звука, изображаемаго на письмѣ извѣстною буквою, среди другихъ звуковъ—буквъ въ словѣ), *при которыхъ имѣетъ мѣсто опредѣленное звуковое измѣненіе въ данномъ языкѣ или его нарѣчіи, въ данное время.* Такимъ образомъ, *законъ языка*, *лингвистическій законъ* долженъ

быть понимаемъ, какъ опредѣленіе тѣхъ условій времени и мѣста употребленія языка, а также условій положенія звука въ словѣ, при которыхъ необходимо наблюдается опредѣленное строго измѣненіе звука или звуковыхъ сочетаній. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что *законы языка мѣняются съ теченіемъ времени и разнообразятся по нарѣчіямъ.* Когда законъ такой пересталъ уже существовать, то обнаруженіе его въ языкѣ уже не замѣчается, и этимъ опредѣляются *эпохи жизни языка, лингвистическія эпохи исторіи языка.* Такимъ образомъ, лингвистическіе законы существенно отличаются отъ законовъ въ естественныхъ и математическихъ наукахъ: законъ всемірнаго тяготѣнія, законъ сохраненія энергіи и под. существуютъ во все время и вездѣ, не измѣняясь, а законы языка ограничены временемъ и мѣстомъ. Но не надо думать поэтому, что законы языка не найдены и не точны: если *законъ языка найденъ, то онъ обязателенъ* въ границахъ времени и пространства и при наличности извѣстныхъ условій (фонетическихъ) *безъ всякихъ исключеній.* Онъ точенъ и ясенъ. Но это не значитъ еще, что всѣ законы языка нами уже найдены: пока не всѣ законы найдены, до тѣхъ поръ мы постоянно наталкиваемся въ языкѣ на противорѣчія фактовъ языка однихъ другимъ, обнятымъ найденнымъ закономъ. Однако эти противорѣчія не суть исключенія изъ законовъ, а *столкновеніе самихъ законовъ,* причемъ одни законы намъ извѣстны, а другіе нѣтъ. И вотъ факты языка, противорѣчащія нашимъ найденнымъ законамъ, мы *пока* называемъ фактами, происшедшими *по аналогіи* (по сходству, которое распространилось въ своемъ вліяніи и на другія слова), но глубоко убѣждены въ томъ, что сама *аналогія* подчинена какимъ-то неизвѣстнымъ намъ, но существующимъ законамъ языка, вѣроятно, обусловленнымъ законами мысли; т. е. законами воздѣйствія *мысли на языкъ,* т. е. языкъ, какъ форма мысли, вызываетъ собой и самую мысль, а содержаніе языка—мысль постоянно вызываетъ собой и соотвѣтствующую форму—языкъ.

Измѣненія въ языкѣ *по аналогіи* мы называемъ *внутренними* измѣненіями, или *психологическими*, въ отличіе отъ вышеназванныхъ *внѣшнихъ*, или *фонетическихъ*, т. е. *физіологическихъ*, въ произносимыхъ звукахъ рѣчи. Напр., наше окончаніе вин. п. именъ сущ. муж. рода—ъ, которое было когда-то *гласнымъ звукомъ*, *гласнымъ окончаніемъ*, *глухимъ звукомъ* (иначе оно не изображалось бы *буквою* въ тотъ періодъ нашей письменности, когда орѳографія выражала собой произношеніе, когда *азбука составлялась для изображенія слышавшихся въ рѣчи звуковъ*) есть *законное* соотвѣтствіе звука общеславянскаго языка звуку индоевропейскаго общаго языка въ вин. п. ед. ч. именъ сущ. муж. рода: др. инд. vṛ̥kam, лит. vilkam, лат. lupum, греч. λύκον, стрсл. влькъ показываютъ ясно, что во всѣхъ родственныхъ языкахъ окончаніе вин. п. ед. ч. этихъ именъ сущ. было: гласная (*а, и, о*—ъ)+носовая согласная *т* (*п*). Однако мы видимъ, что носовая конечная согласная отпала во всѣхъ славянскихъ языкахъ, т. к. нѣтъ ни одного слав. языка, въ которомъ она въ этой формѣ была бы, но передъ ней сохранился ъ, который соотвѣтствуетъ латинскому *u*, греческому *о*, литовскому *а* и др. индійскому *а*. Такъ какъ мы знаемъ, что латинское *и* въ такомъ фонетическомъ положеніи, т. е. въ *закрытомъ* (кончающемся на согласный звукъ) *конечномъ слогѣ слова* образовалось уже на латинской почвѣ изъ болѣе ранняго латинскаго же *о* (equus изъ болѣе ранняго equos, istud изъ болѣе ранняго istod, какъ видно изъ латинскихъ надписей) при неударяемости послѣдняго, то мы заключаемъ, что латинское lupum изъ болѣе ранняго *lupom, т. е. *о* въ закрытомъ слогѣ само *закрылось*, стало *закрытымъ* („лабіализованнымъ), т. е. при произношеніи стало примѣнять *губную артикуляцію*, видоизмѣнилось при произношеніи по направленію къ звуку *и*, и тоже мы заключаемъ и объ общеславянскомъ гласномъ ъ въ его соотвѣтствіи съ *о*, т. к. ъ есть *закрытое о*, какъ показываетъ самъ старсл. языкъ, напр., *сънъ* (лат. somnus, sopor)—*сонъ* и проч. Изъ этихъ данныхъ

мы вправѣ заключить, что въ общемъ праязыкѣ былъ на этомъ мѣстѣ такой звукъ, изъ котораго могъ развиться и *а* и *о* (*и*, *ъ*), т. е. *а°*—звукъ *а*, склонный при произношеніи къ звуку *о* (срв. соврем. нѣм. Fa°ust). Такимъ образомъ, въ праязыкѣ индоевропейскомъ было *точно и несомнѣнно—а°т*, т. е. v̥ḱa°t. Стало быть *а°=а, о, и, ъ*. Поэтому мы должны бы были ожидать: yugám, ζυγόν, jugum при праязычномъ *jugá°m—с. слав. и русское игъ, но мы имѣемъ иго, какъ въ то, т. е. иго имѣетъ *о* не по фонетическому закону, а *по аналогіи* съ мѣстоименіемъ ср. рода *то*; также всѣ имена ср. рода: село, окно, благо, добро и под. Этотъ законъ общеславянской эпохи и аналогія тоже этого же времени. Но въ примѣрѣ *мёдъ* (м'от) изъ *медъ* мы имѣемъ законъ уже исторической эпохи (XIII—XIV вѣка); законъ измѣненія *е* въ *о* (*ё*—буква, означающая собой звукъ *о*, передъ которымъ согласный произносится *мягко*, т. е. прикосновеніемъ языка *къ небу*, это произношеніе называется *небнымъ*, или *палатальнымъ* и приближается къ звуку *і*, который поэтому всегда есть звукъ *палатальный* отъ лат. *palatium*=нёбо. Обозначается звукъ небный согласный *апострофомъ* сверху и съ правой стороны надъ буквой: *м'*, *н'*, *р'*, *с'*.... читай: *мь*, *нь*, *рь*, *сь*.... Сравни: м'от и *мёдъ* въ произношеніи и въ орѳографіи. Изъ этого сравненія видно, какъ отстала орѳографія отъ произношенія, а когда азбука составлялась, тогда она выражала собой произношеніе, и потому старое написаніе *медъ* свидѣтельствуетъ о бывшемъ когда-то произношеніи, которое мы могли бы, согласно орѳографіи, и согласно соотвѣтствію звуковъ, найденному сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, условно передать такъ: *medй* (латинскими буквами, причемъ *й* почти не слышалось, какъ во франц. *e* muet: *mère*, *père*, *mérite*.... Или, напр., старославянское (др. болгарское) написаніе *влъкъ* (*лъ* между двумя согласными въ др. болгарскомъ языкѣ обозначало *слогообразующій* звукъ л, сонантъ л, гласный л) мы могли бы передать для произношенія лат. буквами: v̥l̥kй или v̥l̥kŏ, гдѣ l̥ означаетъ

слогообразующій l, л. Срв. выше vi̯ka°m, со *слогообразующимъ r, p*). Это измѣненіе *е* въ *о* со смягченіемъ предшествующей гласной (обозначается *'о*. См. выше.) всегда происходило *въ великорусскомъ нарѣчіи подъ удареніемъ передъ твердымъ звукомъ или слогомъ*. Срв. мёдъ, плёлъ, вёлъ, шолъ, брёлъ, но: *плесть* и проч. Поэтому, въ словахъ при отсутствіи наличности этихъ условій *е* не измѣняется въ *о* (т. е. не подъ удареніемъ и не передъ твердымъ звукомъ). Вотъ почему мы имѣемъ *твоёю, своёю, моёю, брёю, лилёю* (у Пушкина) и проч. Но: *семьёю, свиньёю, скамьёю* и проч. представляютъ противорѣчіе закону, т. к. въ нихъ звукъ *е* находится, хотя и подъ удареніемъ, но *передъ мягкимъ*, а *не передъ твердымъ звукомъ*: семьёю=семьjójу (т. е. ё=jo, если написать *научно* т. е. передать *слышимые звуки языка*, а не *условныя буквы письменности*; *ю*=jу по той же причинѣ). Звукъ же *j* (іотъ) есть *мягкій* небный звукъ, а потому *по закону* слѣдовало бы: *семьёю* и проч. Слѣд., *семьёю* не по закону фонетики, а *по аналогіи*. Но съ чѣмъ? Съ формами твор. падежа ед. ч. именъ сущ. жен. рода на—*óю*: *женóю, головóю, однóю, порóю* и проч. Сравни діалектическія (ряз., тамб., орлов...): *твоёю, своёю, моёю* и под. Такъ надо понимать законы языка, и такъ надо различать лингвистическія эпохи.

Лекція IV.

§ 8. Теперь посмотримъ, что получилъ р. языкъ въ наслѣдіе отъ общеславянской эпохи въ неизмѣненномъ видѣ.

Выше мы сказали, что по принципу сравненія родственныхъ языковъ между собою въ ихъ соотвѣтственныхъ формахъ и звукахъ мы неизбѣжно восходимъ къ предшествующей эпохѣ языка-отца сравниваемыхъ языковъ или, иначе говоря,

сравнительное изученіе родственныхъ языковъ неизбѣжно приводитъ насъ къ возстановленію общаго имъ предка, отъ котораго, какъ отъ отца, пошли сравниваемые нами языки. Такъ, наблюдая, съ одной стороны, соотвѣтствіе во всѣхъ слав. языкахъ явука *а* греческому *а*, а, съ другой стороны, въ тѣхъ же слав. языкахъ звука *о* греческому и латинскому *а*, какъ ударяемому, такъ и неударяемому, мы заключаемъ, что общерусскій языкъ унаслѣдовалъ отъ общеславянскаго: 1) звуки *а* и *о широкія*, унаслѣдованныя отъ общеславянской эпохи въ соотвѣтствіи родственнымъ звукамъ *а* и *о краткимъ* и *долгимъ* родственныхъ языковъ. Напр., общесл. сотона, греч. *σατανᾶς*; стрсл. серб. чш. польск. луж. и русскій законъ, греч. *ξάκανον*; общесл. словѣнє, греч. *σθλαβηνοί*; стрсл., болг., серб., чш., польск., рус. опытъ, лат. *acetum*; порода, греч. *παράδεισος*; лазорь, греч. *λάξαρος* и под. 2) Звуки *и*, *і* *краткіе* и *долгіе* (звуки *доисторической* эпохи русскаго языка мы всегда будемъ обозначать *латинскими* буквами), *слоговые* и *неслоговые* (слоговое *и* мы будемъ обозначать u̯, какъ и всякій *слоговой* звукъ; а *неслоговой и* такъ: u̯, какъ и всякій *неслоговой* звукъ. При этомъ замѣтимъ, что *неслоговое* u̯ произносится ближе всего къ англійскому звуку *w—билабіальный* звукъ, произносимый двумя губами, не касающимися ни зубовъ, ни другъ друга. Напр., англ. water=вода, well=хорошо и проч. *Неслоговое* i̯=нашему *й* или латинскому *j* (іотъ) передъ гласными. Звуки *u̯* и *i̯* общеславянской эпохи произошли изъ общеиндоевропейскихъ *дифтонговъ* (двухгласныхъ) *eu̯* и *ei̯* съ слоговыми гласными разнаго качества (*a°u̯*, *a°i̯*, *a°u̯*, *a°i̯*...). Напр., старосл. оутро, болг. утро, серб. ютро, польск. jutro, луж. jutro, рус. утро (во всѣхъ слав. языкахъ мы видимъ въ началѣ этого слова *и*, слѣдовательно, это *и общеславянское*), но въ литов. яз.—*aušra*, лат. *aurora* изъ *ausora* по закону лат. яз., гдѣ *r* между двумя гласными произошелъ изъ болѣе ранняго *s*, въ древне-инд. мы имѣемъ

корень этого слова *us-*. Слѣдовательно, общеиндоевропейское *u* дало здѣсь и общеславянское *u* при родственныхъ дифтонгахъ—*au*. Такое *u* мы видимъ въ общеславянскомъ оухо (*uxo*; слав. звука x нѣтъ въ латинскомъ, поэтому мы пишемъ на его мѣстѣ *греческое* χ, т. к. въ греч. яз. это *x* есть.) при литовскомъ *ausis*, лат. *auris* (изъ *ausis*), др. инд. *ušas*. (š=ш, такъ пишется въ чешск. языкѣ ш.). То-же въ словѣ оу-ти (об-*у*-ть) при лит. *auti*. Индоевр. корень *u*. Звукъ *i* мы имѣемъ въ общеславянскомъ *i* : *i-ti* (ити, нынѣ неправильно мы пишемъ *идти*, но *на*+*ĭ*+*ти*, *во*+*ĭ*+*ти* и проч.), серб. *ити*, чешск. *jíti*, польск. *iść*, рус. *ити*, но литов. *eĩti*, лат. *i-re*, греч. *i-έναι*, др. инд. *i*—mas. Или: старосл. сыновє (сыновья) изъ **sūneŭes*; основа сыноу.—Старосл. пѧтиѥ изъ **pontejes*. (Значкомъ *обозначается предполагаемая, но не доказанная форма).

3) Звуки *e краткое* и *долгое* и *ä*. Долгое *ē* (ѣ) изъ основного *ē* или изъ дифтонговъ *oi* и *ai*. Это долгое *ē* еще въ общеславянскомъ языкѣ распалось на дифтонгическое сочетаніе *i͡e* (изъ *e͡e*; „дифтонгическое сочетаніе“ отличается отъ собственныхъ дифтонговъ тѣмъ, что послѣдніе состоятъ изъ гласныхъ въ сочетаніи только съ *u* или съ *i*; а „дифтонгическія сочетанія“—это сочетанія двухъ какихъ угодно гласныхъ, составляющихъ *одинъ* слогъ). Распаденіе общесл. *ē* на *i͡e* (Знакъ ͡ означаетъ, что сочетаніе составляетъ *одинъ слогъ*.) произошло еще въ общеславянскую эпоху въ позднѣйшій ея періодъ. Звукъ *ä* былъ извѣстенъ вм. *e* въ положеніи только *послѣ смягченныхъ согласныхъ* передъ слогомъ со слѣдующимъ *i* или *ē*: это явленіе, хоть и общеславянскаго періода, но *діалектическое*, принадлежавшее *не всему* общеславянскому языку, но его *діалектамъ*. Напр., старосл. ѣ-мь (или ѩ-мь изъ **ѣд-мь*, **ѧд-мь*), рус. *ѣмъ*, литов. *ėd-mi*. Вездѣ мы имѣемъ *долгое ē* изъ основного *ā*°: **ā*°*d-mi*. Др. инд. *ad-mi*. *Краткое ĕ* общеславянское изъ основного *ă*° мы имѣемъ въ формѣ: ѥсть, лат. *est*, греч. *ἐστί*, др. инд. *asti*. Общеиндоевроп. (основ-

ное) *ăᵉsti*. Срв. также общесл. *ē* въ дѣ-ти, рус. (о, на, за...)— *дѣть*, греч. *τί-θη-μι*, др. инд. *dhā*—изъ общеиндоевроп. *āᵉ*. Также: *дѣва*, *дѣтѧ*, *дѣверь* и проч. Срв. старосл. дѣверь, болг. *дѣвер*, серб. *djевер*, чш. *deveř*, польск. *dziewierz*, малор. *д'івер* (малорусское *і* какъ разъ указываетъ собой на *ѣ* этого слова въ корнѣ, т. к. малорусское *і* соотвѣтствуетъ звуку *ѣ* великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій). Литов. dëveris, греч. *δᾱήρ*, лат. lēvir, др. инд. dēvar. Изъ общеиндоевроп. *āᵉ*. Въ формахъ мѣстнаго падежа ед. числа именъ сущ. муж. рода: старосл. вльцѣ, др. рус. вьлцѣ, новорус. волкѣ (*к по аналогіи* съ *к* въ формахъ волка, волку и проч.) изъ *vьlkoi̯ черезъ *вьлці͡е восходитъ къ основному vŕ̥kăᵒi̯, т. е. общесл. *ē* здѣсь (старосл. ѣ) изъ дифтонга ăᵒi̯ (oi̯.). Ср. греч. мѣстный падежъ: *οἴκ-οι* (съ *οι* долгимъ, т. к. иначе мы имѣли бы *облеченное* удареніе на первомъ слогѣ *οι*, какъ въ имен. п. мн. ч. *οἶκοι*. Стало быть, въ мѣстномъ падежѣ ед. ч., какъ показываетъ греческій языкъ, дифтонгъ *οι* произошелъ изъ долгаго гласнаго *съ длительной долготой*, при которой получалъ перевѣсъ второй гласный дифтонга. Срв. въ имен. падежѣ мн. ч. греч. *οι* съ *прерывистой* долготой, при которой послѣдній изъ двухъ гласныхъ дифтонга былъ краткимъ) Лат. *domī* (съ *ī* долгимъ также), др. инд. vr̥kē.

Такимъ образомъ, основное сочетаніе ăᵒi̯ въ мѣстномъ падежѣ ед. числа дало сначала *ē*, которое получено было и общеславянскимъ языкомъ, въ которомъ это *ē* распалось на *і͡е* и при долготѣ *длительной* должно было дать перевѣсъ звуку *е* (второму изъ сочетанія), а при *прерывистой* долготѣ—звуку *і* (первому изъ сочетанія). Вотъ почему въ мѣстномъ п. ед. ч. мы имѣемъ въ старосл. вльцѣ (т. е. ѣ), а въ имен. п. мн. ч. вльци (т. е. и), хотя и ѣ и и, какъ показано выше, восходятъ къ дифтонгу ăᵒi̯. Путь звука *ē* въ общеславянскомъ отъ *oi* былъ, очевидно, черезъ *ō̆*, откуда *ē*, а затѣмъ уже распаденіе на *і͡е*: *oi—ō̆—ē—і͡е*. Также только *качествомъ*

долготы гласнаго звука объясняется то *и*, то *ъ* въ словахъ: бери, но берьте (пов. накл. старославянскаго глагола брати) при греч. *φέροι(ς)* и *φέροιτε*; ср. мати, дъшти при литов. *motẽ*, *duktẽ* съ долгими *ẽ* на концѣ. Слѣд., мы ожидали бы *матѣ, дъштѣ...

Честь открытія *двухъ видовъ долготы по качеству ея* въ индоевропейскомъ праязыкѣ по даннымъ индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ профессору Моск. Университета, нынѣ академику Имп. Академіи Наукъ *Ф. Ѳ. Фортунатову*. Звукъ *ä* (чень открытое *e*) изъ звука *e* въ общесл. языкѣ, а отсюда унаслѣдованный и общерусскимъ языкомъ, мы имѣемъ въ примѣрахъ: послѣ смягченнаго согласнаго передъ слѣдующимъ слогомъ съ *e* или *i* (См. выше): jesenь (или jesenь)—jäsenь, откуда старосл. ѥсень, болг. есен, серб. јесен, чш. jeseň, польск. jesień. (Рус.-великорус. и малор. осень, осінь—принадлежатъ уже слѣдующей эпохѣ, общерусской, какъ показываютъ великор. и малор. нарѣчія). Слѣдовательно, уже въ общеславянскую эпоху явленіе e—ä при извѣстномъ фонетическомъ условіи было *діалектическимъ*. Очевидно общерусскій языкъ вынесъ изъ общеславянской эпохи не jesenь, откуда далѣе jäsenь, а jesenь (съ неслоговымъ j, которое въ русскомъ языкѣ въ началѣ слова отпало, и уже изъ esenь черезъ *ösenь получилось въ общерусскомъ же періодѣ *осень*, т. к., если бы въ началѣ слова стоялъ *согласный j*, то не могло бы получиться *осень*, а было бы **jосень*... См. о явленіяхъ, образовавшихся уже въ *общерусскую* эпоху отдѣльной жизни русскаго языка, до его распаденія на нарѣчія, т. е. въ VII—VIII вѣкахъ приблизительно, ниже). Также: jedinь, откуда jädinь, а отсюда: старосл. ѥдинъ, болг. един, серб. један, чш. jeden, польск. jeden. Рус. *одинъ* уже въ общерусскую эпоху. См. *осень* выше. Общесл. jezero—jäzero, откуда: стрсл. ѥзєро, польск. jezioro, болг. ѥзеро, серб. језеро, чш. jezero. Рус. *озеро* уже въ общерусскую эпоху. См. *одинъ* выше. Общесл. jelenь—

jälenь, откуда: стрсл. ѥлень, серб. јелен и проч. Рус. *олень* еще въ общерус. эпоху. См. *озеро* выше. Общесл. ženiχъ—žäniχъ, откуда: стрсл. женихъ и проч. слав. языки такъ же. Рус. женихъ (при ювр. жанихъ и свр. діалект. жанихъ изъ *е* открытаго—*ä*. Срв. želēzo—žälēzo, откуда стрсл. желѣзо. Рус. желѣзо, жалѣзо и залізо. См. выше „*женихъ*“. Замѣчательно, что *не послѣ j*, которое уже въ общеслав. эпоху стало смѣшиваться съ i, мы и въ русскомъ яз. не имѣемъ *о* изъ *е*, а остается или *е* открытое, или *а* изъ *ä*. Это доказываетъ собой, что *о* въ такихъ словахъ, какъ *осень*, *олень*, *озеро*, *одинъ* и под., гдѣ мы имѣемъ въ общесл. языкѣ начальное *j* (i), есть дѣйствительно *діалектическое* явленіе общеславянскаго языка, перешедшее *только въ русскій языкъ* и совпавшее съ подобнымъ явленіемъ другихъ языковъ, напр., новогреческаго. Поэтому напрасно *Соболевскій* (Лекціи. 3-е изд. Стр. 31 и слѣд.) оспариваетъ это явленіе, какъ явленіе *общерусской эпохи*. Это фактъ, съ которымъ совпали и другія явленія случайно въ другихъ родственныхъ языкахъ, однако совпаденіе произошло *въ разныя эпохи* языка, и это не оговорено Соболевскимъ. Остальныя же слова, приводимыя Соболевскимъ, представляютъ совсѣмъ иное *фонетическое положеніе* начальнаго звука *о* въ русскомъ языкѣ. Напр., *одва* при *едва*; *ёжъ* (млр. *ожина*), др. р. *ожь*, *ожикъ* (у Скорины въ XVI вѣкѣ); р. *още* при *еще*; р. *омёла*, р. *орёлъ*, р. *олово* при *позднемъ* болгарскомъ ѥлово. Мы вмѣстѣ съ Фортунатовымъ и Шахматовымъ утверждаемъ, что въ общесл. языкѣ въ такихъ случаяхъ было *ä*, которое предполагаетъ предшествующее *j* или вообще *смягченную* согласную; *діалектически* же еще въ общесл. языкѣ было здѣсь не *j*, а гласный *неслоговой* i, и тогда могло быть измѣненіе *ä* въ *о* черезъ *ö* и въ діалектахъ общесл. языка: новоболг. *още*, чш. и словац. oseň, omela, старочш. ožanka (срв. млр. *ожина*, растеніе), чш. ořel и др. По колебаніямъ въ слав. и литов. языкахъ началь-

ныхъ звуковъ *а* и *е* въ такихъ случаяхъ мы видимъ, что это діалектическое колебаніе восходитъ къ литовско-слав. эпохѣ: стрсл. **алнии** (олень—лань), литов. *elnis* (елень), латыш. *a*lnis, лит. *a*malas (омела). Срв. *готское a*sans—осень. Такимъ образомъ, индоевроп. начальное $\breve{a}^e$ дало въ литов.-слав. тоже $\breve{a}^e$, откуда литов. *а*, а общеславянское *о*, которое получило еще въ общеславянскомъ начальное *j* или i̯, и въ первомъ случаѣ дало *jä* при слѣдующемъ слогѣ съ *і* или *е*, т. е. раскрылось, во второмъ дало *ö* при тѣхъ же условіяхъ, т. е. закрылось, откуда *о* лишь въ общерусскую эпоху въ русскомъ языкѣ, а въ части слав. языковъ это *о* сохранилось діалектически при *je* (*jä*), указывая на варьянтъ или чередованіе *j* и i̯ еще въ общеславянской эпохѣ. Что же касается немногихъ словъ съ начальнымъ *е* (безъ *j*, *ä* открытымъ, пишется *э*) въ русскомъ языкѣ, то они, надо полагать, восходятъ къ основнымъ общеславянскимъ сочетаніямъ *придыханія* (*h*)+*е*, предъ которымъ *придыханіе h* отпало впослѣдствіи: *это, эво, эдакъ*. Срв. бѣлор. *hэто*, млр. *hэй*, *hэть*, *hэтъ*. Срв. кашубское *hevo*, серб. *ето, ево*.... Выпаденіе этого *придыханія h* доказано между гласными для индоевропейскаго языка Фортунатовымъ. Приводимыя Соболевскимъ русскія *о* изъ *е*, находимаго въ заимствованныхъ изъ греческаго языка словахъ, лишь подтверждаютъ сказанное о явленіи русскаго языка: Овдотья—*Εὐδοκία* и проч. Подобныя явленія новогреческаго языка *Εὐνοσιά*—omnostjá и под. ничего общаго съ явленіями р. языка не имѣютъ. Такія слова, какъ *опитемья, оклисиастъ* могли быть взяты русскимъ языкомъ уже въ новогреческой оболочкѣ.

4) Звуки *ŭ* и *ĭ* (или *ŏ* и *ĕ*)—*ирраціональные*, т. е. звуки, бывшіе короче краткихъ звуковъ, изображавшіеся въ старсл. языкѣ буквами ъ и ь, перешли также въ общерусскій языкъ изъ общеславянскаго. Эти звуки (будемъ ихъ писать ъ и ь, чтобы не смѣшивать съ *ясными*, не ирраціональными) извѣстны были также въ положеніи передъ i̯: dobrъi̯,

sinьi. (Срв добрый, доброй, добрай, добръй—по нарѣчіямъ въ малор. *добрий*. Также: синій, синей, синьй Срв. „самъ третéй“). Изъ этихъ сравненій рефлексовъ отраженій общеславянскаго ъ въ положеніи передъ і видно по нарѣчіямъ р. языка, что отраженія были самыя разнообразныя, т. е. звукъ общеславянскаго языка б. *неопредѣленный*, *ирраціональный*.

Что въ общесл. эпоху ъ и ь были близки къ *й* и *ĭ*, а также и въ общерусскую эпоху еще, видно изъ заимствованій финскимъ языкомъ славянскихъ словъ, гдѣ мы видимъ *и* вмѣсто слав. ъ, и *і* вм. слав. ь. Такъ какъ въ этихъ заимствованіяхъ есть еще *носовые гласные* (suntia—сждии, und—жда и проч.), полногласія еще въ р. языкѣ не было (talkkuna—tolkno—толокно...), то, стало быть, эти заимствованія финнами изъ восточно-слав. языка произошли *до* исчезновенія носовыхъ гласныхъ въ р. яз., *до* развитія полногласія, *до* потери звуками ъ и ь ихъ гласнаго характера *й* и *ĭ*, т. е. приблизительно не позже V—VI вѣка по Р. Х., т. к. заимствованія финнами нѣмецкихъ словъ (готскаго яз.) доказываютъ, что эти заимствованія произошли еще до того, какъ *готскій* языкъ принялъ видъ IV вѣка (въ библіи Ульфилы). Отсюда, путемъ сравнительнаго языковѣдѣнія мы устанавливаемъ точно, что финны пережили на себѣ вліяніе германцевъ (готовъ) уже послѣ раздѣленія финновъ на западныхъ и восточныхъ, т. е. что это раздѣленіе было до IV-го вѣка, т. к. восточные финны уже не знаютъ непосредственнаго вліянія германцевъ. Около этого же времени *славяне* становятся сосѣдями западныхъ финновъ. Около V—VII в. славяне прорѣзали поясъ литовскихъ поселеній на верхнемъ Днѣпрѣ и столкнулись съ западными финнами, не коснувшись еще *восточныхъ* (*черемисы* и *мордвы*). Но до этого времени, какъ мы видѣли, сосѣдями финновъ были *германцы* и *литовцы*, причемъ литовское вліяніе распространялось и на зап. и на вост. финновъ, т. е. было *до* раздѣленія финновъ (до IV вѣка), а германское (готское) вліяніе испытали на себѣ *только западные* финны (и это было до IV вѣка),

слѣд., раздѣлились финны приблизительно въ II—III вѣкѣ по Р. Х.; передвижка славянъ изъ общеслав. колыбели, прорѣзавшая поясъ литовскихъ поселеній (см. выше—колыбель общесл. семьи), послѣдовала приблизительно въ V—VI вѣкѣ по Р. Х.

5) Звуки *ы*, соотвѣтствующее *ū* индоевропейскому, и *ы* передъ i̯—вторичное, а также *i* передъ i̯ (вторичное) изъ ъ и ь. Напр., еще въ общесл. изъ dobrъi̯—стало dobrъi̯, мъi̯, ꙁмиi̯, биi̯ и под. изъ: mъi̯, zmьi̯, bьi̯... Срв. сынъ—литов. sūnus, дымъ—др.-инд. dhūma, быти—др. инд. bhū, лат. fu-ĕre..

6) Звуки *носовые гласные* (ǫ и ę); въ стрсл. пишутся ѫ (юсъ большой, произносится, какъ франц. *on*) и ѧ (юсъ малый, произн., какъ франц. *in*. Срв. польскія ą и ę: ząb и gęba, idę, idą и т. д.).

Изъ современныхъ слав. языковъ только польскій да отчасти кашубскій сохранили носовые гласные, но въ эпоху Кирилла и Меѳодія были они и въ др. болгарскомъ языкѣ, какъ видно изъ алфавита старославянскаго, составленнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ. Они были и въ общерусскую эпоху (срв. выше). Посмотримъ ихъ исторію. *Въ концѣ IX вѣка*, когда русскіе столкнулись съ *мадьярами* (венграми), *въ русскомъ языкѣ еще были носовые гласные звуки:* на это указываетъ русское названіе мадьяръ (венгровъ)—*угре*; въ этомъ словѣ мы видимъ и произносимъ звукъ *у*, между тѣмъ какъ по-латыни h*un*gari или *un*gari, греч. *οὔγγαροι, οὔγγροι*, нѣмецк. *un*garn. Очевидно, въ это время слово *угре*, *угринъ* (ед. ч) произносилось **унгре*, т. е. ѫгрє, а затѣмъ, когда носовое произношеніе исчезло, то стало произноситься *у* не носовое: *угре*. Равнымъ образомъ видно, что въ эпоху столкновенія русскихъ съ варягами, жителями Скандинавіи, когда начались у насъ съ ними сношенія, и языкъ скандинавскій началъ вліять на языкъ русскій, то *носовые звуки въ русскомъ языкѣ еще были*; это было также въ IX вѣкѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ сопо-

ставленіе заимствованныхъ изъ скандинавскаго языка русскимъ языкомъ словъ. Напр., р. варягъ—старосканд. var*in*gr, греч. *βάραγγος*; рус. кълбягъ (названіе народа)=старосканд. kylf*in*gr, греч. *κούλπιγγος*; Судъ (названіе пристани въ Константинополѣ)=старосканд. s*und* (что значитъ „морской проливъ“. Срв. нынѣшнее: Зундъ—проливъ между Сканд. полуостровомъ и Даніей); р. ябетьникъ и старосканд. *ämb*iti (служба). Опять, если бы во время сношеній русскихъ со скандинавами не было у русскихъ носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не „варягъ“ (т. е. варѧгъ. Срв. выше ѫгре—онгре или унгре), а „варенгъ“; не „Судъ“ (сѫдъ), а „Сундъ“ или „Зундъ“, какъ нынѣ въ названіи пролива, которое, очевидно, заимствовано уже *послѣ потери русскимъ языкомъ носовыхъ звуковъ. Но уже въ концѣ X-го вѣка носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, повидимому, не было.* Это доказывается тѣмъ, что въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ“, которое написано въ это время, при передачѣ русскихъ названій для Днѣпровскихъ пороговъ греческими буквами авторъ не передавалъ носового произношенія гласныхъ въ этихъ названіяхъ, слѣд., такого произношенія уже не было. Именно: названіе порога „Неясыть“ (по стрсл. было бы **неѧсыть**) передано греч. буквами: *Νεασήτ*. Если бы въ этомъ названіи порога звучалъ носовой гласный ѧ (ę=in, en), то по-гречески было бы передано: *Νεενσήτ*, а греческое *α* свидѣтельствуетъ, что при произношеніи слова „Неясыть“ послѣ слога *не* было слышно *а* или *ја* безъ носового произношенія. Равнымъ образомъ названіе порога „Напрязи“ (по стрсл. было бы **напрѧзи**) передано греч. буквами: *Ναπρεζή*. Здѣсь мы опять имѣемъ *ε* безъ носового произношенія. Названіе порога: „Вьручи“ (по стрсл. было бы **вьрѫщіи**—прич. наст. вр. дѣйств. зал. ед. ч. им. пад. ж. рода отъ гл. **вьрѣти**—кипѣть; „кипящая“) передано греч. буквами *Βερούτζη*. Здѣсь опять вмѣсто ѫ, т. е. ǫ (on), мы имѣемъ уже чистый гласный *у* (оу), греч. *ου*. Слѣдовательно, въ это вре-

мя *носовыхъ гласныхъ* въ русскомъ языкѣ уже не было. Въ этомъ же насъ убѣждаетъ и древнѣйшій памятникъ русской письменности, дошедшій до насъ отъ XI вѣка—Остромирово Евангеліе 1056—1057 года. Здѣсь мы находимъ: вод*у*, вѣр*у* —вин. п. ед. ч. вмѣсто водѫ, вѣрѫ; гоубѫ вм. гѫбѫ; коупѣли вм. кѫпѣли; исцѣлю вм. исцѣлѫ и др., мора—род. п. ед. ч. вм. морѧ; октабра вм. октабря и др. Изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ старославянскимъ носовымъ гласнымъ ѫ и ѧ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ гласные *у* (пишется оу), *ю* и *а* со смягченіемъ предшествующей согласной или ь, то, смѣшивая эти буквы на письмѣ съ буквами старославянскаго языка ѫ, ѭ (=оу, ю) и ѧ, ѩ (=а, ь), переписчикъ обнаружилъ свое русское произношеніе и свое полное незнакомство съ носовыми гласными въ его языкѣ. Далѣе, въ XI и XII вѣкахъ все меньше и меньше мы замѣчаемъ ѫ въ русскихъ памятникахъ, а ѧ имѣетъ значеніе только ь.

Такимъ образомъ, доисторическое существованіе носовыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ доказано и финскими заимствованіями, и русскими заимствованіями изъ скандинавскаго языка, и передачей русскихъ названій греческими буквами, и сопоставленіемъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и русскаго названій для народа венгровъ.

Эти носовые гласные перешли изъ общеславянскаго языка въ общерусскій въ неизмѣненномъ видѣ, и уже въ общерусскую эпоху, какъ увидимъ, исчезли. Значитъ, мы имѣемъ слѣдующія явленія общеславянскія, перешедшія въ общерусскій языкъ изъ всего общеславянскаго языка или изъ его діалектовъ:

Звуки. Гласные. 1) *а*, *о* широкія.

2) *и*, *і* краткія и долгія, слоговыя и неслоговыя, причемъ неслоговое u̯ = w (билабіальный звукъ, какъ въ англ. языкѣ), а неслоговое i̯ = рус. й послѣ гласныхъ.

3) *e*, *ē* и *ä*. При этомъ *ē* (стрсл. ѣ) соотвѣтствуетъ или основному *aᵉ* (*ē*), или образовалось изъ дифтонга *oi̯*, *ai̯* и распалось еще въ общеслав. эпоху на дифтонгическое сочетаніе *ie*. Звукъ *ä* былъ извѣстенъ общесл. языку *діалектически* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ и *j* передъ слогомъ со слѣдующими гласными *e* или *i*.

И такимъ же звукъ *ä* былъ полученъ общерусскимъ языкомъ въ означенномъ фонетическомъ положеніи.

4) *ъ* и *ь* ирраціональные, (*ъ* и *ь* передъ *i̯*); въ родств. языкахъ имъ соотвѣтствуютъ: *ŭ*, *ĭ*, *ŏ*, *ĕ*.

5) *ы* (изъ *ū*) и *ы* передъ *i̯* (вторичное), *ī* передъ *i̯* (вторичное). Звуки *ы* и *ī* передъ *i̯*—неполнаго образованія.

6) *ѫ* и *ѧ*.

Лекція V.

Теперь займемся вопросомъ, *какъ* мы добываемъ свѣдѣнія объ эпохѣ языка-отца и какъ возстановляемъ его звуки, если эти звуки не засвидѣтельствованы письменными памятниками и не получили отраженія въ начертаніяхъ (буквахъ), т. е. если мы возстановляемъ доисторическія эпохи языка. Вникнемъ въ суть сравнительнаго метода, т. к. для такихъ эпохъ языка сравнительный методъ есть единственный методъ познанія, причемъ сравниваются между собой данныя

живыхъ языковъ или данныя письменности уже умершихъ языковъ, если эти данныя сохранены письменными памятниками родственныхъ представителей одной и той же языковой семьи.

§ 9. Возстановленіе доисторическихъ эпохъ языка. Видоизмѣненія въ одномъ и томъ же языкѣ. Дробленіе языковъ на нарѣчія и законы измѣненій въ языкѣ. Возьмемъ примѣръ. Слово *бѣлъ (бѣлый)* въ стрсл. языкѣ изображалось такъ: бѣлъ, въ новоболг. яз.: бѣл, въ серб. бијел, въ чш. bílý, въ польск. biały, въ верхне-луж. bjeły, въ малор. білый, великорус. бѣлый. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ названій—словъ для одного и того же понятія въ родственныхъ слав. языкахъ мы видимъ, что старославянскому ѣ (ē) соотвѣтствуютъ: *е*, *uje*, *i*, *ia*, *je*, а въ остальныхъ звукахъ полное совпаденіе. Слѣдовательно, желая возстановить эпоху того звука, изъ котораго могли образоваться всѣ эти данныя отраженія (рефлексы), мы прежде всего видимъ, что сербскій и польскій, а также лужицкій, языки указываютъ своими звуковыми комплексами, соотвѣтствующими ѣ (ē), на то, что ē отразилось, какъ дифтонгическое сочетаніе *i*+*e* или *i*+*a*; далѣе, что въ однихъ языкахъ мы имѣемъ развившеюся лишь первую часть этого сочетанія *i* (чешск. малорус.), въ другихъ—лишь вторую *e* (болг. великорус. лужицк.), въ третьихъ—обѣ части, причемъ вторая часть этого сочетанія представляетъ собой либо *узкое е* (серб.), либо *широкое е* (e^a и потомъ *a*). При этомъ замѣтимъ, что самъ старославянскій языкъ показываетъ, что его знакъ ѣ обозначаетъ собой звукъ, близкій къ ꙗ: напр., вьсѧкъ, вьсꙗкъ при вьсѣкъ; багърѣнъ, камѣнъ и проч. при русскихъ: багърѧнъ, камѧнъ; идѣаше при рус. идꙗше и проч. Въ глаголическихъ памятникахъ старосл. языка мы постоянно имѣемъ ѣ въ значеніи *ja*, а въ кирилловскихъ памятникахъ мы имѣемъ нерѣдко ѣ вм. *a* послѣ смягченной согласной. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ дифтонгическомъ сочетаніи, отражающемъ

долгое ē въ польскомъ и старосл. языкахъ, мы находимъ вторую часть этого сочетанія съ *открытымъ*, *широкимъ* *е*, а въ сербскомъ—съ *закрытымъ*, *узкимъ* *е*. Чтобы представить себѣ теперь такое звуковое сочетаніе, изъ котораго могли бы развиться всѣ данные рефлексы *ē*, т. е. чтобы представить *общеславянское* звуковое сочетаніе *наканунѣ эпохи распаденія общеславянскаго языка на отдѣльные слав. языки*, надо въ этомъ сочетаніи искать возможности развитія изъ него всѣхъ данныхъ рефлексовъ, а такимъ общеславянскимъ сочетаніемъ, получившимся изъ *ē* древнѣйшей эпохи общеслав. языка (*ē* не могло же распасться на два звука), и могло быть только сочетаніе *ie*^{1} (*е* узкое) или *ie*^{2} (*е* широкое): вѣрнѣе всего, это сочетаніе было *ie* (съ неопредѣленнымъ качествомъ звука *е*, дававшаго въ однихъ діалектахъ *е* узкое, въ другихъ—*е* широкое). Такимъ образомъ, общеславянское *бѣлый* звучало: bielъ (съ неопредѣленнымъ „среднимъ“, европейскимъ *l*, изъ котораго въ отдѣльной жизни развились *л'* (*л* мягкое, сербское *љ*) и *л* твердое (русское и польское *ł*). А конечный знакъ *ъ*—ирраціональный звукъ, неопредѣленный гласный, который, какъ мы видѣли, въ доисторическое время звучалъ, какъ *й* или *ŭ* (припомнимъ финскія заимствованія), въ эпоху Кирилла и Меѳодія звучалъ какъ какой-то гласный, для котораго былъ *особый знакъ*. Этотъ звукъ (ъ) еще въ общесл. эпоху *въ концѣ словъ* сталъ звучать очень глухо, а затѣмъ скоро исчезъ въ концѣ словъ, какъ показываютъ всѣ слав. языки, еще въ общеслав. же эпоху, ибо мы не имѣемъ теперь ни въ одномъ изъ слав. языковъ воспоминанія объ этомъ звукѣ *въ концѣ словъ*, какъ о звукѣ, составляющемъ слогъ: въ концѣ словъ, именно, онъ былъ *неслоговымъ*, слабымъ ирраціональнымъ, и потому исчезъ. Между тѣмъ, если мы сравнимъ общеславянское bielъ съ литовскимъ и далѣе съ греч., лат. и другими языками, то мы увидимъ, что, получивъ изъ сравненія болѣе отдаленныя эпохи языка: эпоху литовско-славянскую, наконецъ, обще-индоевропейскую, мы найдемъ, что общеславянскому *ъ* (какъ и *ь*)

соотвѣтствовали *гласные слоговые звуки* родственныхъ языковъ. Такъ, стрсл. влъкъ, рус. волк, болг. вълк, серб. вук, польск. wilk, чш. vlk и т. д. соотвѣтствуетъ литовскому wĩlkas, др. индійскому vŕ̥kas, греч. *λύκος*, лат. lupus, т. е., имен. пад. ед. ч. этого слова со стрсл. ъ оканчивался на *гласный* (*a*, *o*, *u*), за которымъ слѣдовалъ согласный *s*. Очевидно, что въ лит.-слав. языковую эпоху былъ *s* въ им. п. ед. ч., но уже въ общеславянскую эпоху отпалъ, какъ увидимъ на примѣрахъ ниже. Строя изъ сравненія слова *волк* во всѣхъ приведенныхъ слав. языкахъ форму *общеславянскаго* языка, мы найдемъ для этой эпохи: *vь̥lkъ, а для литовско-славянской *vь̥lkos (срв. литов. wĩlkas, греч. *λύκος* вм. *Fλύκος*, гдѣ *F* дигамма, звукъ, билабіальный, отпавшій еще въ общегреческую эпоху въ извѣстныхъ случаяхъ). Прежде, чѣмъ объяснять подробности видоизмѣненія общеславянскаго *vь̥̂lkъ̂ по нарѣчіямъ (языкамъ) этой семьи и подробности возстановленія этого общеславянскаго слова, скажемъ о видоизмѣненіяхъ въ языкѣ вообще съ теченіемъ времени, о научномъ освѣщеніи причинъ видоизмѣненій и дробленія языка на нарѣчія (говоры).

§ 10. Такъ какъ мы знаемъ, что всѣ видоизмѣненія звуковъ въ языкѣ совершаются помимо воли и сознанія говорящихъ, т. е. звуковыя измѣненія въ языкѣ *непроизвольны*, такъ какъ совершаются не по уговору или по соглашенію лицъ говорящихъ, а совершенно незамѣтно для говорящихъ поколѣній подготовляютъ въ будущемъ новый звуковой обликъ даннаго языка, то интересно знать, чѣмъ же вообще обусловлены звуковыя измѣненія, и могутъ ли они подлежать какому-либо учету, какой-либо закономѣрности, т. е. можно ли подмѣтить какіе-либо *законы измѣненія звуковъ*. Прежде всего ясно само собой, что звуковыя измѣненія могутъ происходить или подъ вліяніемъ *особаго произношенія*, т. е. *особаго устройства органовъ рѣчи* (нёба, носовой полости, гортани, языка, зубовъ—откуда получается произношеніе *съ присвистомъ*, *шепелеватое*, *картавое* съ особымъ звукомъ *р*; посовое

произношеніе, глубоко-гортанное, какъ напр., въ языкахъ турецко-татарскихъ, въ языкахъ кавказскихъ и под.), или подъ вліяніемъ *неумѣнья приспособить органы рѣчи* къ произношенію (артикуляціи) слышимыхъ звуковъ (напр., въ языкѣ дѣтей, обыкновенно произносящихъ съ особеннымъ трудомъ звуки: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, т. е. шипящіе, которые у дѣтей до 4-хъ лѣтъ, а иногда и дальше, звучатъ *шепелевато*; звуки: *р* твердое, какъ глубоко-гортанное, картавое: ˇыба вм. рыба и проч.; звуки: *р* мягкое, какъ *л'*, или звукъ средній между *р* или *л*. Напр., *тли* вм. *три*, или въ родѣ *т͡рли* съ вибраціоннымъ звукомъ язычнымъ-плавнымъ $\breve{p}^{л}$ и под.). Съ теченіемъ времени дѣти выучиваются и привыкаютъ говорить *чисто*, какъ окружающіе ихъ взрослые, но, если взрослые, въ свою очередь, не могли преодолѣть въ свое время трудностей произношенія, не могли свои *слуховыя воспріятія* при слышаніи рѣчи окружающихъ людей передать точно говорящему аппарату, т. е. органамъ рѣчи, не могли подчинить органовъ рѣчи импульсамъ слуховыхъ ощущеній, то неправильное положеніе органовъ рѣчи мало-по-малу дѣлается *привычнымъ*, а привычки затѣмъ развиваются и передаются по наслѣдству дѣтямъ. Намъ извѣстны нерѣдко цѣлыя семьи, говорящія картавымъ *р* или не произносящія *твердаго л* (польск. ł), вмѣсто котораго у нихъ слышны *в* (w—билабіальный звукъ почти неслоговое *у*—ц передъ гласными). Напр., mácwa=масла, wótka=лодка, bыw=былъ, bыwá=была́ и проч. Съ другой стороны, такъ какъ усвоеніе языка дѣтьми, еще не говорящими, или иностранцами при изученіи чужого языка, совершается путемъ *слуховыхъ воспріятій звуковыхъ эффектовъ*, то, значитъ, это усвоеніе стоитъ въ зависимости и отъ *органовъ слуха* и отъ *органовъ рѣчи*. Анатомическіе малѣйшіе дефекты тѣхъ или другихъ органовъ уже несутъ съ собой тѣ или другія измѣненія слышимой рѣчи, слѣдовательно, въ самомъ процессѣ передачи языка слушающему могутъ уже быть заложены причины будущихъ *привычныхъ* видоизмѣненій языка. И если мы предста-

вимъ себѣ дѣтей изъ картавой семьи въ *общеніи постоянномъ* съ дѣтьми ихъ возраста въ одномъ селѣ или деревнѣ, то при *единственномъ* способѣ усвоенія рѣчи *путемъ слуха* и *приспособленія органовъ рѣчи* такое картавое или шепелявое произношеніе можетъ стать *всеобщимъ въ молодомъ поколѣніи* данной *деревни*, а отсюда уже готовъ *говоръ* шепелеватый или картавый всей мѣстности. Не забудемъ, что дѣти вообще наблюдательны и переимчивы по самой своей дѣтской психологіи, а въ данномъ случаѣ, при усвоеніи языка, и для взрослаго —самое изученіе языка въ практическомъ смыслѣ состоитъ въ упражненіи и развитіи *слуховыхъ впечатлѣній* и въ упражненіи и развитіи *привычныхъ приспособленій отдѣльныхъ органовъ рѣчи къ произношенію* (путемъ подражанія) воспринятыхъ ухомъ *звуковыхъ сочетаній*. Кромѣ того, помимо анатомическихъ дефектовъ въ органахъ слуха или рѣчи, *дѣтская рѣчь* и при нормальномъ состояніи всѣхъ органовъ (слуха и рѣчи), сама по себѣ, служитъ *образцомъ рѣчи въ процессѣ ея сложенія*, т. е. служитъ *наглядньшъ примѣромъ слагающейся рѣчи*, и потому лингвисты для уясненія процессовъ измѣненія звуковъ въ рѣчи, для уясненія *физіологической*, *внѣшней*, *звуковой* стороны языка, часто пользуются матеріалами, извлеченными изъ своихъ наблюденій надъ *дѣтскою рѣчью*. Ясно, что еще не развитые органы рѣчи, недостаточно упражняемые, не образовавшіе еще *привычныхъ положеній* у ребенка, служатъ тоже одной изъ физіологическихъ причинъ видоизмѣненій въ языкѣ. Изъ этого всего мы выводимъ, что *прежде всего передача языка молодымъ поколѣніямъ заключаетъ въ себѣ естественныя условія для видоизмѣненій языка въ теченіи времени, условія для дробленія языка на говоры въ разныхъ мѣстахъ*. Собственно говоря, мы даже не можемъ себѣ представить такого состоянія языка, въ которомъ онъ былъ бы *идеально тождественнымъ въ говорѣ всѣхъ лицъ, составляющихъ общественную группу*. Такого *идеальнаго единства* языка наука не знаетъ, напротивъ того, даже въ каждой

семьѣ мы найдемъ безъ особаго труда *индивидуальныя отличія въ рѣчи* различныхъ членовъ этой семьи. Научно доказанное единство языка можно себѣ представить только въ языкѣ *каждаго отдѣльнаго индивида*. Но есть такія характерныя черты произношенія, которыя отличаютъ собой, согласно вышесказанному, цѣлую общественную группу, объединенную общимъ понятнымъ для всѣхъ ея членовъ языкомъ. Вотъ эти то черты мы и называемъ *діалектическими*. Понятно, что діалектъ, говоръ, нарѣчіе, языкъ—это все понятія относительныя: дробленіе одного языка внутри его на говоры или нарѣчія не исключаетъ возможности самому этому языку быть *нарѣчіемъ* или діалектомъ другого языка, болѣе крупнаго по району употребленія и типу звукового и морфологическаго строенія. Такъ, русскій, польскій, чешскій, словацкій, кашубскій, сербскій, хорватскій, болгарскій языки—другъ по отношенію къ другу—*языки*, но всѣ вмѣстѣ *по отношенію къ своему отцу—общеславянскому языку эти всѣ языки суть нарѣчія общеславянскаго языка*. Великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія суть нарѣчія относительно общерусскаго языка, но всѣ эти *нарѣчія суть языки* по отношенію къ своимъ поднарѣчіямъ: малорусскій языкъ дѣлится на нарѣчія: сѣверно-малорусское, южно-малорусское и средне-малорусское, а эти нарѣчія—на говоры: сѣдлецкій говоръ, черниговскій говоръ, волынскій говоръ, подольскій говоръ, галицкій говоръ, украинско-слободской говоръ, и т. д. и т. д. Великорусскій языкъ внутри себя различаетъ нарѣчія: сѣверно-великорусское и южно-великорусское, а эти послѣднія дѣлятся на различные говоры: напр., владимирскій говоръ, тульскій говоръ, касимовскій говоръ и проч. и проч.

Лекція VI.

§ 11. Такъ какъ языкъ есть *форма мысли*, то взаимодѣйствіе между языкомъ и мыслью наблюдается постоянно въ виду ихъ тѣсной связи: мысль, дѣйствуя на языкъ (форму), вводитъ слова въ ассоціаціи съ другими, уже извѣстными словами, и подъ вліяніемъ сходства внѣшней формы мысль отождествляетъ нерѣдко и самое содержаніе, т. е. значеніе слова, значеніе понятія, выраженнаго словомъ. Мысль, располагая слова при новомъ ихъ изученіи, по извѣстнымъ уже категоріямъ, вноситъ нерѣдко въ процессъ видоизмѣненій языка формы не этимологическаго или фонетическаго происхожденія, а *психологическаго* происхожденія, *по аналогіи*, т. е. по сходству съ готовыми уже и усвоенными въ памяти формами языка. Такъ возникаютъ въ языкѣ *внутреннія измѣненія психологическаго характера*, въ отличіе отъ внѣшнихъ, разсмотрѣнныхъ уже выше, физіологическихъ измѣненій. Напр., ребенокъ, не зная спряженія слова „глодать“, но *зная* спряженіе уже не разъ слышаннаго имъ слова „гадать“, а, съ другой стороны, зная отдѣльныя формы: „кладёш“, „кладёт“ и проч., однажды сказалъ: „Мама, посмотри, Женя *гладёт* кость“. Когда его поправили и сказали, что надо сказать „глóжетъ“, то черезъ нѣкоторое время онъ, очевидно, забывъ это, т. к. вообще это слово рѣдко, значитъ, употреблялось, сказалъ: „собака *гладáетъ* кость“. Въ первомъ случаѣ „гладёт“ по аналогіи съ „кладёт“, а во второмъ—по аналогіи съ „гадáетъ“ или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Такъ, у насъ предл. пад. *волкѣ*, *рукѣ*, *ногѣ* и под.—по аналогіи съ прочими падежами, въ которыхъ повторяются эти звуки: *к*, *г*, хотя въ древности было: *волцѣ*, *руцѣ*, *нозѣ* и прч. Такъ, у насъ *по аналогіи* пов. накл. *пеки* вм. древняго *пеци* (пьци) вслѣдствіе приспособленія къ формамъ со звукомъ *к*: *пеку*, *пекъ*, *пекла*. Срв. *печешь* и *пекешь* и проч. Законовъ, которымъ

подчиняются измѣненія психологическаго характера, измѣненія *по аналогіи*, мы еще не нашли, но это не значитъ, что ихъ нѣтъ, и что наука ихъ и не найдетъ. Но законы измѣненій внѣшняго характера, звукового, физіологическаго, уже многіе найдены. Надо только всегда помнить, что̀ называется въ языкѣ звуковымъ закономъ, и какъ его находятъ, и какъ его примѣнять. (См. выше.).

§ 12. Послѣ этихъ замѣчаній общаго характера мы поймемъ, что измѣненія въ языкѣ въ теченіе его жизни и на всемъ пространствѣ его употребленія необходимы и обусловлены самымъ характеромъ языка, какъ явленія человѣческой природы. Важно *опредѣлить условія* данныхъ измѣненій въ языкѣ, а равно *время* и *мѣстность*, для которыхъ *наличность опредѣленныхъ условій вызываетъ соотвѣтствующее звуковое измѣненіе въ языкѣ*. Теперь само собой понятно, что законы измѣненій языка мѣняются съ теченіемъ времени, т. к. мѣняются самыя условія обнаруженія измѣненій. Теперь, послѣ этихъ замѣчаній, мы можемъ взять примѣры одного и того же слова съ его фонетическими измѣненіями въ разныхъ родственныхъ языкахъ одной семьи сравнительно съ его фонетическимъ составомъ въ праязыкѣ этой семьи, въ родоначальникѣ этой семьи языковъ, въ ея отцѣ. Возьмемъ прежній примѣръ. Старославянское слово **влькъ**, какъ показываетъ изученіе старославянской письменности по памятникамъ, звучало съ *слоговымъ плавнымъ* л, и написаніе лъ между двумя согласными въ старославянскихъ памятникахъ въ соотвѣтствіи съ ъл между согласными въ русскихъ памятникахъ есть лишь *орѳографическій пріемъ* изображенія *слогового* л между двумя согласными. Такимъ образомъ, написанія: **тръгъ**, **врѣхъ**, **клъкъ**, **клъна**, **плънъ**, **урънъ**, **жалъть** и проч. въ старослав. памятникахъ есть просто *орѳографическое изображеніе слоговыхъ р и л* (гласныхъ) извѣстной эпохи старосл. языка. Въ такихъ случаяхъ въ русскихъ па-

мятникахъ мы видимъ *ър* и *ъл* съ глухимъ *ъ* или *ь передъ* плавнымъ: **търгъ**, откуда послѣ *торгъ*; **вьрхъ**, откуда далѣе *верхъ*; **вьлкъ**, откуда *волкъ*, а равно: *волна*, *полнъ*, *чернъ*, *желтъ* и проч. Въ сербскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ такъ же, какъ въ стрсл. языкѣ, *плавные слоговые* (гласные): *трг*, *врх*, *вук*, (изъ *влк), *вуна* (изъ *влна), *црн*, *пун* (изъ *плн), жут (изъ *жлт), въ чешскомъ—тоже: trh, vrch, vlna, vlk, plný; въ польскомъ—ближе къ русскому: targ, wierzch, wełna, wilk, pełny, czarny, żółty.

Такъ какъ старослав., сербскій и чешскій языкъ представляютъ намъ въ такихъ случаяхъ (т. е. между согласными) *плавные р* и *л слоговые*, между тѣмъ какъ русскій и польскій языкъ имѣютъ въ этихъ же случаяхъ *плавные р* и *л* согласные, *т. е. неслоговые*, то мы могли бы или признать *слоговые плавные діалектическимъ явленіемъ общеславянскаго языка*, или признать *слоговые плавные развившимися въ отдѣльной жизни старославянскаго, чешскаго и сербскаго языковъ послѣ распаденія общеславянскаго языка*. Вотъ въ такихъ случаяхъ важны указанія письменныхъ памятниковъ: изъ нихъ мы узнаемъ, что переходъ гласнаго *л* въ *у* развился въ сербскомъ языкѣ въ историческую эпоху, приблизительно въ XIV—XV в., между тѣмъ какъ *древній* сербскій языкъ одинаково зналъ оба плавныхъ гласныхъ; что касается чешскаго языка, то въ немъ гласные *r*, *l* составляютъ уже *исконную* его особенность, которая наблюдается и въ древнемъ чешскомъ языкѣ, (Уже въ XII вѣкѣ. См. *Флоринскій*. Лекціи по слав. языкознанію. Ч. II. 1897 г. Стр. 37 и 73. О сербскомъ языкѣ см. *его же*. Лекція. Ч. I. 1895 г. Стр. 259). Но главное—старославянскій языкъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ немъ сочетанія **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** между согласными были просто графическимъ пріемомъ обозначенія *гласныхъ р* и *л* по аналогіи съ написаніями такихъ словъ, какъ: *кръвь*, *плътъ*, *въскрьсъ*, которыя дѣйствительно имѣли гласный послѣ плав-

наго и при потерѣ конечной гласной (ъ, ь въ концѣ слова уже не произносились въ ту эпоху, отъ которой дошли до насъ памятники стрсл. языка, въ X—XI вѣкѣ) перешли въ *кров'*, *плот'*, *воскре́с*, между тѣмъ какъ такія слова, какъ *влъкъ*, *длъгъ*, *гръдъ*, *чръвь*, чрънъ, *плънъ* и проч. неперешли при тѣхъ же условіяхъ въ *влок*, *длог*, *грод*, *чрев*, *чрен*, *плон* и под. Слѣдовательно, слова: *кръвь* и *влъкъ* не были одинаковы съ звуковой стороны, хотя и писались одинаково. Значитъ, въ то время, когда еще звучали конечные ъ и ь въ словахъ: *кръвь*, *въскрьсъ* и проч., звуки *р* (*л*) *не были гласными*, п. ч. въ противномъ случаѣ эти слова послѣ исчезновенія конечныхъ ъ и ь превратились бы въ *кр̥в*, *пл̥т*,—*кр̥с* и т. д., чего мы не видимъ, а, наоборотъ, видимъ: кров', плот',—крес и под. Далѣе, изъ этого же слѣдуетъ, что въ такихъ словахъ существовало *различіе* между ръ и рь, лъ и ль, т. к. *ръ* дало *ро* (кров'), между тѣмъ какъ *рь* дало *ре* (*-крес*). Изъ этого же слѣдуетъ, что въ такихъ словахъ, какъ чрьвь, влъкъ и под., *написанія* рь, лъ и др. *обозначали другіе звуки*, чѣмъ *сходныя написанія въ* кръвь, плъть и под. Именно, въ такихъ словахъ, гдѣ и русскій языкъ сохранилъ *гласный послѣ плавнаго* между согласными, напр., кровь, плоть, воскресъ старославянскій языкъ означалъ написаніями ръ, лъ... *согласные р* и *л* съ гласнымъ глухимъ послѣ нихъ, а въ такихъ словахъ, гдѣ русскій языкъ представляетъ *гласный передъ плавнымъ* между согласными, напр., долгъ, волкъ, гордъ, чернъ старославянскій языкъ своими написаніями ръ, лъ и проч. обозначалъ *гласные р* и *л* между согласными, заимствовавъ это обозначеніе (графику) у словъ перваго типа: *кровь*, *плоть*, *бровь*, *воскресъ* и под. Что же касается доисторической эпохи старосл. языка, то надо думать, какъ сейчасъ будетъ видно, въ эту эпоху и др. болгарскій языкъ (старославянскій доисторическаго періода, до письменности) имѣлъ согласные *р* и *л*; равнымъ образомъ и чешскій языкъ доисторической эпохи (до X-го

вѣка) имѣлъ согласные *р* и *л*, и лишь каждый изъ названныхъ выше слав. языковъ въ отдѣльности впослѣдствіи развилъ у себя гласные *р* и *л*.

Въ самомъ дѣлѣ, что *общеславянскій языкъ не имѣлъ звуковъ r̥ и l̥*, видно изъ того, что звуки его *k, g, ch* въ однихъ случаяхъ смягчались въ *č, ž, š*, а въ другихъ нѣтъ, именно, въ положеніи одинаковомъ, гдѣ можно бы предположить существованіе r̥ и l̥. Напр., ѵрьвь=червь имѣетъ ч (ѵ) изъ *к*, какъ видно изъ литовскаго *kirmis*; жльтъ=желтъ имѣетъ *ж* (ж) изъ *g*, какъ видно изъ литовскаго *gèltas*. Но въ словахъ: гръдъ, крѣмъ мы не имѣемъ смягченія *г* и *к* въ *ж* и *ч*. Конечно, это смягченіе и его отсутствіе можно только объяснить тѣмъ, что *смягченіе происходило подъ вліяніемъ слѣдующаго за к, г... мягкаго гласнаго*, а передъ твердымъ гласнымъ смягченія не было. Слѣдовательно, ѵрьвь произошло изъ ѵьрвь, гдѣ долженъ былъ ь стоять *непосредственно* послѣ ѵ (изъ к), иначе звука ѵ не получилось бы, а остался бы звукъ *к*, какъ въ словѣ крѣмъ изъ кѣрмъ, т. е. ѣ—*твердый* гласный, не требовавшій смягченія *к*. Такимъ образомъ, мы нашли, что общеславянскій языкъ не имѣлъ р̥ и л̥, и въ немъ были сочетанія: *глухой ирраціональный* (ъ *или* ь) *слоговой*+*неслоговая плавная* (*р или л*) между согласными, т. е. *kъr̥vъ, или *gъl̥tъ, съ одной стороны, а, съ другой,—*kr̥̂mъ, *gr̥̂dъ и проч.

Такъ и по отношенію къ слову клъкъ—общеславянская форма: vъl̥kъ, а въ болѣе ранній періодъ: vъl̥kos, откуда vъl̥kъs, какъ увидимъ сейчасъ изъ сопоставленія формъ литов., греч., лат. и др. индійскаго языковъ.

Лекція VII.

§ 13. Законъ конца словъ. Прежде, чѣмъ выяснять, откуда въ общеславянской формѣ *vъ$_0$къ мы получили ъ$_0$ послѣ v, когда въ стрсл. яз. мы видимъ ъ, а въ русскомъ *о* (**волкъ**), мы выяснимъ вопросъ о томъ, на *какой звукъ* оканчивались такія слова, какъ: *волкъ*, *рабъ*, *столъ*, *полнъ* и под., т. е. слова муж. рода на-ъ (въ письменности, а въ живомъ произношеніи—на согласный, стоявшій передъ ъ, т. е. *волк*, *раб*, *стол*, *полн* и под.): былъ ли конечный звукъ такихъ словъ *гласнымъ* звукомъ, или *согласнымъ*. Выше мы видѣли, что во всѣхъ слав. языкахъ (не исключая и русскаго) слово *волк* звучитъ съ конечнымъ согласнымъ *к*, лишь въ одномъ старосл. языкѣ мы имѣемъ послѣ *к* еще знакъ ъ, который, какъ мы видѣли выше, былъ глухимъ гласнымъ *ŭ* или *й* (лат.). Припомнимъ: **кръвь**, **крьвь** и проч. Далѣе, выше же мы видѣли, что въ *эпоху написанія* стрсл. памятниковъ *въ концѣ словъ* знаки ъ и ь *уже не имѣли звукового значенія*, какъ это видно изъ памятниковъ стрсл. письменности (въ нихъ наблюдается смѣшеніе ъ и ь, отпаденіе въ концѣ и исчезновеніе въ серединѣ словъ, напр., **многъ** вм. **мъногъ** и проч.). Но сравненіе стрсл. **клъкъ** съ родственными въ другихъ языкахъ доказываетъ, что когда-то конечный ъ (ь) имѣлъ слоговое значеніе гласнаго, и это прежде всего доказывается тѣмъ, что составители слав. азбуки изображали особымъ знакомъ ъ, ь этотъ конечный звукъ, знакомъ, *имѣвшимъ значеніе гласнаго* (хотя и глухого), какъ видно изъ употребленія ъ и ь въ стрсл. памятникахъ. Слѣдовательно, *въ эпоху составленія азбуки* (въ IX вѣкѣ) конечныя ъ и ь еще слышались въ стрсл. яз., но уже были близки къ исчезновенію въ означенномъ фонетическомъ положеніи, т. е. *въ концѣ словъ*, т. е. въ X—XI вѣкѣ они уже исчезли изъ произношенія. Бывшее гласное значеніе конечныхъ ъ и ь доказывается и

сравненіемъ тождественныхъ словъ въ родственныхъ языкахъ. Именно: стрсл. **влькъ** съ гласнымъ *л* (см. выше) въ эпоху X—XI в., ранѣе—др. болгарское **вълкъ** съ согласнымъ *л*; новоболгарск. *вълк*, серб. *вук*, (ранѣе *влк*), чш. *vlk*, польск. *wilk*, р. *волк* (между прочимъ малорусское *волк—вовк* доказываетъ своимъ *о*, что на этомъ мѣстѣ когда-то былъ глухой ирраціональный, но болѣе *сильный*,—*ъ*, т. к. въ малорусскомъ нарѣчіи изъ древняго *о*, а не *ъ*, получилось въ концѣ концовъ—*і*: *піп*, стрсл. **попъ**, *бігі*, стрсл. **богъ**, *віл*—стрсл. **волъ** и проч. съ основнымъ *о*. См. ниже).

Итакъ, мы видимъ, что во ~~всѣхъ~~ слав. нарѣчіяхъ слово *волк* оканчивалось въ историческую эпоху на согласный звукъ, и ни одно изъ слав. нарѣчій не сохранило воспоминанія о бывшемъ на концѣ такихъ словъ когда-то гласномъ звукѣ. Слѣдовательно, если это *гласное* окончаніе и было когда-нибудь, то *очень давно*, т. к. память о немъ не сохранилась ни въ одномъ изъ *историческихъ* потомковъ *общеславянскаго* родоначальника слав. нарѣчій. А что такое гласное окончаніе было когда-то, а, именно, въ эпоху еще болѣе раннюю, чѣмъ эпоха славянскаго единства, на это указываютъ родственныя славянскимъ языки. Именно: въ литов. яз. мы имѣемъ въ этомъ словѣ послѣ *к—а*: wil̃k*a*s, въ лат.—*и*: lup*u*s, въ греч.—*о*: *λύκος*, въ др. инд.—*а*: vṛk*a*s. Такимъ образомъ, въ главнѣйшихъ представителяхъ индоевропейской семьи языковъ мы видимъ ясныя указанія, во 1-хъ, на то, что слова, какъ *волкъ*, *сынъ* и под., имѣли въ дославянскій періодъ, т. е. въ эпоху балтійско-славянскаго единства, а равно и еще ранѣе, въ эпоху общеиндоевропейскаго языка, передъ окончаніемъ имен. п. ед. ч.—*s*, гласный звукъ, являвшійся то болѣе открытымъ *а* въ нѣкоторыхъ языкахъ, то болѣе закрытымъ *о* и даже *и*—въ другихъ языкахъ. Во 2-хъ, что имен. п. ед. ч. такихъ именъ въ эти отдаленныя эпохи имѣлъ согласное окончаніе—*s*.

Такимъ образомъ, если балтійско-славянская форма была vьlkos, причемъ въ балтійской вѣтви мы видимъ расширеніе основного *o* въ *a*, а въ славянской вѣтви переходъ основного *o* въ закрытый звукъ—*и*, откуда на славянской почвѣ изъ *й*—*ъ* глухой ирраціональный; то общеиндоевропейская форма была бы *vьrka°s, т. е. въ этой формѣ должна отражаться и судьба различныхъ звуковъ, составляющихъ это слово въ отдѣльныхъ языкахъ, причемъ уже въ отдѣльной жизни различныхъ языковъ индоевр. семьи основное сочетаніе ь+r, какъ мы видѣли, получило и пережило разную судьбу: то сдѣлался гласнымъ *плавный* и въ связи съ этимъ *сталъ неслоговымъ* ъ (чш., серб., др. инд., гдѣ мы имѣемъ *r* вм. европейскаго *l*. Это, вѣроятно, было особаго рода *r*, какъ мы видѣли это въ дѣтской рѣчи на словѣ *трли* вм. *три*, изъ котораго развилось частью *р*, частью *л*), то сдѣлался *согласнымъ* плавный, и въ связи съ этимъ развился *слоговой* ъ, какъ въ русскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ и проч. Наконецъ, общеиндоевропейское *a°* изображаетъ качество того звука, который въ такихъ словахъ пережилъ въ отдѣльной жизни языковъ различныя судьбы, превратившись въ однихъ языкахъ въ *а*, въ другихъ въ *о*, откуда далѣе *и* въ жизни отдѣльныхъ языковъ, напр., латинскаго и старославянскаго, гдѣ *й* (краткое) дало глухой ирраціональный звукъ ъ. Изъ этихъ построеній формъ различныхъ лингвистическихъ эпохъ мы видимъ (напр., эпохи общерусскаго языка, эпохи общеславянскаго языка, эпохи балтійско-слав. языка, эпохи общеиндоевропейскаго языка), что формы языковъ этихъ эпохъ есть *точный* выводъ изъ *данныхъ* (извѣстныхъ), принадлежащихъ родственнымъ языкамъ. Это вовсе не выводъ *произвольный*, а, какъ мы видимъ, выводъ *естественный*, выводъ, уже заключающійся въ разрозненныхъ составныхъ частяхъ—родственныхъ языкахъ, какъ матеріалахъ для вывода, матеріалахъ, *отражающихъ судьбу* (исторію) отдѣльныхъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни распавшагося общаго родоначальника—языка. Значитъ,

прежде всего мы выводимъ заключеніе, что общеславянскій языкъ не имѣлъ въ такихъ словахъ гласнаго окончанія, что это гласное окончаніе исчезло съ отпаденіемъ конечнаго согласнаго длительнаго звука *s*, что это отпаденіе звука *s* произошло еще въ общеславянскую эпоху, хотя и было еще въ балтійско-славянскую, что еще до отпаденія конечнаго звука *s* съ предшествующимъ гласнымъ (*a°*) произошли фонетическія измѣненія: именно, въ конечномъ *закрытомъ* слогѣ (т. е. въ слогѣ, оканчивающемся на *согл.* звукъ, въ данномъ случаѣ на *s*) гласный *a* подвергся *закрытію*, перешелъ въ *o*, а *o*, въ свою очередь, *закрывшись*, дало *u*, т. е. старославянское ъ. Такимъ образомъ, *волкъ* пережило стадіи: влъкъ—вълкъ—вьлкъс—вьлкоус—вьлкос (vьlkos)—въ порядкѣ восходящемъ къ древности.

На этомъ примѣрѣ мы старались показать, какъ строятся лингвистическія эпохи; мы остановились подробно на одномъ примѣрѣ въ цѣляхъ методологическихъ, мы ввели слушателей въ самую научную лабораторію лингвиста, чтобы впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ изложеніи, уже не возвращаться къ подробностямъ этого рода. Ясно, что выводы о доисторическихъ эпохахъ языка тѣмъ *точнѣе*, чѣмъ *бо́льшими свѣдѣніями* по отдѣльнымъ языкамъ обладаетъ лингвистъ, т. е., чѣмъ его знанія въ области отдѣльныхъ языковъ обширнѣе, чѣмъ *полнѣе* для него начертана судьба различныхъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни каждаго изъ родственныхъ языковъ. Вотъ почему, *детальное* изученіе отдѣльныхъ нарѣчій языка, напр., русскаго (его діалектологія), влечетъ за собой *неминуемо* болѣе точное представленіе объ эпохѣ *общерусской*, т. к. даетъ лингвисту *наглядное* въ нарѣчіяхъ р. языка изображеніе судьбы общерусскихъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни этихъ нарѣчій, а *точное* воспроизведеніе эпохи общерусской сближаетъ эту эпоху съ болѣе ранними и способствуетъ *точности* воспроизведенія болѣе отдаленныхъ эпохъ.

жизни языка. Итакъ, *законъ конца словъ* для старославянской эпохи заключался въ томъ, что *ни одно слово стрсл. языка ранней, доисторической эпохи, не могло оканчиваться на согл. звукъ*, т. к. ъ въ *ранній* періодъ стрсл. языка былъ на концѣ гласнымъ (въ періодъ *доисторическій*); въ историческій періодъ, съ исчезновеніемъ конечнаго ъ, въ стрсл. языкѣ возможно сдѣлалось и согласное окончаніе. (Относительно такихъ словъ въ стрсл. памятникахъ, какъ: *народось, работъ, плодось* изъ народъсь, ракътъ, плодъсь въ сочетаніи сущ. съ мѣстоименіемъ—членомъ: тъ или сь, см. *Ляпунова.* Формы склоненія въ стрсл. языкѣ. Одесса. 1905 г. Стр. 5—6). Далѣе, въ болѣе раннюю эпоху общесл. языка, т. е. въ эпоху *праславянскую*, былъ на концѣ им. п. ед. ч. именъ сущ. муж. рода—*s*, *который позже отпалъ въ эту же эпоху*, въ эпоху общеславянскаго языка; далѣе, прежде его отпаденія гласный звукъ подвергся еще *въ закрытомъ слогѣ* измѣненію, *закрытію*, какъ и въ общелатинскомъ языкѣ, гдѣ—*us* получилось въ такихъ словахъ изъ *os*: equ*us* изъ equ*os*, lup*us* изъ lup*os*; срв. греч.—*os*. Это *u* въ стрсл. языкѣ дало ъ. Такимъ образомъ, мы получили понятіе объ особенностяхъ различныхъ лингвистическихъ эпохъ: эпоха именит. падежа на—*s*, эпоха отпаденія *s*, эпоха закрытія предшествующаго гласнаго, эпоха конечнаго глухого гласнаго закрытаго, эпоха его отпаденія, эпоха новаго согласнаго окончанія послѣ отпаденія въ концѣ словъ ъ.

§ 14. Разсмотримъ теперь другіе случаи конца словъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію *явленій внутри слова.* Возьмемъ конецъ слова съ *мгновеннымъ* согласнымъ (эпохи согл. окончаній), т. е. такимъ, который произносится посредствомъ *полнаго смыканія дѣйствующихъ органовъ рѣчи*, а затѣмъ перейдемъ къ конечнымъ *длительнымъ*, т. е. такимъ согласнымъ, которые произносятся *неполнымъ смыканіемъ дѣйствующихъ органовъ рѣчи, оставляющихъ при смыканіи от-*

верстіе для проникновенія воздуха, т. е. къ звукамъ, *способнымъ длиться въ произношеніи.*

Различая эпохи балтійско-славянскую, праславянскую и общеславянскую по ихъ фонетическимъ особенностямъ, мы должны признать, что *мгновенные звуки* t и d отпали *въ концѣ словъ* еще въ первую изъ этихъ эпохъ, между тѣмъ какъ праславянская эпоха, получивъ отъ предшествующей въ наслѣдство слова съ отпавшими конечными t и d, сохраняла еще на концѣ словъ *длительные* s, r, n, m, причемъ *гласный звукъ* ŏ (изъ ă°. См. выше), стоявшій передъ этими конечными длительными согласными, т. е. находясь *въ конечномъ закрытомъ слогѣ*, становился въ эту уже эпоху *очень закрытымъ*, т. е. измѣнялся въ *й*, которое въ праславянскую эпоху давало *ъ*, какъ и всякое *й* (срв. стрсл. сынъ. литв. sūnŭs, гдѣ стрсл. ы изъ ū, а стрсл. ъ изъ *й*). Такъ получилось еще въ праславянскую эпоху—ъ+s въ концѣ словъ, не только восходящихъ по своему окончанію къ балтійско-славянскому—*й*+s (сынъс изъ sūnŭs), но и въ концѣ словъ, восходящихъ по своему окончанію къ балтійско-славянскому ŏ+s (вълкъс изъ vь̥l̥kŏs литв. wil̃kas). Вотъ почему мы видимъ въ старославянскомъ языкѣ полное совпаденіе формъ имен. п. ед. числа именъ сущ. муж. рода, восходящихъ къ разнымъ склоненіямъ по основамъ: одна основа на—*й* (сынъ), другая—на ŏ (влъкъ). Такое совпаденіе по окончаніямъ формъ *сынъ*, *медъ*, *волъ*, *бъдръ*, *остръ* съ формами: *волкъ*, *рабъ*, *столъ*, *добръ* и под. произошло, значитъ, *по фонетическимъ причинамъ*, вслѣдствіе *фонетическаго закона еще праславянскаго языка о закрытіи гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ передъ длительными конечными согласными.* Въ слѣдующую же эпоху *общеславянскаго періода отпали и длительные конечные согласные* (s, r, n, m), и такимъ образомъ конечный закрытый гласный праславянской эпохи—*ъ сталъ конечнымъ гласнымъ*, оканчивающимъ слово: общесл. vь̥l̥kъs, vь̥l̥kъ̣, къ эпохѣ ста-

рославянскаго языка *доисторическаго* періода превратилось въ къ̑лкъ̑ (въ эпоху составленія азбуки), а затѣмъ въ *историческую* эпоху (X—XI в.)—въ къ̑дкъ̑, что̀ въ памятникахъ стрсл. письменности изображается написаніемъ: клъкъ. (О старославянскихъ ѓ, ѓ см. выше. Общесл. языкъ не имѣлъ ѓ, ѓ, какъ видно было изъ такихъ словъ, какъ: ѵрѣкь, жлътъ при литов. *kirmis*, *geltas* и пр. См. выше). Отпаденіе конечнаго *s* видно и изъ такихъ формъ, какъ: кєрн—греч. *φέροις*; кєзє—др. инд. avahas и под. См. § 15.

§ 15. Отпаденіе конечныхъ мгновенныхъ *t* и *d* въ словахъ балт.-слав. періода еще видно изъ сравненія др. инд. tad, восходящаго къ индоевроп. *tă°d, съ стрсл. то, рус. то, чш. и польск. to и проч. въ имен.-вин. п. ед. ч. *средняго* рода. Срв. также: стрсл. кєзѫ (общесл. vezǫ) изъ vezont (лат. vehunt; по отпаденіи *t*—vezon, а конечное *on* въ стрсл. яз. давало носовой гласный ѫ, перешедшій и въ общерусскую эпоху. См. выше). Общесл. и старосл. кєрн при сравненіи съ греч. *φέροι*(ϛ) указываетъ на отпаденіе *t* въ концѣ и на гласный *i* изъ дифтонга οι (съ прерывистой долготой. См. выше. При *длительной* долготѣ получался стрсл. ъ). Общесл. и стрсл. аористъ (прош. время) кєзє получилось изъ (a)vaha(t), гдѣ *a* есть augmentum (приращеніе—признакъ прош. времени), а *t*—окончаніе отпало. Въ общеиндоевр. языкѣ въ корнѣ этого слова было *ă*^{e}: срв. др. инд. vahami—лат. veho—греч. *Fέχω*—стрсл. кєзѫ.

§ 16. Законъ отпаденія длительныхъ *n*, *m*. Отпаденіе конечныхъ длительныхъ, наступившее еще въ общесл. періодѣ (см. § 14), объясняетъ намъ происхожденіе не только им. падежа, въ которомъ отпалъ въ муж. родѣ *s*, но и происхожденіе формъ другихъ падежей, а также формъ им. п. ед. ч. *средняго* рода. Такъ, изъ сравненія формъ вин. п. ед. ч. обще-

сл. noštь̥, стрсл. **ноштъ̥** и литов. naktĭn или формъ вин. п. общесл. synъ̥, стрсл. **сынъ̥** и литов. sūnŭn, мы видимъ, что *n* и *m отпадали* въ концѣ словъ послѣ *ĭ*, *ŭ* (т. е. ь, ъ). Изъ этихъ же формъ видно, что *ь=ĭ*, а *ъ=ŭ*. Отпаденіе конечныхъ *n*, *m* послѣ *ь*, *ъ* не производило никакихъ измѣненій внутри слова. Но, если *m*, *n* стояли не послѣ *ь*, *ъ*, а *послѣ ŏ*, *ō* и *ā*, то въ закрытомъ слогѣ слова гласные *ŏ*, *ō* и *ā*, превращались въ закрытые: напр. *ŏn давало ŭn*, а *послѣ ŭ* (см. выше) *n отпадало*: *вълкъ* изъ vь̥l̥kos, vь̥l̥kŭs; вин. п. сначала vь̥l̥kon, затѣмъ vь̥l̥kŭn, затѣмъ vь̥l̥kъn, затѣмъ—vь̥l̥kъ̥; vezon—vezŭn—vezъn—vezъ (**везъ** — аористъ). Срв. др. инд. *avaham*, греч. *ἔφερον*, гдѣ *a*, *ε* есть augmentum, а *m*, *ν*—личное окончаніе прош. времени (историческаго). Или: beron-berŭn-berъn-berъ̥ (**беръ**—аористъ отъ гл. **брати**, греч. *ἔφερον*, (*ἔ—φερον*). Или: som—sŭm—sъm—sъ̥, а при измѣненіи *m* въ *n* на концѣ словъ: изъ sъm получалось sъn. Напр., въ словахъ: sъn+jimь̥ или: sъn+iti sę. Стрсл. **съни͡мь, сънити сѧ**. Далѣе, если *m* и *n* стояли послѣ ō (это ō балт.-слав. эпохи изъ общеинд. ā° съ прерывистой долготой; въ греч. яз. такое *ō* изображается буквою *ω—омега*), то *ō превращалось въ ū* (какъ ŏ въ ŭ), а *ū давало въ стрсл. языкѣ ы* (какъ и въ общеславянскомъ: *ы* для общесл. періода изображается латинской буквой *y*, какъ въ польскомъ яз.). Слѣд., ōn—ūn—ȳn(ын), а послѣ *ы* m и n тоже отпадали: напр., общесл. kamōn (греч. *ἄκμων*=камень), откуда kamūn, далѣе kamȳn—kamy (стрсл. **камы**, р. камень—форма вин. п. ед. ч.). Лит. *aktů* своимъ дифтонг. сочетаніемъ *ů* доказываетъ прерыв. долготу. Наконецъ, если m и n стояли послѣ ā, то *ā въ закрытомъ конечномъ слогѣ превращалось въ ō*, а затѣмъ *ō+n* въ общесл. языкѣ (откуда и въ общерусскомъ) давало носовой гласный ą (на письмѣ ѫ). Напр., вин. ед. отъ сл. ženā (др. инд. genā, греч. *γυνή*) будетъ ženān (вин. п. всегда имѣлъ суф. *n*, *m*), откуда: ženōn и далѣе ženą, стрсл. **женѫ** (въ общерусской эпохѣ поздняго

періода, т. е. послѣ *праруеской*, уже: *жену*). Здѣсь надо обратить вниманіе на то, что выше мы видѣли сочетаніе — ōn (греч.—ων) въ словѣ katōn (греч. ἄκμων) *превратившимся* въ общесл. періодъ въ сочетаніе—*ūn*, откуда—*y*(-ы). А теперь мы видимъ на послѣднемъ примѣрѣ, что то же сочетаніе—*ōn* (ženōn) даетъ не—*ūn*, но ą (ѧ). Во избѣжаніе недоразумѣнія считаю нужнымъ указать на то, что сочетаніе—ōn въ *ženōn другого* происхожденія, чѣмъ—*ōn* въ *katōn*, именно, сочетаніе—*ōn* изъ индоевроп. *ā°n* (общеиндоевроп. akmā°n, др. инд. açman, лит. akmů) уже получено было въ общесл. періодѣ *съ измѣненнымъ гласнымъ* ō въ ū (срв. лит.—ů, т. *uo*) въ конечномъ закрытомъ слогѣ, между тѣмъ какъ сочетаніе—*ōn* изъ индоевр. *ā°n* (genān) получено было, какъ—*ōn*, которое въ эпоху общеславянскаго языка, прежде чѣмъ наступило измѣненіе другого рода, давало ą, какъ всякое—*ōn* (ѧ) въ концѣ словъ или передъ согласнымъ; —*ūn* же не давало ą. Конечные *m* и *n* отпадали безъ измѣненій внутри слова также *послѣ e*, матере, любъве, поле (срв. matrem; срв. лат. nomen и стрсл. *имен*, откуда ен (en) въ концѣ давало ę (ѧ): имѧ). Также и въ этихъ случаяхъ, какъ выше, изъ сочетанія ān (ōn), сочетанія ēn, прежде измѣненія ē въ ie, дали ę=ѧ.

Такимъ образомъ, въ концѣ слова могли стоять гласные: *a*: *žena*; *o*: *ženo*; *e*: *jeste*; *ъ*: *jestъ*; *ē*: *vьlcě*, *vьlci* (*i* изъ *ē*, а это изъ *oi*. См. выше), *mati* (срв. литов. mótē), *beri* (опять въ этихъ словахъ: мати, бери, какъ показываетъ сравнительная фонетика, и (i) изъ ē (ѣ), а это изъ oi. См. выше). Т. е. *жена*, звят. п. *жено*; *есте*—2 л. мн. ч., *есть*—3 л. ед. ч., *волкъ*—мѣстн. п. ед. ч., *волци*—им. п. мн. ч.; *мати*—им. п. ед. ч., *бери*—2 л. ед. ч. пов. н.; и т. п.

§ 17. Если конецъ слова составляли согласные—*ns*, т. е. послѣ n, которое мы уже разсмотрѣли въ концѣ слова, стоялъ еще *s*, то передъ этимъ сочетаніемъ согласныхъ въ концѣ слова происходило *удлиненіе* предшествующихъ гласныхъ: *ĭ* въ *ī*, *ŭ* въ *ū*, *ŏ* — сначала (по § 16) переходило въ *ŭ*, а

затѣмъ въ *ū*. Согласные же—*ns* отпадали. При этомъ, если передъ—*ns* стояло *e*, то оно подпадало до измѣненія (какъ *ō* до измѣненія въ *u*: ženōn. См. выше) въ другой звукъ подъ общій законъ *образованія носовыхъ гласныхъ* въ общесл. языкѣ изъ сочетаній *ō+n* или *ē+n* въ концѣ слова или передъ согласнымъ, т. е. получалось ę (ѧ. Срв. выше: имѧ; какъ ōn=ą=ѫ). Такимъ образомъ, вин. п. мн. ч. литов. nakt*ins*, общесл. noštins, откуда: noštīns и далѣе noštīn, noštī, стрсл. нощти. Литов.-слав. sūnūns, общесл. synūns, откуда synūn, synū, syny, стрсл. сыны. Литов.-слав.: vь̥lkons, общесл. vь̥lkuns, vь̥lkūns, vь̥lkūn, vь̥lkū, vь̥lky, стрсл. влъкы. (Срв. сыны). Если передъ *o* (—ons) стоитъ *j*, т. е. слово это будетъ *мягкаго* склоненія, то сочетаніе -jo- по закону общеслав. языка переходитъ въ -je- раньше измѣненія -*o*- въ болѣе закрытый звукъ, и тогда изъ -*jons* получается -*jens* (въ вин. п. мн. ч.), а по отпаденіи конечнаго -*s* сочетаніе -*jen* (срв. выше) переходитъ въ -*jēn*, откуда *ję* (ѧ) носовой гласный. Напр., возьмемъ слово konjь̥s, откуда konjь̥s, далѣе konjь̥. Вин. п. мн. ч. имѣетъ суффиксъ -*ons* (въ мягкомъ -*jons*. Срв. греч. τοὺς изъ τονς и т. д.), стало быть: konjons, откуда konjens и далѣе konjēn—konję, стрсл. коня. Тоже мы видимъ въ формѣ прич. наст. времени: знаѧ изъ znaję, а это изъ znajens, а это въ свою очередь изъ znajons. Срв. несы (nesy) или токы, влъкы и коня, знаѧ. Срв. также: ма, та, са изъ mę, tę, sę, а эти изъ mēn или mēm, tēn, sēn... На этихъ примѣрахъ мы остановились единственно для того, чтобы показать, какъ строятся лингвистическія эпохи по даннымъ соотвѣтствія звуковъ въ родственныхъ языкахъ, и получили понятіе о различныхъ эпохахъ, причемъ мы видимъ, что чѣмъ отдаленнѣе эпоха языка, тѣмъ для своего построенія она требуетъ бо̀льшаго сравненія данныхъ изъ родственныхъ языковъ и тѣмъ сложнѣе графическое изображеніе предполагаемыхъ звуковъ даннаго праязыка—родоначальника изучаемаго нами языка.

Лекція VIII.

§ 18. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго состава построенной нами формы для общеславянскаго періода: vь̥lkŏs-vь̥lkŭs-vь̥lkъ̆-vь̥lkъ̑. Откуда мы взяли ъ послѣ *v*, когда мы знаемъ, что ъ есть ъ̆, между тѣмъ какъ въ стрсл. языкѣ мы видимъ здѣсь ъ, а въ русскомъ *о* (волк). Обратимъ вниманіе на польск. wilk и на то, что, когда является *л* твердый (въ стрсл. влъкъ, рус. волк, серб. *вук* изъ *воук, а это изъ *волк—вълк*), то тогда и гласный звукъ ъ̆ (ь) даетъ ъ(*о*). Такимъ образомъ, данныя отдѣльныхъ родственныхъ языковъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что различные виды измѣненій одного и того же слова въ родственныхъ языкахъ объясняются изъ *отдѣльной исторіи* каждаго языка; такъ, напр., звукъ *о* въ русскомъ языкѣ стоитъ въ связи въ словѣ *волкъ* сравнительно съ польскимъ *wilk* съ судьбой русскаго звука *л* (твердаго) изъ общеславянскаго (средне-европейскаго *l*, какъ во франц., нѣмец. и проч. Срв. чешск. *vlk* и проч.). Далѣе, для общесл. языка, какъ мы видѣли, нельзя предположить r̥ и l̥ (этому мѣшаютъ слова со *смягченными* согласными *въ началѣ*, какъ ѵрѣкь, жлътъ, въ которыхъ мы могли бы предполагать r̥, l̥), слѣдовательно, слогъ составлялся въ такихъ словахъ, какъ *волк*, не гласнымъ слоговымъ r̥ или l̥, а другимъ гласнымъ, т. к. *r* и *l* были согласными. Мѣсто этого гласнаго въ словѣ *волкъ* опредѣляется польской формой, болгарской и русской, а для лит.-слав. эпохи и литовской формой wil̃kas. *Этотъ гласный стоялъ послѣ v и передъ l*. Какой же это былъ гласный *по качеству*? Данныя родственныхъ языковъ̀ указываютъ намъ на то, что этотъ гласный въ своемъ качествѣ *не былъ опредѣленнымъ*, т. к. не наблюдается постояннаго и опредѣленнаго, строгаго соотвѣтствія между гласными передъ *l* въ этомъ словѣ, т. е. нѣтъ правильнаго соотвѣтствія такого, какое мы наблюдали въ

гласныхъ *a* различнаго качества: $\breve{a}^{e}$, $\breve{a}^{o}$, $\breve{a}^{a}$ и $\bar{a}^{e}$, $\bar{a}^{o}$, $\bar{a}^{a}$. Срв. выше примѣры: *везу*, *мати*, *бери*, *волиъ*, *волци*, гл. *дѣть* и проч. Напротивъ того, въ словѣ: *волкъ* мы видимъ въ родственныхъ языкахъ то гласный *i*, то гласный ъ, ь, то *o*, то полное отсутствіе гласнаго, причемъ самъ согласный *l* превращается въ гласный (чш., серб., въ др. инд. вмѣсто *l*—$\underset{0}{\text{r}}$). *Такой гласный, который не даетъ опредѣленныхъ соотвѣтствій при одинаковыхъ условіяхъ въ родственныхъ языкахъ каждый разъ*, а представляетъ колебанія, доходя въ иныхъ языкахъ до *глухого* звука ъ или ь, а въ другихъ—до полнаго исчезновенія, называется гласнымъ *ирраціональнымъ* и изображается для общесл. эпохи ъ или ь, а для индоевроп. эпохи *a* (греч. буква). Этотъ гласный короче обыкновеннаго краткаго звука. Теперь, если мы *для общесл. эпохи* предположили на основаніи данныхъ родственныхъ языковъ въ такихъ словахъ, гдѣ русскій языкъ представляетъ сочетанія *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными, *сочетаніе слогового ирраціональнаго + неслоговой плавный* ($\underset{\bullet}{\text{ъ}}$, $\underset{0}{\text{ь}}$ + $\underset{\frown}{\text{r}}$, $\underset{\frown}{\text{l}}$) *между согласными*, то *для общеиндоевропейской эпохи*, принимая во вниманіе др. инд. форму $\text{v}\underset{0}{\acute{\text{r}}}\text{kas}$, мы должны предположить, наоборотъ, *сочетанія неслогового ирраціональнаго + слоговой плавный между согласными* ($\underset{\sim}{a}$ + $\underset{0}{\text{r}}$, $\underset{0}{\text{l}}$), т. е. судьба ирраціональнаго звука въ такихъ сочетаніяхъ въ отдѣльныхъ языкахъ, а равно судьба плавныхъ *r* и *l* въ отдѣльныхъ языкахъ уже объясняется изъ условій отдѣльной жизни каждаго родственнаго языка, входившаго въ индоевропейскую семью. Такимъ образомъ, общеиндоевр. форма будетъ $*\text{v}\underset{\sim}{\underset{0}{\acute{\text{r}}}}\text{k}\breve{\text{a}}^{o}\text{s}$, причемъ ставя $\underset{0}{\text{r}}$, а не $\underset{0}{\text{l}}$, мы принимаемъ здѣсь звукъ *r* особаго рода и для уясненія этого *r*, давшаго въ отдѣльныхъ языкахъ *l*, мы припомнимъ дѣтскую рѣчь съ ея неопредѣленными звуками p^{r}, напр., въ словѣ: *тр͡ли* („три“. См. выше).

Такъ мы будемъ поступать и при дальнѣйшихъ построеніяхъ.

Лекція IX.

§ 19. Теперь посмотримъ, какъ возстановить тотъ запасъ *согласныхъ* звуковъ, который былъ полученъ безъ измѣненія общерусскимъ языкомъ изъ общеславянской эпохи. Сопоставленіе данныхъ изъ слав. нарѣчій вмѣстѣ съ данными русскихъ нарѣчій ведетъ насъ къ заключенію, что общерусскій языкъ получилъ отъ общеславянской эпохи слѣдующіе согласные звуки безъ измѣненія:

1) *г, к, х* — лабіализованные, т. е. задне-небные, твердые, способные сочетаться съ гласными задняго ряда (*а, у, о*). Причемъ звукъ *г* (общеславянскій *g*) уже въ самомъ общесл. языкѣ звучалъ то какъ *g*, то какъ *h*(*γ*), и такимъ же перешелъ и въ общерусскій языкъ.

Примѣры: стрсл. гѫсь, болг. гъска, серб. гуска, чш. hus, польск. gęś, верх.-луж. hus, малор. hусь, великор. гусь. Изъ этого мы видимъ, что во всѣхъ нарѣчіяхъ является въ этомъ словѣ первый звукъ *г*, который однако въ чш., лужицкомъ и малорусскомъ звучитъ, какъ длительный (фрикативный) звонкій *h* (обыкновенно изображается греч. буквою *γ*). Слѣдовательно, *діалектически* уже въ общесл. языкѣ былъ извѣстенъ звукъ *h* (*γ*). Равнымъ образомъ и нарѣчія русскаго языка доказываютъ, что и въ общерусскую эпоху, непосредственно передъ распаденіемъ р. языка на нарѣчія, діалектически былъ извѣстенъ *h* (*γ*): это видно изъ малор., бѣлор., и южновеликор. нарѣчій.

Звукъ *к*, напр., мы имѣемъ въ общеславянскомъ и общерусскомъ *коло*; основа: колес-: стрсл. коло, болг. кола, серб. коло, чш. kolo, польск. koło, малор., бѣлор., великор. *коло*. Срв. кол-ес-о, одно-кол-к-а, кол-ея, о-коло и проч.

Звукъ *х*, напр., мы имѣемъ въ словѣ: стрсл. ходъ, болг. ходъ, серб. ход, чш. chod, польск. chod, рус. ходъ.

2) Звуки: *р*, *л*, *н* чистые и смягченные: *р'*, *л'*, *н'*, (съ *j*). Срв. рыбл и ловити, ловѣ; стрсл. рюти, рєкѫ, чш. řúti, říti, рус. ревѣть и проч. Срв. лань, ладии и любити, людиє: серб. љуба (љуба), чш. l'úbiti—líbiti, рус. любити, польск. lubic'. Также: люди. Срв. нити и нивл, серб. њива (њива), чш. níva, польск. niwa, р. нива. Въ серб. яз. знаками њ, љ обозначаются н', л'=нj, лj; а въ стрсл. памятникахъ въ такихъ случаяхъ ставится надстрочный знакъ (камора) : рєкѫ, нивл, людиє или иногда къ слѣдующему за *р*, *н*, *л* гласному прибавлялся *j* (і): ꙁємлꙗ, ꙁемлꙗ, рієкѫ.

3) Звуки: ж', ч', ш' *смягченные* изъ: гj, кj, хj; а также изъ: зj, сj. Напр., общеслав. и общерусское *живъ* (живой) имѣетъ *ж* изъ *г* и такимъ это *ж* было получено уже въ общесл. эпоху, откуда перешло не измѣненнымъ и въ общерусскую. Стрсл. жнвъ, болг. жив, серб. жив, чш. živý, польск. żywy, верх. луж. živy, малор. бѣлор. великор. *жыть* (пишется: *жить*). Но литов. gīvas, лат. vīvus (изъ gvivus, въ III в. до Р. Х. vīvos. См. выше), греч. *βίος* (съ особаго рода звукомъ *β*=б изъ *g* на греч. почвѣ), др. инд. ǧīvas. Такимъ образомъ видно, что общесл. *ж* было получено *смягченнымъ* изъ *г*, каковымъ оно перешло и въ общер. эпоху. Между тѣмъ какъ въ эпоху балт.-славянскую здѣсь надо предполагать еще звукъ задне-небный *g*, какъ показываютъ балтійскіе языки (лит. племени); равнымъ образомъ и общеиндо-европейское соотвѣтствующее слово имѣло здѣсь звукъ *g* (*г*), который имѣлъ свою судьбу особую уже *на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, въ ихъ исторіи* (въ лат. яз. отпалъ, въ греч. перешелъ въ *β*, въ др. инд.—въ *дж* (ǧ), въ славянскихъ языкахъ—въ *ж*). Замѣтимъ, что это одно изъ основныхъ отличій общеславянской отрасли индоевропейской семьи, что

звуки: *ж*, *ч*, *ш* были здѣсь только *смягченными* и таковыми перешли въ общерусскій языкъ, и въ древнѣйшую эпоху его, въ эпоху *прарусскую*, и таковыми были въ эпоху общерусскаго языка, т. е. *непосредственно* передъ его распаденіемъ, значитъ, въ эпоху позднѣйшую, какъ показываютъ р. нарѣчія. Отсюда видно первоначальное *мягкое* произношеніе этихъ звуковъ, и отвердѣніе ихъ произошло уже на глазахъ исторіи, въ разныхъ р. нарѣчіяхъ, и отразилось довольно поздно (въ XIV—XV в.) въ разныхъ русскихъ памятникахъ письменности.

Такого же происхожденія *ж* въ словѣ жлъть (въ другихъ нарѣчіяхъ стрсл. языка жлъть, въ доисторич. его періодъ жлтъ), рус. *желтъ*, болг. жлът, серб. жут (срв. выше: влъкъ—вук), чш. žlutý (діал. žłty и žołtý), польск. żołty. Но литов. *geltas*. Общесл. žьltъ (срв. выше при сл. *волкъ*; если предполагать, какъ мы дѣлаемъ, что l̥ развилось на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ, и что ъ, ь общеславянскаго періода въ словахъ этого типа, т. е. въ положеніи *передъ плавными между согласными*, были *слоговыми*, а плавные въ такихъ случаяхъ были *неслоговыми*). Литов.-слав.: gelta°s.

Звукъ *ч'* изъ *к* мы имѣемъ, напр., въ словахъ: *четыре*, *чернъ* и проч. Общесл. četyri, čьr̥nъ. Срв. стрсл. четыри, чрънъ, (чрынъ); но лит. keturi, лат. quatuor. Или для р. *чернъ* имѣемъ въ древне-прусскомъ (нарѣчіе литов. языка)—kirsnan, въ древ. инд.—kršṇa.

Звукъ *ш'* изъ *х* мы имѣемъ, напр., въ словѣ *шьдъ* (шедъ; вышедъ, вы-шед-ш-и...) еще въ общесл. языкѣ изъ *х* передъ мягкою гласною, какъ и въ словѣ: слышати и проч. Срв. стрсл.: шьдъ, болг. шъл, серб. ишао (=ишолъ), чш. šel (съ выпаденіемъ *д* передъ *l* изъ šedl), польск. szedł, верх. луж. šoł, р. шолъ (шелъ *изъ* шедлъ). Срв. *ходъ* выше. Общеинд.

sed-. Срв. др. инд. sad-, греч. ὁδός (*o* съ густымъ придыханіемъ). Стрсл. слышати изъ *слыхѣти: чш. slyšeti, польск. słyszec', р. слышать. Срв. *слых-* и *слух-*.

Звуки *ж'* изъ *зj* и *ш'* изъ *сj* мы имѣемъ въ *ношу́* изъ *носити*, *вожу́* изъ *возити* и под. При этомъ звукъ *з* мы имѣемъ изъ *ĺ'*, (т. е. палатальнаго индоевр. *g* или *gh*), въ словѣ: *везу*: стрсл. кєзѫ, болг. веза, серб. ве́зу, чш. vezu, польск. wiozę, р. везу. Но уже готское: wigan, лат. veho, греч. (*F*)ὄχος (съ исчезнувшей дигаммой *F*), др. инд. vah-ati. Срв. *знати* болг. знам; серб. знати, чш. znáti, пол. znać', но: греч. ἔγνων, лат. (g)nosco, др. инд. ǧñātás; *зерно*, болг. зрѣно, серб. зрно, чш. zrno, польск. ziarno. Но лит. žirnis, лат. granum, нѣм. kern, др. инд. ǧar.

Срв. *зима*, стрсл. ѕима, болг. зима, серб. зима, чш. zima, польск. zima. Но литов.: žëma, греч. χειμών (*δύσ-χιμος*), лат. hiems, др. инд. ĥēman. И т. п.

Также звукъ *с* общеславянскій, перешедшій и въ общерусскую эпоху, мы имѣемъ изъ индоевропейскаго палатальнаго *к'*, напр., въ словѣ: съто, сто при греч. *ἑ-κατόν*, лат. centum, др. инд. çatam, при чемъ въ литов. šimtas. Общеиндоевроп. было: k'e̯nta°m (k'o̯nta°m).

Такія же слова, какъ: *душа*, *плачу*, *тяжко* изъ духja, плакjу, тягјько и под., доказываютъ, что общеславянскія *ш'*, *ч'*, *ж'* на почвѣ *общеславянской* образовались изъ *хj*, *кj*, *гj*, независимо отъ соотвѣтствія этихъ звуковъ *х*, *к* и *г* звукамъ общеиндоевропейскаго языка, и такими же *смягченными ш'*, *ч'*, *ж'* перешли въ общерусскую эпоху, какъ и звуки *зj* и *сj* въ словахъ: ѕать, сь (сей)—мѣстоименіе и проч. Срв. ноѕѣ, доѵсѣ при нога, доѵхъ дальше. Срв. кънаѕь, стьѕа, вьсь въ стрсл. при князь, стезя, весь въ русскомъ, гдѣ ѕ (s) и с стрсл. языка восходятъ къ индоевропейскому g' или k' палатальнымъ (мягкимъ).

Это видно изъ латыш. stiga и готскаго staiga; изъ герм. kuninga, chuning, скандинавское konungr; наконецъ, для стрсл. вьсь—др. инд. viçva. Срв. чешск. ves, польск. wszy, рус. весь. Срв. стрсл. стьзл при стьзл, серб. стаза, чеш. steze, польск. s'ciedza (s'ciežka), рус. стезя. Срв. серб. кнез, чш. kněz, польск. ksiądz, рус. князь.

Вообще, какъ мы видимъ, надо отличать общеславянскіе-общерусскіе *ж'*, *ч'*, *ш'*, происшедшіе изъ общеславянскихъ же *gj*, *kj*, *xj*, *zj*, *cj*, причемъ эти послѣдніе *были извѣстны раннему періоду*—праславянскому—*общеславянскаго языка*, отъ тѣхъ *ж'*, *ч'*, *ш'*, которые произошли изъ общеиндоевропейскихъ *g*, *k*; греч. *χ* (*s*) или *gh*, *kh* извѣстнаго качества на славянской почвѣ, причемъ общеславянскому языку *ни въ какомъ періодѣ* уже не были извѣстны эти *g*, *k*, *χ* задненебные или палатальные.

4) Звуки *ц'* изъ *к*; *з* при діалектическомъ *дз* изъ *г*; и *с* изъ *х*. Напр., ржка—ржцѣ; нога—ноzѣ при діал. носѣ; доцхъ—доцсѣ.

5) Смягченные губные: *б'*, *п'*, *в'* (билабіальный звукъ *w*, какъ въ англ. яз) передъ смягченнымъ *лj*. При этомъ надо замѣтить, что *діалектическій* общеславянскій *губной*+j не перешелъ въ общерусскій языкъ. Напр: люблѫ, топлѫ, ловлѫ, ловлєнъ и проч.

Срв. однако чш. země, болг. земја, польск. ziemia, рус. зема (ѣ; въ Лавр. спискѣ лѣтописи 1377 г., л. 2, но ниже, здѣсь же, *земля*). Равнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ діалектахъ стрсл. языка (въ Супр. ркп.) были извѣстны *губные*+*j* безъ *л*. Это явленіе діалектическое, хотя и принадлежитъ общесл. эпохѣ.

Такимъ образомъ, явленія общеславянскаго языка, перешедшія въ области согласныхъ въ общерусскій языкъ безъ измѣненія, суть слѣдующія:

Согласные: 1) *г* (g и h), *к*, *х*—лабіализованные.

2) *р*, *л*, *н* чистые и *р'*, *л'*, *н'* смягченные (съ *j*).

3) *ж'*, *ч'*, *ш'*, смягченные изъ: *гj*, *кj*, *хj*, а также: *зj*, *сj*.

4) *ц'* изъ *к*; *з* (*дз*; стрсл. ꙁ и s) изъ *г*; *с* изъ *х*.

5) Губные смягченные *б'*, *п'*, *в'* (*w*) передъ смягченнымъ *лj* (см. 2).

Значитъ, *въ общерусской эпохѣ лабіализованными* (твердыми, см. выше) звуками *были получены только* звуки *г*, *к*, и *х* изъ общеславянскаго языка.

Лекція X.

§ 20. До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ состава гласныхъ и согласныхъ звуковъ общерусской эпохи и нашли, что до этой эпохи дошли безъ измѣненія отъ эпохи общеславянской слѣдующіе гласные и согласные. Гласные: 1) *а* и *и* (причемъ u̯ слоговое и u̯ неслоговое=w); 2) *ы* (лат. буква *y*) и *ы* передъ i̯. 3) *і* и *і* передъ i̯; 4) i̯=й (рус. буква); 5) дифтонгическое сочетаніе *i͡e* (стрсл. буква ѣ): 6) *ä*—послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ *і* и *е*—перешло *діалектически*. 7) *ъ* и *ь* ирраціональные. 8) носовые гласные ѫ и ѧ (стрсл. буквы).

Согласные: 1) задненебные: *г* (g и h), *к*, *х*.

2) Смягченные *р'*, *л'*, *н'*, *ч'*, *ж'*, *ш'*, *ц'*, (изъ *к*), *з* при діалектическомъ *дз* (изъ *г*), *с* (изъ *х*).

3) Смягченные губные передъ смягченнымъ *л'*, причемъ общеславянская *губная* + *j* *діалектическая* не перешла въ общер. языкъ.

4) Средненебный согласный *j*, чередовавшійся съ i̯.

5) Звукъ *л*, извѣстный *діалектически* уже въ общесл. языкѣ при и вмѣсто сочетаній *dl*, *tl*. Срв. мыло и польск.

mydło; чш. mýdlo; шьлъ и польск. szedł, плелъ и польск. plótł, чш. pletl; молити при польск. modlic', чш. modliti и под. Однако: чш. šel, šla (вм. šedl и т. д.), чш. číslo, польск. czysło изъ *čit-tlo и проч. Изъ этого мы заключаемъ, что *l* (вм. *dl* и *tl*) извѣстно было *діалектически* уже *общеславянскому* языку, а въ общерусскомъ языкѣ *единственно извѣстно*.

6) Сочетанія *kw*, *gw*, *xw*, (о *w*—билабіальномъ звукѣ въ родѣ англ. w=u̯ передъ гласными, напр., въ словахъ *water*, *well* и проч. см. выше). Эти задненебные *kw*, *gw*, *xw* стояли вмѣсто: *кв*, *гв*, *хв*, въ которыхъ звукъ *в* былъ *губнымъ*, а не *двугубнымъ* (билабіальнымъ). *согласнымъ*, т. е. вѣрнѣе *губно-зубнымъ*. Такое *w* въ общерусскую эпоху перешедшимъ изъ общеславянскаго необходимо предположить въ виду указаній слав. нарѣчій *на смягченіе* этихъ задненебныхъ *к*, *г* и *х* въ положеніи передъ *в* (=w) + мягкій гласный звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, *согласный* губно-зубной *в' самъ по себѣ*, какъ таковой, даже и при своей мягкости, смягченности (палатальности), не смягчалъ предшествующихъ согласныхъ въ раннюю эпоху общерусскаго языка, какъ видно изъ примѣровъ: *двигать*, *обвить*, *рви*, *свидѣтель* и проч. И лишь рефлексы (отраженія) общесл. задненебныхъ *к*, *г*, *х* при извѣстномъ ихъ положеніи въ словѣ (именно, при какомъ-то *губномъ*, который и долженъ поэтому отличаться отъ *согласнаго в*) указываютъ на такое *смягченіе*. Напр., стрсл. ꙁвѣꙁда при діалект. звѣꙁдл (s=*дз*), болг. звѣзда, серб. звијезда, чш. hvězda, польск. gwiazda (въ польскомъ *w*=простое губно-зубное *в*, какъ въ русскомъ, но только пишется *w*, какъ и въ нѣмецкомъ *w*=*в* и *v*=ф, слѣд., польское *w* не есть *билабіальное в* (w, u̯), которое мы предполагаемъ для общесл. и общер. эпохъ). Срв. полабское: gjozda

(уже безъ *в*=*w*), малор.—со смягченіемъ задне-небнаго—*звізда*. Изъ этихъ примѣровъ видно, во-первыхъ, что уже общеславянскому языку были извѣстны діалектически звуки *g* и *h*, которые перешли и въ общерусскую эпоху (бѣлор. и малор. имѣютъ *h* вмѣсто сѣв.-великор. *г*, южно-великор.—также *h*); во-вторыхъ, что *сквозь* этотъ звукъ *в* (=w) проникало *смягченіе*, *смягчающее* вліяніе слѣдующаго гласнаго передняго ряда по образованію (т. е. мягкаго гласнаго). Это то смягченіе (срв. малор. *звізда* и общерусское *звѣзда*, а не *гвъзда*, *hвъзда*, какъ мы предполагали бы на основаніи свидѣтельства слав. нарѣчій, кромѣ старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и русскаго, т. е. на основаніи свидѣтельства нарѣчій: чешскаго, польскаго, кашубскаго полабскаго, верхне и нижне-лужицкихъ) и заставляетъ насъ предполагать не согласный зубно-губной *в*, а какой то звукъ въ родѣ неслогового *и* (неслогового рус. *у*), т. е. *билабіальный w*. Далѣе, на этихъ же примѣрахъ мы видимъ общеславянское *i͡e* (ѣ) изъ *ē*. Срв. сербское *ије*, польское *ia*, кашуб. *ia*, полаб. *jo*, лужиц. *je*. Срв. также формы: **клъскѣ** въ мѣстн. п. ед. ч. отъ сл. **клъхкъ** вм. **клъхкѣ**, гдѣ ѣ (i͡e) изъ праслав. oi̯ черезъ *ō*, откуда—*ē*=ѣ, какъ показываетъ греч. мѣстный падежъ на *οἱ* (*οἴκοι*=дома, въ домѣ), лат. на ī : *domī*, др. инд. на—*ē*, общеинд. на-ă°i̯. См. ниже.

Теперь перейдемъ къ сочетанію *kw*. Мы имѣемъ: стрсл. **цвѣтъ** со звукомъ **ц**, серб. цвијет, но чш. květ со звукомъ *k*, польск. kwiat; тоже *k* мы имѣемъ въ кашуб., полаб. и лужицкихъ нарѣчіяхъ. Въ малор. *квіт*, но и *цвіт*; въ бѣлор. квѣтъ, но и цвѣтъ; въ великор. цвѣтъ, но и квѣтъ, а также т'вѣтъ изъ к'вѣтъ; также с'вѣтъ. Отсюда мы видимъ, что общеславянское было: kwi͡etъ—kwō̯tъ—kwētъ, а общерусское: kwi͡etъ діалектически при c'wi͡etъ. Срв. выше: **ц** изъ *к*; *з* изъ *г* и ниже *с* изъ *х*.

Переходимъ къ сочетанію *xw*. При имен. п. ед. ч. стрсл. влъхвъ (діал. вльхвъ, общесл. vь̥l̥χwъ̥, корень: vь̥l̥χ—или vь̥l̥s-), рус. волхвъ, мѣстн. п. ед. ч. влъсвѣ, волсвѣ, гдѣ *с* изъ *х* передъ *в* (*w*). Современное „волхвѣ“ *по аналогіи* съ падежами, въ которыхъ сохранился *х*: волхвъ, волхва, волхву и т. д. Имен. мн. ч. влъсви—волсви—волхвы. (Объ *и* и *ѣ* въ имен. п. мн. ч. и мѣстн. п. ед. числа изъ праславянскаго дифтонга oi̯, изъ котораго далѣе ō—i͡e съ различнаго вида долготой, откуда *і* и *е* (ѣ) въ поздній періодъ общеславянскаго языка и рефлексы этого ѣ въ различныхъ слав. нарѣчіяхъ см. выше). Срв. стрсл. свистати, чш. svistati, польск. świst и chwist, малор. хвиськати, великор. свистать, хвистѣть и проч., въ которыхъ мы имѣемъ *с* изъ *х* передъ *в* (*w*).

§ 21. Замѣтимъ, что при всѣхъ этихъ примѣрахъ намъ приходилось различать хронологическіе періоды лингвистическихъ эпохъ: такъ, въ общеславянской эпохѣ (*эпохѣ до распаденія* общесл. языка на нарѣчія) мы различали *ранній* періодъ, называя его *праславянскимъ*, и *поздній* періодъ, періодъ *непосредственно передъ распаденіемъ* общесл. языка на его нарѣчія, называя его *общеславянскимъ* въ узкомъ смыслѣ. Такъ и по отношенію къ русскому языку: періодъ *прарусскій*, болѣе ранній, и періодъ *общерусскаго* языка, *непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка* на его нарѣчія. Трудно точно сказать, сколько вѣковъ длился каждый періодъ, но нѣкоторыя соображенія могутъ намъ помочь приблизительно опредѣлить границы общеславянской и общерусской эпохи. Именно: первыя достовѣрныя свѣдѣнія о славянахъ мы имѣемъ отъ времени около Р. Х.; приблизительно въ III вѣкѣ по Р. Х. финны сѣверной Россіи распались на восточныхъ и западныхъ, причемъ западные финны переживали вліяніе германскаго (готскаго) племени, а восточные финны не переживали; готское вліяніе на западныхъ финновъ происходило до IV вѣка, т. к. слѣды этого вліянія въ финнскомъ языкѣ указы-

ваютъ намъ на то, что *въ періодѣ этого вліянія* готскій языкъ еще не имѣлъ особенностей IV вѣка, особенностей языка перевода библіи Ульфилы; распаденіе финновъ на западныхъ и восточныхъ было обусловлено проникновеніемъ славянской отрасли въ глубь литовскихъ племенъ, сосѣдившихъ съ финнами, причемъ славяне, прорѣзавъ литовскія поселенія, столкнулись съ финнами. Славянское вліяніе на финновъ сохранило въ финнскомъ языкѣ доказательство того, что это вліяніе происходило въ періодъ, когда восточная отрасль славянства, двинувшаяся на сѣверо-востокъ съ мѣста своей прародины, съ верхней Вислы, изъ Прикарпатья, изъ нынѣшней Галиціи и Волынской губерніи, очутилась въ сосѣдствѣ съ финнами и оказала на послѣднихъ свое вліяніе; по этому вліянію можно видѣть, что слав. языкъ восточной отрасли, т. е. *русскій* языкъ того времени, еще имѣлъ *носовые гласные*, *гласные* ъ и ь (=й и ĭ), и *сочетанія неполногласныя* (т. е. tolkno, а не толокно; финск. talkkuna). А, такъ какъ *носовые гласные* въ русскомъ языкѣ были до X-го вѣка (припомнимъ названія Днѣпровскихъ пороговъ у К. Багрянороднаго въ X вѣкѣ), причемъ отдѣльныя нарѣчія р. языка уже извѣстны по письм. памятникамъ р. языка съ XI вѣка, и начальная наша лѣтопись въ XI—XII вѣкѣ уже знаетъ объ *опредѣленномъ* мѣстожительствѣ р. племенъ, *осѣвшихся* къ этому времени, послѣ переселенія изъ своей прародины (верховья Днѣпра, двухъ Буговъ и Припети), то отсюда мы вправѣ сдѣлать заключенія: 1) что общеславянская эпоха (періоды праславянскій и непосредственно передъ распаденіемъ) длилась отъ I вѣка до IV вѣка по РХ. приблизительно; 2) Распаденіе общесл. языка происходило приблизительно въ IV вѣкѣ по Р. Х. 3) Періодъ общерусскаго единства (прарусскій и періодъ непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка) длился приблизительно съ V в. по IX-й вѣкъ по Р. Х. 4) Съ X-го вѣка по Р. Х. русскія племена стали жить особою жизнью, и русскій языкъ распался на нарѣчія (сѣверное, среднее и южное).

5) Жизнь отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій складывается въ XI—XII вѣкѣ по Р. Х.

При этомъ не надо забывать, что *нарѣчія съ теченіемъ времени становятся языками*; если мы имѣемъ въ виду *отношеніе даннаго языка къ прошлому времени*, то онъ является *нарѣчіемъ*; если мы имѣемъ въ виду *отношеніе даннаго языка къ настоящему времени*, то онъ является *языкомъ*. Напр., *языки*: польскій, чешскій, старославянскій, русскій, сербскій, болгарскій и под., являются *нарѣчіями* по отношенію къ своему родоначальнику—общеславянскому языку; по отношенію же другъ къ другу—*языками*. *Языки* сѣверно-русскій, средне-русскій и южно-русскій по отношенію къ своему родоначальнику—общерусскому языку являются *нарѣчіями*; по отношенію же другъ къ другу въ современности—*языками*. (Сѣверно-великорусское, южно-великорусское и малорусское съ XIV вѣка, а равно и западная отрасль южно-великорусскаго нарѣчія, т. е. западная отрасль средне-русскаго нарѣчія, бѣлорусское нарѣчіе съ XIV вѣка. Литературу предмета см. въ концѣ книги).

Лекція XI.

§ 22. Если бы мы захотѣли теперь, на основаніи изложеннаго матеріала, опредѣлить звуковой и морфологическій характеръ славянскаго праязыка среди языковъ индоевропейской семьи, съ одной стороны, и опредѣлить его отличіе отъ общерусскаго языка (русскаго праязыка),—съ другой, то теперь намъ можно было бы сдѣлать это довольно легко, т. к. мы познакомились съ тѣми звуковыми явленіями, которыя унаслѣдовалъ русскій праязыкъ отъ общеславянской эпохи

безъ измѣненія, слѣдовательно, опредѣлили область, въ которой языкъ прарусской—общерусской эпохи является прямымъ продолженіемъ во времени своего языка—отца, т. е. сохраняетъ сходство и общія черты съ послѣднимъ.

Славянскій праязыкъ (вся эпоха общесл. единства) отличался: 1) отсутствіемъ исчезнувшихъ согласныхъ въ концѣ словъ и слоговъ. Напр., въ греч., лат., литов., др. инд., мы имѣемъ на концѣ словъ въ им. п. ед. ч. именъ муж. рода согласное окончаніе *s*: lupus, *λύκος*, wil̃kas, vŕ̥kas..., но въ слав. языкахъ—ни въ одномъ: *вълкъ* и под. (см. выше). Или: литов. sūnŭs, слав. сынъ; греч. *νέφος*, слав. небо; греч. *ἔφερον*, *ἔφερες*... слав. аор. 1 л. ед. ч. везъ, везохъ, 2 л. и 3 л. везе (безъ *с* и т). Между тѣмъ какъ въ др. инд. языкѣ мы имѣемъ въ 1 л.—*m*, во 2-мъ—*s*, въ 3-мъ—*t*: avaham, avahas, avahat... Срв. также имѧ (съ носов. гласнымъ) и лат. nomen (съ носов. *согласнымъ*) и под., гдѣ мы имѣемъ носовое ę (ѧ)—*гласный носовой* въ соотвѣтствіи съ гласнымъ + носовой *согласный* латин. языка. 2) Образованіемъ простыхъ долгихъ гласныхъ изъ болѣе раннихъ (Срв. лит. яз.) дифтонговъ: срв. выше: литов. eiti, греч. *εἶμι* и слав. и-ти; греч. *Ϝεῖδος*, лит. veidas и слав. видъ; лит. ausis, лат. auris и слав. оухо (*у*хо); лит. род. ед. sūnaus и слав. сыноу (сын*у*); лит. baisŭs и слав. бѣсъ. 3) Появленіемъ ирраціональныхъ (глухихъ) звуковъ ъ и ь изъ чистыхъ *й* (*ŏ*) и *ĭ* (*ĕ*), причемъ чистые гласные полнаго образованія сохранялись также: лит. linas, греч. *λίνον*, лат. linum и слав. льнъ; лит. esmi, греч. *εἰμὶ* (изъ *ἐσμί*), др. инд. asmi (и въ 3 л. ед. греч. *ἐστί*, др. инд. asti...) и слав. ѥсмь, ѥсть (ѥстъ—діалектически). Срв. ъ въ словѣ дъшти̇ изъ *й*: литов. d*u*ktë и выше въ концѣ словъ ъ изъ *й* (влъкъ, бѣсъ, остръ при литов. aštrùs и проч.). Эти ъ и ь, какъ увидимъ ниже, сохранили въ отдѣльныхъ слав. языкахъ доказательства того, что они, какъ *ирраціональные*, т. е. соотвѣтствующіе въ большинствѣ случаевъ индоевропейскому *краткому* ирраціональ-

ному гласному звуку, который получался изъ сокращенія краткихъ звуковъ $ă^e$, $ă^o$ и $ă^a$ (*ĕ, ŏ, ă*), были или *болѣе сильными* (въ опредѣленныхъ положеніяхъ въ словѣ. См. ниже), или *болѣе слабыми* въ зависимости отъ фонетическаго положенія въ словѣ и отъ ударенія. И на это ихъ различное качество указываетъ ихъ *судьба* въ отдѣльныхъ слав. языкахъ (см. ниже). Такъ какъ *ирраціональные* звуки требуютъ выясненія и по самому термину своему, и по своему значенію, то я постараюсь сейчасъ же выяснить то и другое. Академикъ и профессоръ Моск. Университета Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ числѣ гласныхъ звуковъ общеиндоевропейскаго языка указываетъ такой звукъ, который получался въ общеиндоевроп. языкѣ *изъ сокращенія краткихъ* звуковъ *a* различнаго качества (см. выше) и былъ частью *слоговымъ*, частью *неслоговымъ*. *Неслоговымъ* ирраціональный звукъ былъ въ общеиндоевроп. языкѣ, именно, въ сочетаніи съ *сонорными* (плавными и носовыми: *r, l, m, n*) согласными, которые сами *при этомъ* являлись *слоговыми*. Звукъ этотъ проф. Фортунатовъ обозначаетъ въ общемъ индоевроп. языкѣ греческою буквою *α*, такъ что буква *α̯* означаетъ *слоговой* ирраціональный общеиндоевропейскаго языка, а буква *α̯—неслоговой* ирраціональный гласный. Этотъ гласный былъ *очень краткимъ*, короче обыкновеннаго краткаго гласнаго, который требовалъ для своего произнесенія *половину* времени, потребнаго для произнесенія долгаго звука. Названіе „ирраціональный“ выражаетъ такой звукъ, въ соотвѣтствіи съ которымъ въ различныхъ потомкахъ общеиндоевропейскаго языка являлись различные гласные звуки, а иногда даже ему соотвѣтствовало полное отсутствіе гласнаго въ данномъ сочетаніи, изъ чего видно, что *въ судьбѣ ирраціональныхъ звуковъ* въ отдѣльныхъ потомкахъ общеиндоевроп. языка возможно было отмѣтить даже *исчезновеніе* ирраціональныхъ, ставшихъ настолько *глухими* (сравн. франц. глухіе—нѣмые звуки „muet“, напр., въ словѣ „mère“—конечное *e*), что съ теченіемъ времени въ разныхъ языкахъ (напр., въ старосл.,

въ русскомъ) они совсѣмъ утратили свое произношеніе. Во всякомъ случаѣ эти звуки (старосл. ъ и ь) были звуками *неполнаго образованія*. Выше мы видѣли, что въ періодъ историческаго существованія стрсл. языка *въ концѣ словъ* уже потеряли свое произношеніе ъ и ъ; въ такихъ случаяхъ эти ъ и ь были *менѣе сильными*; но въ такихъ словахъ, какъ **сънъ** (=сонъ), **дьнь** (=день), т. е. *въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ* эти ъ и ь были *болѣе сильными* и потому впослѣдствіи (въ историч. періодъ еще старосл. языка и въ общерусскую эпоху) стали звуками *полнаго* образованія, т. е. прояснились: ъ стало *о*, а ь стало *е*: *сон, ден* съ мягкостью конечнаго *н'*: *ден'*; эта мягкость—единственный слѣдъ конечнаго ь, которое, значитъ, смягчало собой предшествующую согласную. Срв. **сънъ** вм. **сънмъ**, какъ показываетъ литовское sapnâs, лат. somnus изъ sopnus, греч. (σ) ὕπνος, др. инд. sup, svap-nas; рус. *сон*. Изъ этого примѣра мы видимъ, что въ соотвѣтствіи стрсл. ъ другимъ звукамъ родственныхъ языковъ не наблюдается *постоянной закономѣрности* соотвѣтствія звуковъ, какъ это мы наблюдаемъ въ звукахъ, *полнаго образованія*; вотъ почему эти звуки удобнѣе называть *ирраціональными*, т. е. не выдерживающими опредѣленной картины соотвѣтствія въ родственныхъ языкахъ. Напр., въ словѣ *сонъ* мы видимъ по языкамъ въ корнѣ и гласный *о*, и гласный *й* (греч.), и гласный *и* (ца въ др. инд.), и гласный *а*, и гласный глухой ъ. Въ словѣ *vьlkъs* мы видѣли въ корнѣ и гласный *и* (лат.), и гласный *й* (греч.), и гласный *і* (польск., литов.), и гласный ъ (болг., стрсл. яз.), и гласный *о* (рус.) и полное отсутствіе гласнаго (чш., серб., др. инд. яз.). Срв. род. ед. отъ слова *сонъ—сна*, гдѣ ъ исчезъ вовсе подъ вліяніемъ *новаго* фонетическаго положенія, т. е. потери ударенія, перешедшаго на суффиксъ род. падежа. Далѣе, въ словѣ, напр., **порядъкъ, тонъкъ, горькъ, отьць**, и под., гдѣ за слогомъ съ гласными ъ и ь слѣдуютъ слоги тоже съ ъ и ь (менѣе силь-

ными) мы видимъ, что эти ѣ и ъ становятся съ теченіемъ времени *ясными гласными полнаго образованія*, т. е. *о* и *е*: порядокъ, тонокъ, горекъ, отецъ, и проч. Слѣдовательно, *болѣе сильными* ѣ и ъ *являются еще въ положеніи передъ слогомъ съ* ѣ и ъ менѣе сильными, исчезающими впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, ѣ и ъ *болѣе сильные* являются *въ двухъ опредѣленныхъ случаяхъ фонетическаго ихъ положенія*. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ѣ и ъ были менѣе сильными и исчезали въ жизни отдѣльныхъ слав. языковъ. Срв. также: дьнь, болг. ден, серб. дан, чш. deň, польск. dzień; но литов. dëna, др. инд. dina.

Далѣе, 4) Слав. праязыкъ отличался *развитіемъ носовыхъ гласныхъ звуковъ* („ринезмъ“), которыхъ не было въ литов. языкѣ. Напр., стрсл. пать, польск. pięć, но лит. penkí; стрсл., ржка, польск. ręka, но лит. ranká.

5) Развитіемъ характернаго звука *ы* изъ *ū* (*у* долгаго): дъмъ—др. инд. dhūmas, греч. θυμός, лат. fumus, литов. dūmai; сынъ—др. инд. sūnus, литов. sūnus.

6) Образованіемъ зв. *х* изъ *s* между гласными: доухъ—лат. dausas, оухо—лит. ausis. Срв. аорист. стрсл. языка на—охъ и греч. на—σα и проч.

7) Основные палатальные-смягченные *k*, *g* и *gh* перешли здѣсь въ *s* и *z*: сто, греч. ἑ-κατόν, лат. centum, др. инд. çatam, лит. šimtas; десать, греч. δέκα, лат. decem (c=k, какъ и выше), литов. dešimtis; зънати,—греч. ἔ-γνων, лат. (co) gnosco, др. инд. ǧnatás, литов. žinoti; везѫ,—греч. (*F*)ἔχω, лат. veho, др. инд. vah-āmi, литов. vežu. (Срв. общеславянскую эпоху выше).

8) Задненебные чистые, не смягченные *г*, *к*, *х* здѣсь получили смягченіе въ *ж'*, *ч'*, *ш'*, *з'*, *ц'* *с'*. Напр., жнѣъ—лит. gīvas, ѵнстъ—лит. kistas, цѣна—лит. kaina. (Срв. общесл. явленія, перешедшія въ общер. эпоху выше).

9) Здѣсь сохранились первичныя сочетанія *or*, *ol*, *er*, *el* между согласными: borda—борода, bergъ—берегъ, melko—молоко (срв. нѣм. melken—доить), zolto—золото и под. Теперь въ морфологіи:

10) Здѣсь сохранился *средній родъ* имен. сущ. и прил.

11) Сохранилось прич. прош. вр. дѣйств. з. на—*лъ*: „зналъ“ и под.

12) Сохранились прошедшія *простыя* времена: imperfectum и два аориста. (Срв. стрсл. яз.: ведѣахъ, ведохъ и ведъ).

13) Исчезло время perfectum, желат. наклон. и будущее время. Наше будущее по формѣ есть настоящее. Срв. въ греч., лат., и др.-инд., а также въ литов., гдѣ эти формы сохранялись.

14) Сохранилось разнообразіе древняго ударенія.

15) Сохранилась древняя *долгота* гласныхъ. Срв. ѣ и є и проч. Сдѣлаемъ изъ этого выводъ.

Лекція XII.

§ 23. Если мы на основаніи добытаго сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій и литовскаго языка пожелаемъ теперь построить картину историческихъ измѣненій, происшедшихъ въ общеславянскій періодъ въ языкѣ, разсмотримъ тѣ явленія, которыя принадлежатъ ранней эпохѣ общеславянскаго періода языка, и сопоставимъ ихъ съ явленіями языка, перешедшими *безъ измѣненія* въ общерусскую эпоху, въ качествѣ наслѣдства, полученнаго общерусскимъ языкомъ ко времени его древнѣйшей, прарусской эпохи, то мы получимъ, именно, рядъ измѣненій языка, испытанный въ теченіе *всего* общеславянскаго періода, отъ времени выдѣленія общеславянскаго языка изъ литовско-славянской семьи до выдѣленія общерусскаго языка изъ общеславянской семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, за означенный періодъ времени общеславянскій языкъ успѣлъ пережить слѣдующія явленія: *онъ потерялъ конечные согласные длительные* (*мгновенные согласные* были утрачены въ концѣ словъ еще въ предшествующую балтійско-славянскую, или литовско-славянскую эпоху), передъ которыми *открытые гласные успѣли закрыться* и въ такомъ видѣ, но уже безъ конечныхъ длительныхъ согласныхъ, эти закрытые гласные дожили до эпохи распаденія общеславянскаго языка; послѣ эпохи распаденія, уже въ историческое время, нѣкоторые слав. языки (стрслав. яз.) сохраняли лишь слабое воспоминаніе о конечномъ закрытомъ гласномъ, который сталъ *слабымъ* ирраціональнымъ и былъ на пути къ исчезновенію въ этомъ фонетическомъ положеніи уже и въ старосл. языкѣ. Далѣе, конечные закрытые гласные въ положеніи передъ старыми конечными длительными согласными пережили послѣ своего измѣненія въ закрытые общую судьбу съ бывшими уже въ этотъ періодъ (праславянскій) языка ирраціональными звуками, которые, въ свою очередь, образовались на почвѣ общеславянской изъ болѣе раннихъ гласныхъ краткихъ *ŭ* и *ĭ* предшествовавшей, литовско-славянской эпохи. Далѣе, старый звукъ *ē*, сохранивъ свою долготу, распался на дифтонгическое сочетаніе *i͡e* съ двумя видами долготы въ томъ случаѣ, если онъ по происхожденію своему восходилъ къ дифтонгу литовско-славянской эпохи. Слѣдовательно, за время общеславянской жизни возникли параллельно звуки *ē* и *i͡e*, изъ которыхъ послѣднее сочетаніе, въ зависимости отъ перваго или второго составлявшаго его слогового элемента (i̯e и ie̯) и качества долготы, успѣло пережить измѣненія въ *ī* и измѣненія въ *ē* (ѣ) черезъ звукъ *ō*. Далѣе, за это же время выяснилось чередованіе *j* и *i̯* и произошла утрата различія *j* и i̯ въ положеніи въ начальномъ слогѣ слова, вслѣдствіе чего начальное *ē* въ болѣе ранній періодъ (праславянскій) въ положеніи послѣ *j*, который въ такомъ случаѣ сталъ появляться передъ всякимъ на-

чальнымъ гласнымъ, перешло въ *a*, но въ болѣе поздній періодъ утраты различія *j* и *i̯* не всякое уже *jъ* переходило въ *ja* (ѣмь-jѣмь—jамь-ѧмь), а сохранилось уже и параллельное *ē* (ѣ). За это же время развился звукъ *ă* изъ начальнаго *ĕ* въ положеніи послѣ смягченнаго согласнаго (*j* или другого звука) передъ слогомъ съ *i* или *e*; это *ă діалектически* незадолго передъ распаденіемъ общеславянскаго языка перешло стадію измѣненія въ *ŏ*, откуда въ общерусской эпохѣ мы уже видимъ *o* (одинъ, олень....), Далѣе, дифтонги уже вообще, какъ таковые, успѣли замѣниться *долгими* гласными, изъ которыхъ нѣкоторые совпали въ звуковомъ отношеніи съ тѣми гласными, которые удлинялись за эту эпоху въ положеніи передъ i̯ (dobrыi̯, sinii̯ изъ dobrъ+i, sinь+i, а эти изъ dobrŭ, sinĭ..., dobrŭs, sinĭs,—dobrŏs, sinĕs...). Наконецъ, за этотъ же періодъ образовались *носовые гласные* звуки, которые остались безъ измѣненія все время общеславянскаго періода и изъ него перешли въ эпоху общерусскаго языка, въ которомъ уже исчезли къ X-му вѣку, какъ это мы видѣли выше; въ азбукѣ же Кирилла и Меѳодія, въ IX вѣкѣ, эти носовые гласные нашли для себя выраженіе въ буквахъ ѫ и ѧ. Въ этотъ періодъ были извѣстны гласные u̯ и u̯, какъ и i̯ и i̯ краткіе и долгіе; причемъ u̯ былъ въ чередованіи съ *w* (билабіальный) и *v* (зубно-губной согласный), а i̯ былъ въ чередованіи съ *j* (средне-небнымъ согласнымъ). Въ положеніи послѣ *k*, *g*, *x* были извѣстны, именно, сочетанія съ слѣдующимъ *w*, хотя и *діалектически*, что̀ и засвидѣтельствовано судьбой такихъ словъ какъ рус. *цвѣтъ* и проч. въ разныхъ слав. и рус. нарѣчіяхъ. (См. выше.).

Такова была картина движенія въ области гласныхъ звуковъ. Въ области согласныхъ звуковъ произошли за этотъ періодъ измѣненія плавныхъ l̯ и r̯ въ l̥ и r̥, причемъ стоявшіе при нихъ ирраціональные ъ и ь въ положеніи *передъ* ними, сами стали *неслоговыми*. Я, именно, предполагаю въ раннемъ періодѣ общеславянскаго языка, въ праславянскомъ

періодѣ, l̥ и r̥, основываясь на̀ литовскомъ kirmis—чрьвь, geltas—жльтъ и под., даже въ сочетаніи „ирраціональная + плавная“ между согласными, и думаю, что слоговые r̥ и l̥ въ такомъ положеніи развивались къ концу этого періода и перешли затѣмъ въ отдѣльные слав. языки (діалектически—чешскій, сербскій, старославянскій), а частью образовались въ отдѣльной жизни слав. языковъ. Далѣе, за это же время развились *смягченные ж, ч, ш, з, ц, с* изъ задненебныхъ *k, g, χ*, которые были извѣстны сами по себѣ только какъ *лабіализованные* въ положеніи передъ гласными задняго ряда (твердыми) въ соотвѣтствіи съ *k, g, χ* предыдущаго періода, причемъ само *χ* развилось уже въ эту эпоху, но только въ положеніи между двумя гласными изъ болѣе ранняго (лит.-слав.) звука *s*. Далѣе, звуки *s* и *z* развились тоже въ эту эпоху въ соотвѣтствіи съ основными *k, g, gh* смягченными (палатальными), которые стали измѣняться еще въ лит.-слав. эпоху по направленію къ передне-небнымъ. (Ср. литов. *sz, ž* въ такихъ случаяхъ).

Наконецъ, мы имѣемъ въ этотъ періодъ слѣды утраты *количества* слоговыхъ r̥ и l̥, хотя количество гласныхъ само по себѣ еще здѣсь сохранялось (долгота и краткость), равно какъ сохранялось и разнообразіе удареній по качеству и мѣсту. Такъ приблизительно мы должны себѣ представить картину фонетическихъ процессовъ во времени за общеславянскій періодъ, причемъ слѣдуетъ упомянуть еще, что за это время стали извѣстны смягченные согласные всѣ, *кромѣ к, г, х* и *h*, т. е. *задненебныхъ*; т. е. стали извѣстны: *р'*, *л'*, *н'*, смягченные губные передъ смягченнымъ *л'* и уже вышеназванные, хотя діалектически уже было извѣстно въ эту эпоху сочетаніе несмягченной *губной + j*. Звукъ *l* послѣ *d* и *t* извѣстенъ былъ *діалектически*, т. е. *l* являлось уже въ эту эпоху вмѣсто *dl* и *tl*. Что касается морфологіи, то мы обратимся къ ней, когда разсмотримъ морфологич. измѣненія уже въ общерусскую эпоху: тогда это будетъ виднѣе.

Лекція XIII.

§ 24. Эпоха общерусская. Охарактеризовавъ эпоху общерусскую выше со стороны тѣхъ звуковъ и формъ, которые перешли въ эту эпоху изъ общеславянской безъ измѣненія, т. е. разсмотрѣвъ наслѣдство общерусской эпохи отъ общеславянской, мы видѣли тѣ звуковыя явленія, которыя, такимъ образомъ, произошли, значитъ, еще въ общеславянскую эпоху. Но нѣкоторые общеславянскіе звуки, т. е. нѣкоторыя общеславянскія явленія *измѣнились* въ общерусскую эпоху, и къ разсмотрѣнію этихъ то явленій *общерусской* эпохи, мы и переходимъ. 1) Дѣло въ томъ, что изъ сравненія такихъ словъ, какъ: стрсл. **нощь**, болг. нощ, серб. ноћ, чш. noc, польск. noc, рус. ночь съ литовскимъ naktis (Срв. нѣм. nacht, лат. noct-is, греч. *νυκτ-ός*, др. инд. nakti), видно, что общеславянскій языкъ уже отличался отъ литовскаго измѣненіемъ сочетанія kt (которое еще было въ лит.-слав. эпоху) въ положеніи передъ мягкими гласными (передняго ряда) и ь (=jъ см. выше или изъ ĭ) въ č't' (ч't'), т. к. мы уже видѣли смягченіе *k* въ č' (ч') въ общесл. языкѣ, перешедшее *безъ измѣненія* и въ общерусскій языкъ. Само же по себѣ *t* въ сочетаніи съ *j* давало въ общеславянскомъ сочетаніе также č't', какъ и *gt*+мягкій гласный или *j*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: стрсл. **свѣщта**, болг. свѣшта, серб. свијеца, чш. svíce, польск. s'wieca, рус. свѣча изъ svētja, общесл. svēč't'a. Или: стрсл. **мощи**, болг. мощ, серб. моћи, чш. mocí, польск. moc, рус. мочь изъ общесл. moč't'i (изъ mogti). Вотъ это-то общеслав. сочетаніе č't' разнаго происхожденія (изъ tj, ktj, gtj) перешло въ *общерусскую* эпоху въ ч': общер. свѣча, почь, мочь, какъ показываютъ великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія, въ которыхъ мы вездѣ въ этихъ словахъ находимъ ч' съ его видоизмѣне-

ніями, по говорамъ въ отдѣльной уже жизни отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій впослѣдствіи. (См. ниже). Равнымъ образомъ изъ сравненія такихъ словъ, какъ: стрсл. межда, болг. межда, серб. међа, чш. meze, польск. miedza, рус. межа и меджа (малор. въ Австріи) съ др. инд. madhja, греч. *μέσος* (изъ *μεδjος*), лат. medius, мы видимъ, что изъ medja уже въ общесл. эпоху возникло medž'd'a при mež'd'a, какъ показываютъ слав. нарѣчія, т. к. *dj* измѣняется въ dž'd' или ž'd'. Вотъ эти то общесл. сочетанія перешли уже въ *общерусской* эпохѣ въ *ж'*, какъ видно изъ русскихъ нарѣчій: *меж'а*, причемъ *ж'* прежде мягкое. (См. выше).

2) То начальное *ä*, которое было получено изъ общесл. эпохи діалектически вм. *je* въ положеніи передъ слогомъ съ *і* и *е* въ эпоху общерусскую перешло въ *ö* и далѣе въ *о*: общесл. jedinъ и jädinъ въ общерусскую эпоху перешло черезъ jädinъ въ *ödinъ*, а затѣмъ въ *одинъ*. Или: jesetrъ при jäsetrъ, äsetrъ перешло здѣсь въ ösetrъ и далѣе въ *осетръ*. Срв. *озеро*, *олень* и проч. Это начальное *ö* необходимо было въ общерусскую эпоху (ранняго періода), т. к. начальное *ä* могло дойти до *о физіологически* лишь при посредствѣ промежуточнаго звука *ö*, т. е. при переходѣ очень открытаго *е* (*ä*) въ болѣе закрытое *о* появляется промежуточный звукъ е͡о—ö—о. Срв. древнерус. замéрзну и современное зам'óрзну (пишется: замёрзну или замерзну) при діалектическомъ Казанскомъ (лаишев., тетюш. уѣздовъ) зам'е͡óрзну, но 2 лицо: зам'ёр'з'нйш (пишется: „замерзнешь“). Сочетаніе е͡ó—дифтонгическое сочетаніе одного слога съ преобладающимъ яснымъ удареніемъ на второмъ составномъ элементѣ, какъ я самъ слышалъ въ названныхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

Примѣры: русское *ж'* и *ч'* въ соотвѣтствіи со стрсл. жд и шт, общеславянское č't' и dž'd' или ž'd' изъ tj и dj или ktj и gtj: древне-русское *вожь* мы находимъ въ Галицкомъ Евангеліи 1144 г.: *вожи* соуть слѣпи—л. 32 и об. Ср. л.

33 об.; *вожь, вожа*—Апостолъ Ростовскій 1220 г. л. 18 и др. Старосл. вождь. Современное „вождь“ заимствовано изъ старослав. языка черезъ посредство церковно-славянскихъ книгъ. Срв. чѫжю—Изборникъ 1076 г. 294. одежю—ib. 295. дажь—ib. 334. промежю—ib. 349. понужайте—ib. 366. преже—ib. 368. межю—Синод. Корм. 378. надежю имамъ—Корм. 1282 г. 391. чюжь конь—ib. 395. всѧкои скорби и нужи—Служебникъ Кипріана XV в. (см. Погодина „Образцы“; Срезневскаго „Атласъ“. № 49). Отсюда мы видимъ, что *чужо́й, нужа́, одежа, дажь, ме́жъ, понужа́ть, прежъ, надежа*, а равно и другія подобныя образованія суть слова *чисто русскія*; слова же: *чуждый, нужда, одежда, даждь* (срв. въ молитвѣ „Отче нашъ“: „даждь намъ днесь“), *между, понуждать, прежде, надежда*—не русскія, а заимствованныя изъ стрсл. языка черезъ посредство церк.-слав. книгъ. Равнымъ образомъ: приходяче—Изб. 1076 л. 366, хотяче, ходяче—Кормчая 1282 г. стр. 386 вмѣсто современныхъ церковно-славянскихъ: приходяще, хотяще, ходяще (прич. наст. вр. дѣйств. зал.). Въ *печерахъ*—Изб. 1076 г. (Буслаевъ. ib. 294) вмѣсто стрсл. пєщєрахъ. Срв. „*Печерскій* монастырь“ и проч. Клевечѫща—вин. п. ед. ч. м. рода прич. наст. вр. дѣйств. зал.—Изборникъ Свят. 1073 г. л. 27 d. Срв. не русское: *клевещу, клевещущій* и под. Но: трепечоушта—вин. ед. м. р.—ibid. 54 b. Въ этой формѣ мы имѣемъ смѣшеніе русскаго элемента (-чоу-) со стрсл. (шта=ща, какъ и въ формѣ: клевечѫща—выше). Срв. *клевет*-а, *клевет*-а-ть и т. п. Срв. также въ Изборникѣ 1076 г. (Кіевскій памятникъ. См. выше): Простри срдьчьныи съсоудъ да накаплють ти словеса *слажьша* (слад—; сравн. ст. по стрсл. была бы: *слаждьша*) медоу... Съмотри житиꙗ ѥго *хожениꙗ* (по стрсл. было бы: *хождениꙗ*. Срв. современное „хожденіе“, заимствованное изъ церк.-слав. книгъ), сѣданиꙗ, ѣдениꙗ... Съ *стражѫштими* страдати... (по стрсл. было бы: *страждѫштими*. Срв. современное:

„страждущій“—заимствовано изъ церк.-слав. письменности и осталось въ литературномъ русскомъ языкѣ, но народу неизвѣстно). *Осоуженоу* быти... (Срв. „су́женый“ — русская форма и „присужде́нный“), „суждено́“ и под.—не русскія, а заимствованы изъ книжнаго языка церк.-слав. письменности; равнымъ образомъ—„суждéніе“, которое простому народу и до сихъ поръ неизвѣстно. По стрсл. было бы: *осоужденоу быти*). Здѣсь же мы часто встрѣчаемъ русскія формы: *дажь*, *вижь*, вм. стрсл. и церковнослав. *даждь*, *виждь*—пов. накл. отъ гл. *дати*, *видѣти*. Срв. у Пушкина: „Возстань. пророкъ, и виждь, и внемли“... Пророкъ. 1826 г.

3) Въ общерусскую эпоху произошло взаимное сближеніе между гласными и согласными. Это сближеніе вызвало собой *новые ряды звуковъ согласныхъ* смягченныхъ и согласныхъ лабіализованныхъ, въ зависимости отъ того, съ какими гласными эти согласные сблизились: въ связи съ гласными задняго ряда (твердыми) *согласные лабіализовались*, а въ связи съ гласными передняго ряда (мягкими) *согласные смягчались*. Въ свою очередь, и гласные, приспособляясь къ сосѣднему согласному, измѣнялись по направленію къ *і* (палатализовались) или по направленію къ *и* (лабіализовались). Это сближеніе мы называемъ *закономъ полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ*. Этотъ законъ въ частности заключался въ слѣдующемъ: а) передъ гласными передняго ряда, т. е. передъ гласными, *е*, *ę*, *ѣ*, *и*, *ь*—согласные палатализировались; b) передъ гласными задняго ряда, т. е. передъ гласными: *о*, *ǫ*, *у*, *ъ*—согласные лабіализировались. Однако какъ палатализація (смягченіе), такъ и лабіализація (отвердѣніе) происходили не во всѣхъ случаяхъ въ одинаковой степени: передъ звукомъ *і* согласные стали въ эту эпоху *мягки*, а передъ звукомъ *е* только *полумягки*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ общерусскую эпоху должны были возникнуть *новыя мягкія согласныя* передъ звукомъ *і*. (Припомнимъ, что въ болѣе раннюю эпоху мы имѣли лишь *смягченные* согласные

при встрѣчѣ съ слѣдующимъ *j*; таковыми были: *ж, ч, ш, з, ц, с, р', л', н'*, губные *б, п, в, м* передъ смягченнымъ *л'*. А теперь могли быть и *д* и *т* и проч. въ положеніи передъ *мягкими*—палатальными гласными передняго ряда, и эти то *мягкіе* согласные, напр., въ словѣ: *дикій, дѣло, дерево*, ѣдать, дѣнь и под. мы будемъ называть *мягкими* въ отличіе отъ *смягченныхъ* посредствомъ *j*, т. е. *исконно-смягченныхъ*, полученныхъ таковыми изъ общеслав. эпохи. При этомъ однако будемъ помнить, что въ разсматриваемую эпоху общер. языка звукъ *д* въ словѣ *дерево*, звукъ *т* въ словѣ *тебѣ* и вообще согласные передъ *е* были *полумягки*, т. е. тверже, чѣмъ эти же согласные передъ *и*, ѣ и т. д., напр., въ словахъ: тѣло, дѣло, люди, кости и под. Это видно ясно изъ дальнѣйшей судьбы согласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ въ положеніи передъ *е* и передъ *ѣ*, *и* и проч. Напр., въ малор. нарѣчіи нынѣ мы имѣемъ: тэбэ (в тэбэ=у тебя, род. п. ед. ч.), дэрево и проч., но: т'ило, д'ило; звукъ же *и* въ нѣкоторыхъ говорахъ малор. нарѣчія отвердѣлъ подъ вліяніемъ особыхъ условій, имѣвшихъ мѣсто уже въ позднѣйшей исторіи отглѣльныхъ нарѣчій р. языка, напр., ходи, ходити въ говорахъ малор. нарѣчія произносится почти ходы́, ходы́ты и проч. Достовѣрные примѣры такого произношенія или смѣшенія зв. *и* и *ы* мы имѣемъ въ памятникахъ галицко-волынскаго нарѣчія, именно, въ грамотахъ XIV—XV вѣка. (См. *Соболевскаго*. Лекціи по исторіи р. языка. М. 1903. Изд. 3. Стр. 133. Срв. *Крымскаго*: „Филологія и Погодинская гипотеза“. Кіевъ. 1904 г. Стр. 60. *Его-же*: „Деякі непевні критеріі для діялектольогічної клясифікаціі старо-руських рукописів“. Львів. 1906. Стр. 29—42. Срв. у *Соболевскаго*. Лекціи. Въ изданіяхъ: 1-мъ стр. 63. Кіевъ. 1888 г. и 2-мъ, стр. 73. М. 1891 г. Въ обоихъ первыхъ изданіяхъ есть особыя статьи подъ названіемъ: „Отождествленіе *ы* съ *и*“, но въ 3-мъ изданіи „Лекцій“ такой статьи уже *нѣтъ*). Далѣе, вновь возник-

шія сочетанія согласныхъ съ гласными *и* (*і*) и *е* подвергались дальнѣйшимъ измѣненіямъ: согласная, ставшая *мягкой*, т. е. передъ *и* (*і*), ѣ (см. его распаденіе на дифт. сочетаніе *і͡е* выше), такъ и *оставалась мягкой*; но согласная *полумягкая*, т. е. въ положеніи передъ *е* (*ę*, ь—болѣе сильнымъ. См. выше), ставшая, именно, полумягкой, подвергалась измѣненію въ слѣдующемъ направленіи: согласная стала *все болѣе смягчаться, переходить отъ полумягкой къ мягкой*, а затѣмъ и гласная стала все болѣе измѣняться, причемъ ея измѣненія состояли *въ стремленіи къ утратѣ своей палатальности*. Такъ, гласный *е* въ положеніи послѣ согласной, сдѣлавшейся *мягкой изъ полумягкой*, напр., послѣ *т'*, *въ концѣ слова* сталъ приближаться къ гласному *ä*, теряя свою палатальность: изъ jeste получилось jest'ä. Но если за этимъ *е* (*ä*) была *палатальная* согласная, то это *е* не переходило въ *е* открытое (т. е. *ä*), а—въ *е* закрытое (*е*ⁱ): такъ, изъ melѭtь (мєлѭть) постепенно образовалось м'éⁱлють. Если же за этимъ *е* находилась *лабіализованная* согласная, то *е* измѣнялось по направленію къ *ö*: medu (мєдꙋ) переходило въ м'ö́ду.

Гласный *ę* (ѧ), теряя палатальность, переходилъ въ *ą*: общеславянское pętь, общер. pętь, p'ętь перешло въ p'ątь (п'ѧть).

Гласный ь *болѣе сильный* передъ *палатальною* согласной переходилъ въ болѣе *закрытое*: dьnь—dьn̥ь—d'ьn'ь—дьнь. Срв. наше: д'éⁱн'. Но передъ *лабіализованной* согласной этотъ ь переходилъ въ *й ирраціональное*.

Напр., d'ǘnъ, откуда наше: *д'ё́н*—род. п. мн. ч.

Согласный *полумягкій* (см. выше), находясь въ положеніи передъ *менѣе сильнымъ* ь, *не пріобрѣталъ полной мягкости*: н'еⁱс'éть—т—полумягкое (точкой внизу мы обозначаемъ полумягкіе звуки). Но: кост'ь съ мягкимъ *т* подъ вліяніемъ мягкаго *т* въ формѣ кост'и и под.

Такъ возникли въ общерусскую эпоху слѣдующія *мягкія* согласныя:

a) губные, которые прежде, въ общесл. эпоху и въ ранній періодъ—прарусскій—общерусской эпохи, были извѣстны только передъ смягченнымъ *л'*. Стало быть: явленія *б'е, в'е, п'е, м'е* и под. суть явленія не общеслав. періода, а общерусскаго. Въ первомъ же были сочетанія: бе, пе, ве, ме и под. и еще ранѣе: *бе, пе, ве, ме* и под. съ звуками *б, п, в, м* чистыми, *не сближавшимися* въ артикуляціи съ слѣдующими гласными.

b) зубные: *т, д, с, з, р, л, н*, изъ которыхъ только *с, з, р, л, н* были извѣстны *смягченными* (передъ *j*) въ предшествующую эпоху. Такимъ образомъ, явленія: *т'е, д'е, с'е, з'е, р'е, л'е, н'е* суть явленія общерусской эпохи. Срв. общесл. tеbе и общер. t'eь'e.

Такъ возникли въ общерусскую эпоху и *новые гласные*.

1) *ä* въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е*.

2) *ö* въ положеніи передъ лабіализ. согласными изъ *е*.

3) e^i закрытое въ положеніи передъ палатальными согласными изъ *е*.

4) ą (носовое *а*) изъ ę (носового *е*) вслѣдствіе потери своей палатальности. Иначе мы получили бы не: *пять*, а *петь*. Срв. лит. penki, греч. *πέντε* и проч.

5) ь закрытое въ положеніи передъ палатальной согласной изъ болѣе сильнаго (не исчезавшаго) ъ. Наше: д'е^{i}н' изъ д'ьн'.

6) *ӧ* ирраціопальное въ положеніи передъ лабіализ. согласной изъ болѣе сильнаго ъ. Наше дён (д'о́н): иначе должно бы остаться *д'ен*. Срв. л'ён (л'о́н) изъ льнъ, греч. *λίνον*. Въ поясненіе этого скажу, что формы мёду и лён не одновременны и не одинаковаго происхожденія въ звуковомъ отношеніи: м'ёду появилось

раньше (см. выше) подъ вліяніемъ лабіализованнаго слѣдующаго *д*, чѣмъ м'ӧд: въ то время, какъ было уже *м'ӧду* еще было *м'ед* и не было *м'ӧд*; *л'ӧн* же появилось тогда, когда появилось и *м'ӧд*. Для появленія *л'ӧн* требовалось ирраціональному *ъ* болѣе сильному въ положеніи въ первомъ слогѣ подъ удареніемъ перейти въ *ясный гласный полнаго образованія е*, а это случилось въ слѣдующую эпоху, непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка на русскія нарѣчія, когда и звукъ ирраціональный болѣе сильный *й* (изъ *ъ* передъ лабіализ. согл.) перешелъ въ *ӧ*, т. е. когда *д'йнъ* перешло въ *д'ӧнъ*; *д'ьн'ъ* перешло въ *д'ен'*; *п'ъсъ*—въ *п'ес—п'ӧс* и т. д.

Лекція XIV.

§ 25. Развитіе лабіализаціи въ общерусскомъ языкѣ. Мы видѣли выше, что изъ общеславянскаго языка были получены общерусскимъ языкомъ *только* задненебные *k*, *g*, *h*, *x* *лабіализовинными*; остальные же согласные перешли въ общерусскій языкъ, успѣвши уже *смягчиться* въ предшествующую эпоху и такими были получены общерусскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, только задненебные согласные не были извѣстны въ смягченномъ видѣ, т. е. звуки *k*, *g*, *h*, *x* не были извѣстны, какъ смягчённые: *k'*, *g'*, *h'*, *x'*. Звуки же *смягченные*: *ж'*, *ч'*, *ш'*, *ц'*, *з'*, *с'*, *р'*, *л'*, *н'* уже были получены *таковыми*, т. к. они, какъ и *губные*, уже въ сочетаніи съ *j* средненебнымъ или съ *i̯*, а также со смягченнымъ *лj̆*, были извѣстны и въ общеславянскую эпоху, когда они и перешли въ вышеуказанные смягченные звуки, произносившіеся *мягко*, т. е. со-

четанія въ словахъ: ж'ивъ, ч'истъ, ш'есть, ш'ити, ц'ѣна, грѧз'ь, вьс'ь, морі͡є, полі͡є, кон͡ь и под. или въ словахъ: з'емл͡ꙗ, капл͡ꙗ, люблѭ, ловлѭ и под. были уже извѣстны въ общеслав. эпоху, откуда они перешли и въ общерусскій языкъ, представляя лишь *діалектическія* разновидности еще въ общесл. языкѣ. Мы помнимъ также, что въ общерусскую эпоху *лабіализованные* согласные *вообще* возникали *въ положеніи передъ лабіализованными гласными*—задняго ряда: *о*, *ǫ*, *и*, *ъ*. Но съ теченіемъ времени, однако въ эту же эпоху, *такіе лабіализованные согласные* стали возникать *и передъ нелабіализованными гласными*, лишь бы послѣдніе были *не* палатализованными. Это возникновеніе новыхъ лабіализованныхъ согласныхъ, быть можетъ, происходило подъ вліяніемъ общеславянскаго ряда задненебныхъ *k*, *g*, *h*, *x*. (См. выше). Такое *возникновеніе новыхъ лабіализованныхъ согласныхъ* въ общерусскую эпоху доказывается, во-первыхъ, *развитіемъ звука ö* вмѣсто стараго *е*, и *не только въ положеніи передъ слѣдующей лабіализованной гласной въ слѣдующемъ слогѣ*, какъ мы видѣли выше въ такихъ фонетическихъ положеніяхъ, какъ: м'öду, *но вообще въ слогѣ передъ слѣдующей непалатализованной гласной*, напр., с'öла. Слѣдствіемъ такого развитія звука *ö* изъ *е* общеславянской эпохи было то, что звукъ *ö* очутился въ новыхъ положеніяхъ, вытѣснивъ собой старый звукъ *е* даже послѣ издревле *смягченныхъ* (см. выше) согласныхъ: мы получили, такимъ образомъ, звукъ *ö* въ положеніи послѣ: *j*, *ж'*, *ч'*, *ш'*, *ц'*, *з'*, *с'*, *р'*, *л'*, *н'*, и изъ *jему* получилось *jöму*. Срв. сѣв.-влкр. ёму́, ювр. яму́, малор. jому́, москов. jеⁱму́: всѣ эти діалектическія разновидности объяснимы только изъ общерусскаго *jöму*, которое восходитъ къ общеславянскому *jети*: срв. стрсл. ѥмоу; то же мы имѣемъ и въ прочихъ слав. нарѣчіяхъ. (Срв. сказанное выше объ общеслав. начальномъ *je-*, діалектически *jä*—въ положеніи при *i* или *е* слѣдующаго слога, при русскомъ j̯ä-, ä-, которое дало впослѣдствіи русское *о* въ начальномъ слогѣ слова, перешедши

черезъ ступень *ӧ* въ общерусскую эпоху ранняго, прарусскаго, періода). Также: общесл. č'ego, č'eho перешло здѣсь въ č'ögo, č'öho. Срв. малор. чоhó, ювр. ч'аhó, ч'авó, свр. ч'овó, мск. ч'е'вó и проч. Равнымъ образомъ: общесл. ž'enu здѣсь перешло въ ž'önu, ж'ены. Срв. свр. жонú, ювр. жанú, блр. жанú, малор. жонú, мск. жэ"нú и проч. Это явленіе наблюдается по памятникамъ уже съ XII вѣка. Срв. въ Евангеліи Тяпинскаго XVI в. (печатномъ), западно-русскомъ: *жоны*— род. п. (*Соболевскій*. Лекціи.[3]. Стр. 58—67. Здѣсь см. и другіе примѣры, которые однако намъ пригодятся не сейчасъ и не по этому поводу). Срв. далѣе: общесл, šˈestь, общер. šˈestˈь, затѣмъ прилагат. šˈestъj, откуда šˈöstoj. Срв. свр. шостóй, ювр. шастóй и проч. Также: изъ л'етать-л'ётать. Срв. свр. лётáть, ювр. л'атáть и др. под. А вслѣдъ за этимъ развилось вытѣсненіе звукомъ *ӧ* звука *е и въ конечныхъ открытыхъ слогахъ*. Напр., бож'ӧ, лиц'ӧ; твоjӧ, ваш'ӧ и под. Срв. ликjо, лиц'е, общер. лиц'ӧ. Соврем. лицó. Или: твоё, вáшо—въ свр. говорахъ, вáшă—въ ювр. говорахъ. См. Соболевскаго тамъже. Въ Изборникѣ Святослава 1073 г. встрѣчается уже: чоловѣка—179. См. тамъже. Срв. малор. *чоловік*. Если даже и не вѣрить раннему примѣру Изборника XI вѣка, то подобныхъ примѣровъ во всякомъ случаѣ такъ много уже въ XII—XIII в., что возможно только разсуждать о томъ, насколько сравнительно поздно проникаютъ *живыя* произношенія въ нашу древнюю письменность по условіямъ развитія самой древней русской письменности среди лицъ *духовнаго* званія. Въ грамотахъ съ XIV вѣка мы имѣемъ уже очень много примѣровъ. Тоже въ смоленской лѣтописи 1495 года. (См. *Соболевскій*. Тамъ же и *мое* „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“).

Только въ одномъ случаѣ звукъ *е остался безъ измѣненія*, именно, *въ положеніи послѣ j въ конечномъ открытомъ слогѣ*: доброjе, листиjе, колиjе и под. Срв. написанія др. р.

памятниковъ: листвіе прозлбнетъ—Остр. Ев. 1056—1057 г. колніе—въ кн. Исходъ по сп. XIV в. Срв. также: копніе въ Остр. Ев. и под.

§ 26. Во-вторыхъ, возникновеніе новыхъ лабіализованныхъ согласныхъ еще въ общерусскую эпоху доказывается *вытѣсненіемъ звука l (л) звукомъ ł (л) лабіализованнымъ.*

Такъ же, какъ развитіе звука *ö* вмѣсто *e* повлекло за собой цѣлый рядъ послѣдствій, по которымъ мы и судимъ собственно о причинахъ, т. е. по произношеніямъ: с'ола́, жоны́, jому́, чого́ и проч. мы судимъ объ общей причинѣ—измѣненіи звука *e* въ звукъ *o* не сразу, а черезъ посредство звука *ö* и не вездѣ въ одно время, а послѣдовательно: сперва въ положеніи передъ лабіализованными согласными, напр., въ случаяхъ, какъ меду—м'еду—м'öду—м'оду.., а затѣмъ и въ другихъ случаяхъ, какъ: ж'ена—ж'öна—ж'öны́—ж'оны́ и под., затѣмъ: твоіе (=твоје)—твојö—твојó (твоё). Срв. есте́ (а не: естё—ест'о́—2 л. мн. ч.) и под., такъ точно и вытѣсненіе звука *l* (средняго) звукомъ *ł* (лабіализованнымъ) повлекло за собой цѣлый рядъ фонетическихъ послѣдствій—явленій, которыя мы не въ состояніи были бы объяснить, еслибы они сами не указывали намъ на свою причину, на переходъ звука *l* въ звукъ *ł*. Эти послѣдствія слѣдующія: 1) новый звукъ гласный *ö* (изъ *e*), появившійся сначала передъ лабіализованными, а потомъ и передъ всякими непалатализованными согласными, въ положеніи передъ *ł* лабіализованнымъ перешелъ въ *o* въ закрытомъ слогѣ, гдѣ звукомъ *ł* замыкался слогъ: *молко* непосредственно изъ *m'öłko*, а это изъ *m'ölko*. которое, въ свою очередь, изъ-*m'elko*, *melko*, *melko*. (См. выше). 2) Новый звукъ гласный—*ŭ* (изъ *ъ* болѣе сильнаго) ирраціональное въ положеніи передъ *ł* перешло теперь въ *ъ* (болѣе сильное) ирраціональное при тѣхъ же условіяхъ: *вълкъ* непосредственно изъ *в'ŭлкъ*, а это изъ *v'ŭłkъ*, изъ *v'ълкъ*. (См. выше). Если мы сравнимъ стрсл. клъкъ при діалектич. клькъ

(въ памятникахъ), затѣмъ польское wilk, то увидимъ, что слѣдовало бы ожидать и въ русскомъ гласнаго палатальнаго (передняго ряда), но вмѣсто такого мы видимъ гласный *о* (задняго ряда), однако при этомъ и звукъ *л* (*ł*) *лабіализованный*, а не такой, какъ въ этомъ словѣ польскаго языка или діалектическій старославянскаго языка, напр., въ діалектѣ Саввиной Книги, л. 125. b. влька. При сравненіи съ литов. vil̃kas мы можемъ полагать, что и въ литов.-слав. эпоху былъ здѣсь гласный передняго ряда, мягкій, и звукъ *l* (средній, европейскій), т. е. былъ ирраціональный *ь* общеславянскій и *l*: vь̥l̥kъ̥— праславянскаго періода, при жизни Кир. и Меѳодія. Изъ *вълкъ* общерусской эпохи уже потомъ получилось *волкъ* (волк), какъ увидимъ впослѣдствіи, и другого ничего не могло получиться, какъ мы только что видѣли. Другіе родственные языки (греч., лат., др. инд.) указываютъ тоже на *ирраціональный* звукъ и для общеиндоевропейскаго языка, но здѣсь мы имѣемъ, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова, уже дѣло съ *неслоговымъ* ирраціональнымъ при *слоговомъ* плавномъ, т. к. Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ сочетаніи съ *сонорными* (плавными и носовыми) звуками допускаетъ для эпохи распаденія общеиндоевропейскаго языка лишь *неслоговые* ирраціональные въ положеніи *послѣ* сонорныхъ не передъ гласною или *передъ* сонорными, съ слѣдующимъ за ними согласнымъ или гласнымъ, т. е. сочетанія: неслоговой ирраціональный + слоговой плавный въ данномъ случаѣ: *vạr̥kă°s; другіе лингвисты (Brugmann) вообще въ такихъ случаяхъ видятъ просто *слоговой плавный* безъ неслогового ирраціональнаго: vr̥kŏs.

Лекція XV.

§ 27. Потеря носового свойства гласными. Выше мы видѣли, что историческое время уже не знаетъ носовыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, что и въ X вѣкѣ ихъ уже не было здѣсь, но въ VIII—IX вѣкѣ ихъ еще можно предполагать. Слѣдовательно, мы будемъ разсматривать теперь явленіе жизни русскаго языка, именно, приблизительно въ это время. Это была эпоха еще общерусскаго единства. Въ эту эпоху произошла *утрата носового свойства* гласными: именно, гласный ǫ, потерявши свое носовое свойство, какъ долгій гласный, распался сначала на *ои*, затѣмъ по ассимиляціи-на *ии*, откуда *и*, (срв. выше *законъ конца словъ*: вин. ед. женѫ изъ жено͡он, а это изъ *genōn—genān при закрытіи гласнаго въ закрытомъ слогѣ слова: др. инд. ǧanā͡m; общеиндоевроп. gă°nā³m), такъ что, напр., слово пѫть (pǭtь) послѣ потери носового свойства долгимъ гласнымъ ǭ, т. е. послѣ перехода въ пōть, дало по͡уть, вѣроятно, съ *длительной* долготой, откуда *пу͡уть и далѣе: *путь*. Слово женѫ (ž'enǫ) дало жено͡у, откуда *жену͡у и далѣе *жену*, *воду* и под. Звуки ѫ (ǫ) и ѧ (ę) вообще были *долгими* въ общесл. эпоху и получили изъ балт.-слав. эпохи два вида долготы (см. выше.), которая собственно принадлежала въ балт.-слав. эпоху *носовымъ согласнымъ*, а эти послѣдніе передали свою долготу предшествующимъ гласнымъ. Такъ получилось вмѣсто ǫ—*у*. Мы знаемъ, что въ балт.-слав. эпоху были сочетанія гласныхъ съ носовыми согласными, какъ долгими, такъ и краткими. При образованіи изъ этихъ сочетаній въ общеслав. эпоху *носовыхъ гласныхъ* послѣдніе были долгими, получивъ долготу, вѣроятно, отъ долгихъ носовыхъ согласныхъ. Что носовые гласные въ общеславянскую эпоху были долгими, это видно изъ того, что ихъ потомки въ русскомъ языкѣ (у, а, ѣ. См. ниже) предполагаютъ собой дифтонги или дифтонгическія сочетанія, изъ ко-

торыхъ образовались эти сами потомки. Интересно, что нѣкоторые русскіе говоры, напр., Рязанск.-Касимов., а также Вятскій—Котельнич. (Дер. Шумихино, село Юма) въ вин. п. ед. ч. именъ сущ. ж. рода на-*а* произносятъ дифтонгическое сочетаніе у͡о. Напр., *на тра́хку͡о*=на травку (Касим.). *Сію мину́тку͡о* (Вят. Котельн.). Другой разъ: *сію мину́тко͡о*—ib. Кромѣ звука ǫ, потерявшаго носовое свойство, это свойство потерялъ также звукъ ǫ̈, извѣстный въ общерусскую эпоху *въ грамматическихъ окончаніяхъ*: напр., вин. п. мн. ч. ꙁємлѧ или моужѧ, кон͡ѧ имѣютъ въ стрсл. языкѣ въ окончаніяхъ—ѧ. Мы помнимъ, что этотъ ѧ(ę) образовался (см. выше) изъ сочетаній—jons, откуда—jēns и далѣе—jēn, -ję̄: konjons, konjēns, konjēn, konję̄—кон͡ѩ (кон͡ѧ). Въ русскихъ памятникахъ уже съ XI вѣка мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ въ вин. п. мн. ч. именъ ж. рола на-*ja* и именъ муж. рода на-*jъ* (-ь), откуда далѣе и въ род. п. ед. ч. именъ на-*ja*, окончаніе ѣ. Слѣдовательно, общеславянскому окончанію падежей—ѧ (ѩ), ę, соотвѣтствуетъ русское окончаніе—ѣ. Повидимому это *ē* (ѣ) извѣстно было и западно-слав. языкамъ въ окончаніяхъ соотвѣтствующихъ падежей. Напр., въ Остр. Ев.—великыѩ недѣлѣ—152. 153.; въ Изборн., 1073 г.: ѥдиныи отъ троицѣ—л. 8 об., ср. здѣсь же: ѥдинъ отъ троица—съ *а* вм. ѧ по церковнославянски; отъ неѣ—155 об., въ Арханг. Ев. 1092 г.: святыѩ Еуфимиѣ — 130. Анны пророчицѣ — 157. пророка Илиѣ—169 об. и проч. Или еще: ꙗко каплѣ кръви—Остр. Ев. 160. Изб. 1073 г.: пътицѣ лѣтаѭть—129 об., приѥмлѩ душѣ человѣчьскы—156. Срв. въ Арханг. Ев. 1092 г. дамь тобѣ ключѣ—168 об. Срв. на чарѣ черниговскаго князя Владимира Давыдовича ок. 1151 года (въ Спб. Эрмитажѣ): а се чара кня володимерова давыдовча кто из *нее* пь тому на здоровье а хваля бога своего ѡсподаря великого кня.... Срв. въ мученіи Бориса и Глѣба (по сп. Успенскаго Собора XII вѣка. Изд. Шахматовымъ и Лавровымъ. М. 1899 г.): къто

бо не въсплачетьсѧ съмрьти *тоѭ пагоубьноѭ* приводѧ предъ очи срдца своего—л. 10 столб. а. Стр. дı. Срв. ниже: призъва поутьшю и вышегородьскыѭ *моужѣ* и рече имъ—ib. л. 10 с. Срв. ниже: и жалость *ꙁемлѣ* моіѧ (по церк.-слав.) сънѣсть мѧ—ib. л. 13: а. Срв. хотѧше же и црквь начати ꙁьдати на мѣстѣ *ветъхоѭ деревѧноѭ*—Житіе Бор. и Глѣба. Сказ. Іакова мниха. Изд. Бодянскаго. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1870 г. I. Стр. гı обор. По тому же списку Успен. Собора). Ср. Запись тіуна Наслава около 1125 г. при Мстиславовомъ Евангеліи (кіевск.?): и обрѣсти честь и милость ѿ Бога и ѿ своіего црѧ и ѿ братиє. (ѥ вм. ѣ). Въ Ипат. Лѣтописи подъ 1156 г.: *порознѣ недѣлѣ* въ суботу; Нѣси приялъ благословенїѧ отъ святѣй Софьѣ. Этотъ списокъ принадлежитъ XIV—XV вѣку. Въ Грамотѣ 1230 г. (Смолен.): или гость ис которое земле приедеть въ мои Смольньскъ... (*е* вм. *ѣ*). Срв. въ грамотахъ Двинскихъ: оу Григорье..., въ Тріоди Постной Новг. Соф. библ. 1100 г.: въ багѣряницѣ мѣсто понавою прѣпоѧсаѧ... и проч. Во многихъ памятникахъ: чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще. Срв. въ соврем. р. говорахъ: въ ювр. „*еé*“, не „*её*“; „у неé“, не у „неё“; „ат зямлé“ и проч., въ млр. „у неі“ и под., гдѣ *і*=*ѣ* по-малорусски. Такимъ образомъ, мы видимъ это русское *ѣ* (*е*) въ род. ед. именъ сущ. ж. р. на-*jа*, въ им. п. мн. ч. тѣхъ же именъ, въ вин. п. мн. ч. тѣхъ же именъ и въ вин. п. мн. ч. именъ сущ. на-*jъ* (-ь) муж. рода. Это же окончаніе *ѣ* (*е*) извѣстно въ тѣхъ же падежахъ и въ именахъ прилагат. (членныхъ и нечленныхъ), и въ мѣстоименіяхъ такихъ же основъ или окончаній (-*ja* и-*jъ*: синѧ, синѣѧ, добраѧ, доуша, моѧ, всѧ, ѧ=она, и=они и проч.). Посмотримъ теперь образованіе этого ѣ въ русскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи со стрсл. ѧ и замѣтимъ, что такое же ѣ (*е*) является и въ чешск., и въ словац., и въ польскомъ языкахъ уже въ древности. Дѣло въ

слѣдующемъ: общеславянское—ję̄ (изъ-jens) винительнаго падежа множ. числа именъ съ основою на-jъ (-ь) изъ-jo въ эпоху общерусскаго языка ко времени потери носового свойства гласными должно было превратиться въ-jē; но общеславянское *ē* діалектически, какъ мы видѣли выше, еще въ общеславянскую эпоху распадалось на дифтонгическое сочетаніе i͡e, которое, смотря по качеству сохранившейся отъ балтійско-славянской эпохи долготы, давало или *i* при *прерывистой* долготѣ, или *e* (ѣ)—при *длительной* долготѣ. Слѣды такой долготы сохранялись и въ отдѣльной жизни отдѣльныхъ новыхъ славянскихъ языковъ, между прочимъ, *подъ удареніемъ*, причемъ само *качество удареній*, напр., въ сербскомъ языкѣ, указываетъ на качество бывшей когда-то долготы: длительная долгота давала перевѣсъ второму звуку изъ двухъ составныхъ дифтонгическаго сочетанія звуковъ, на которое распался долгій звукъ съ длительной долготой, т. ч. въ голосѣ происходило какъ бы *повышеніе второго составного звука*, т. е. получалось удареніе *восходящее* (сербское удареніе ˋ или ´); при долготѣ же *прерывистой* какъ бы происходилъ перерывъ голоса, и удареніе получалось *нисходящее* (сербское ˝ или ͡) *съ повышеніемъ голоса на первомъ* изъ составныхъ звуковъ. Это дифтонгическое сочетаніе i͡e дошло до общерусской эпохи и діалектически сохранило свои слѣды, но вообще оно здѣсь дало *ē* (ѣ) носового происхожденія, перешедши черезъ звукъ промежуточный *ö* носового происхожденія:—ję̄,—jǭ,—jȫ—jē—ѣ: ꙁємлѩ, моѵжѧ—рус. ꙁємлѣ, моѵжѣ.

Далѣе, звукъ ą изъ ę (см. выше потерю палатальности: п'ąть...), потерявъ носовое свойство въ это же время, далъ звукъ *'а*, т. е. *а* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго: п'ать, ход'а, ида (вм. *иды* подъ вліяніемъ *аналогіи* съ формами, въ которыхъ согласный *д* произносится *твердо*: напр., *идуща*, *идущу* и т. д. Также: *неса* вм. *нес'а* подъ вліяніемъ *несы*, *несуща*, *несущу* и проч., гдѣ сохранились твердые со-

гласные. Срв. *ид'а*, *нес'а* и наше: *идя*, *неся*). Вообще, основы на согласный образуютъ эту форму прич. наст. вр. на-ы: *несы*, *иды*, *рекы*, *могы*, *текы* и проч. Формы же: *неса*, *река*, *ида*, *мога*, *тека* и под. имѣютъ свое *а* вм. *'а* изъ *ą*, которое, въ свою очередь, изъ *ę* въ эпоху потери носового свойства послѣ возникновенія въ общерусскомъ языкѣ мягкихъ согласныхъ и утратъ гласными въ эту же эпоху своей палатальности, какъ результата закона *полной ассимиляціи* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ. Самъ же по себѣ звукъ *ę* (л) былъ суффиксомъ формы прич. настоящ. времени глаголовъ съ основою *на гласный*, а не на согласный. Напр., ходи-, ходя; люби-, люб*л*; зна-, зна*л* и т. д. Наши же современные: идя, неся, везя, ведя и под. суть образованія *по аналогіи* съ гласными основами. Древнія же образованія р. языка: *ида*, *неса*, *веда* и под. взяли свой конечный гласный изъ глаголовъ съ гласными основами, а предшествующій конечному гласному *согласный* взяли изъ формъ, гдѣ этотъ гласный былъ твердымъ. Такихъ формъ причастія много въ др. р. памятникахъ XI вѣка; въ грамотахъ онѣ исключительно. (См. Соболевскаго. Лекціи. Стр. 162—163).

Лекція XVI.

§ 28. О звукахъ *р* и *л* въ различныхъ сочетаніяхъ. Потеря долготы ихъ. Утрата чистыхъ *р* и *л*. Полногласіе. Мы видѣли выше, что въ общеславянскій языкъ перешли долгіе звуки, т. е. что *долгота* звуковъ *и ихъ краткость*, бывшія еще извѣстными въ балт.-слав. эпоху, перешли въ общеславянскую эпоху; такъ, мы знаемъ общесл. долгіе гласные, соотвѣтствующіе балтійско-славянскимъ дифтонгамъ (см. выше).

Напр., и-ти при литов. ei-ti; ух-о при лит. aus-is, бѣсъ при литов. bais-us, дымъ при лит. dūmai, др. инд. dhūmas и проч. Носовые ѫ и ѧ, какъ мы видѣли, были также долгими: припомнимъ примѣры: женѫ или конѧ и проч. Въ литовскомъ языкѣ, какъ и въ др. индійскомъ, были извѣстны также и звуки *r* и *l краткіе* и *долгіе*. Наши формы, которыя называютъ *полногласными*, т. е. съ сочетаніями *оро*, *оло*, *ере*, *еле* между согласными, представляютъ основное отличіе восточной вѣтви славянства, т. е. русскаго языка, отъ всѣхъ прочихъ слав. языковъ и объяснимы только при предположеніи, что звуки *r* и *l* перешли и въ общерусскую эпоху изъ общеславянской въ двоякомъ видѣ: *долгими* и *краткими*. Это предположеніе доказывается сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Дѣло въ томъ, что *еще въ балтійско-славянскомъ языкѣ плавная согласная въ сочетаніяхъ* общеиндоевропейскаго языка, представляющихъ собою *дифтонгическія сочетанія гласной ă или ā различнаго качества съ слѣдующей плавной согласной, являлась не краткою*, независимо отъ ея происхожденія изъ общеиндоевропейской долгой или краткой въ положеніи передъ согласной. Стало быть, въ балтійско-слав. языкѣ происходило *удлиненіе краткой плавной согласной* (*r* или *l*) *передъ согласной*, если эта краткая плавная получалась въ общеиндоевроп. языкѣ въ дифтонгическомъ сочетаніи, оканчивавшемся на краткую плавную. Замѣчу, что сочетанія гласныхъ съ *сонорными* (т. е. плавными и носовыми) согласными по самой природѣ *сонорныхъ* согласныхъ могли образовывать *дифтонгическія* сочетанія, въ которыхъ сонорный согласный примыкалъ въ слоговомъ отношеніи или къ предыдущему, или къ послѣдующему гласному такъ, какъ это можетъ быть и въ дифтонгахъ. Такія дифтонгическія сочетанія возможны, конечно, потому, что сонорныя согласныя (плавные *р* и *л*; носовые *н* и *м*) ближе всего приближаются къ такъ называемымъ *гласнымъ* звукамъ, т. е. могутъ быть *слоговыми*, составлять слогъ. Такъ вотъ эта удлиненная плавная согласная въ

дифтонгическомъ сочетаніи получала въ положеніи передъ согласной же *прерывистую долготу*, причемъ эта прерывистая долгота представляла долготу цѣлаго дифтонгическаго сочетанія, а не одной только его части. При этомъ, если была плавная согласная такого сочетанія не удлиненной въ балт.-слав. эпоху, а *долгой* еще въ общеиндоевропейскомъ языкѣ, то все дифтонгическое сочетаніе имѣло *длительную* долготу, которая таковой же перешла и въ балт.-слав. эпоху. Въ слѣдующую затѣмъ, общеславянскую эпоху, сама гласная *a* различнаго качества, если она была *долгая, получала сокращеніе*, т. ч. дифтонгическія сочетанія съ *ā* и плавной совпали въ общеславянскомъ языкѣ съ дифтонгическими сочетаніями съ *ă* и плавной, а плавная, стало быть, была во всякомъ случаѣ *долгою* или *удлиненной*. Такимъ образомъ, сокращенія гласной *a* различнаго качества давали въ общесл. языкѣ ŏ или ĕ въ сочетаніи съ плавной. Эти дифтонгическія сочетанія съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями продолжали сохранять въ общеславянскомъ языкѣ тѣ виды долготы, какіе были получены въ этихъ сочетаніяхъ изъ балт.-славянскаго языка. Но впослѣдствіи въ общесл. языкѣ *исчезло различіе между двумя видами долготы въ положеніи безъ ударенія*; *подъ удареніемъ же это различіе* двухъ древнихъ видовъ долготы *отразилось въ качествѣ ударенія*. Такъ, сербскій языкъ въ двухъ своихъ нарѣчіяхъ сохранилъ различія удареній въ соотвѣтствіи съ качествомъ праславянской долготы, перешедшей изъ балт.-слав. эпохи. Такъ, *штокавское* нарѣчіе сербскаго языка употребляетъ ударѐніе ̀ долгое нисходящее, указывающее на долготу ударяемаго звука, въ томъ случаѣ, гдѣ *чакавское* нарѣчіе сербскаго языка употребляетъ *восходящее ударѐніе* ˈ *въ соотвѣтствіи съ балт.-слав.* и *праславянской длительной долготой. Въ этомъ же соотвѣтствіи съ такимъ качествомъ праславянской долготы чешскій языкъ сохранилъ долгіе гласные*. Словѣнскій языкъ въ этихъ случаяхъ пред-

ставляетъ также восходящее удареніе. Такимъ образомъ, *сербское-чакавское восходящее удареніе* ' указываетъ на праславянскую длительную долготу; а въ чешскомъ языкѣ *чешскіе долгіе гласные* указываютъ на такую же долготу праславянской эпохи. На такую же долготу праславянской эпохи указываютъ и ударенія въ русскомъ языкѣ въ словахъ разсматриваемаго нами теперь общеславянскаго сочетанія ŏ (ĕ) + r̄ (l̄) въ положеніи передъ согласными. Такимъ образомъ, сравнительное изученіе данныхъ, предлагаемыхъ сербскимъ удареніемъ, чешской долготой гласныхъ и русскимъ удареніемъ въ словахъ съ дифтонгическими сочетаніями *ŏr*, *ŏl*, *ĕr*, *ĕl* между согласными ведетъ насъ къ заключенію: 1) что плавные *r* и *l* были долгими въ означенныхъ сочетаніяхъ въ общеславянскую эпоху и 2) что качество долготы сохранило слѣды свои въ качествѣ удареній въ отдѣльныхъ новыхъ славянскихъ языкахъ. Срв. по ударенію и долготѣ гласнаго слова: серб. грàх, мрàз, при чешск. hrách, mráz съ долгимъ *a* и при русскомъ горóхъ, морóзъ съ удареніемъ на *второмъ* слогѣ, указывающемъ на длительную долготу — восходящее удареніе. Срв. серб. крàљ, крàва при чешск. král'j, kráva съ долгимъ *a* и при рус. корóль, корóва съ удареніемъ на *второмъ* слогѣ. Срв. серб. млàтīш—штокав., mlátīš—чакавское и рус. молóтишь. Затѣмъ важно еще отмѣтить, что *вообще* признавая, что въ общесл. языкѣ *r* и *l* были *неслоговыми* (см. выше), мы, согласно съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, въ то же время признаемъ, что въ самомъ общесл. языкѣ, въ періодъ общеславянскаго единства, дифтонгическія сочетанія *ŏ*, *ĕ* + *плавная* подвергались такимъ измѣненіямъ (какъ и въ отдѣльныхъ слав. языкахъ), что эти измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, что *плавныя согласныя въ этихъ сочетаніяхъ стали* съ теченіемъ времени *слоговыми* еще въ общесл. эпоху. Таковыми же становились плавные согласные и въ сочетаніяхъ съ общесл. ирраціональными ъ и ь въ отдѣльныхъ слав. языкахъ, какъ

показываютъ измѣненія этихъ сочетаній (*ъ, ь+r, l* между согласными) въ отдѣльныхъ слав. языкахъ. Такимъ образомъ, какъ сочетанія общесл. языка: ъ̯(ь̯)+r̯(l̯) между согласными, такъ и сочетанія общесл. языка: ŏ(ĕ)+r̯(l̯), между согласными, съ теченіемъ времени, вѣроятно, еще въ общесл. періодъ переходили въ сочетанія ъ̯(ь̯)+r̯(l̯) и въ сочетанія ŏ(ĕ)+r̯(l̯), причемъ въ послѣднемъ сочетаніи плавные были еще кромѣ того *долгими*. Судьба сочетаній ŏr̯, ŏl̯, ĕr̯, ĕl̯ между согласными въ отдѣльныхъ слав. языкахъ была различная: въ части діалектовъ общесл. языка гласные ŏ и ĕ этихъ сочетаній *удлинились* и перешли *въ долгіе гласные*: ŏ въ ā, а ĕ въ ē, откуда затѣмъ дифтонгическое сочетаніе *іе*, какъ и изъ всякаго общесл. ē еще въ общеславянскій же періодъ. Такое удлиненіе гласной ŏ и ĕ надо понимать, какъ *перенесеніе долготы слѣдующаго за ней плавнаго согласнаго r и l* на предшествующую гласную. (См. выше).

Такимъ образомъ, въ части діалектовъ общесл. языка сочетанія: ŏr̯, ŏl̯, ĕr̯, ĕl̯ перешли въ ār̯, āl̯, i͡er̯, i͡el̯, а въ другой части діалектовъ сохранились съ краткой гласной, какъ прежде: ŏr̯, ŏl̯, ĕr̯, ĕl̯, причемъ r̯ и l̯ слоговые изъ старыхъ *неслоговыхъ*. Общеславянское діалектическое āl̯ получалось не только изъ ŏl̯, но и изъ ĕl̯ при извѣстныхъ условіяхъ, именно, послѣ согласныхъ ž, č, š, которые были въ общесл. языкѣ *смягченными* и таковыми перешли въ общерусскій языкъ, (см. выше.) и при *l* (твердомъ, велярно-зубномъ) передъ слѣдующей *твердой* согласной. Измѣненіе общесл. ĕl въ āl діалектическое произошло не непосредственно, а черезъ ōl (срв. выше измѣненія *е* въ *о* въ *о* при лабіализованномъ ł.), а это, въ свою очередь, возникло въ указанныхъ фонетическихъ положеніяхъ изъ ŏl съ діалектическимъ удлиненіемъ гласнаго. Слѣдовательно, измѣненіе ĕl въ ŏl послѣ ž, č, š при твердомъ *l* (велярно-зубномъ; „велярный“—задненебный, отъ лат. слова velaris; velum palati—небная занавѣска, мягкое заднее

небо въ полости рта) произошло, какъ видимъ, *раньше* діалектическаго удлиненія гласной (ĕ—ē, ĕ—ā) въ такого рода звуковыхъ сочетаніяхъ. *Такія діалектическія сочетанія звуковъ съ удлиненіемъ гласной перешли изъ общесл. языка въ южнославянскіе* языки, въ томъ числѣ, *и въ старославянскій языкъ*, а также въ языки *чешскій и словацкій*, причемъ *во всѣхъ этихъ языкахъ произошла перестановка гласной и плавной, и эта то плавная при перестановкѣ обратилась въ неслоговую изъ слоговой.* Вотъ откуда въ стрсл. языкѣ въ этихъ случаяхъ мы находимъ сочетанія: ра, ла, рѣ, лѣ. При этомъ надо замѣтить, что изъ ōl послѣ ž, č, š съ *l* твердымъ получалось въ діалектахъ общесл. языка не только āl, но также и ēl, откуда далѣе—ięl, хотя ięl при āl (а это послѣднее изъ ĕl̥ при извѣстныхъ условіяхъ. См. выше.) могло быть также и слѣдствіемъ вліянія аналогіи однѣхъ формъ словъ на другія (т. е. вліянія формъ словъ съ āl изъ ōl на формы слова съ ēl изъ ĕl. См. выше).

Далѣе, общесл. сочетаніе ār указаннаго происхожденія *безъ перестановки гласной и плавной*, но уже съ плавной *неслоговою*, извѣстно намъ *изъ полабскаго* языка *и изъ кашубскаго языка. Въ русскій языкъ, какъ и въ польскій языкъ, перешли* въ этихъ общеславянскихъ сочетаніяхъ: ŏ, ĕ + r, l *гласные краткіе безъ удлиненія ихъ*,—но въ то же время, какъ въ другихъ западно-славянскихъ языкахъ произошла перестановка гласнаго и плавнаго, однако безъ удлиненія гласнаго, въ русскомъ языкѣ въ указанныхъ сочетаніяхъ развилось такъ называемое *полногласіе*. Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ порядокъ звуковъ въ этихъ сочетаніяхъ (or, ol, er, el), сохранился старый, но при этомъ образовался *новый гласный звукъ полнаго образованія, тождественный по большей части съ гласнымъ, стоящимъ передъ плавной*, и этотъ новый гласный звукъ образовался *послѣ плавной, которая стала неслоговою.* Стало быть, изъ общесл. *or* въ ука-

занныхъ нами случаяхъ получилось русское *оро*; изъ *оł—оло*; изъ *er—ере*; изъ *el* черезъ *öl* получилось русское *оло*, причемъ *l* было твердымъ, велярно-зубнымъ. (Срв. выше: изъ общесл. ь̥l̯—ül̯—ъ̥l̯—ол. Первыя три стадіи этого перехода мы разсмотрѣли, т. к. онѣ произошли въ эпоху общерусскую ранняго, т. е. прарусскаго, періода; переходъ же ъ̥l̯ въ *ол* относится къ эпохѣ позднѣйшей этого періода, т. е. къ эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка, а потому послѣднюю стадію мы еще не разсматривали. Срв. vь̥l̯kъ̥—vül̯kъ̥—vъ̥l̯kъ̥... Въ какое время общеславянскаго языка звукъ l̯ (какъ и r̯ въ подобныхъ сочетаніяхъ) сталъ *слоговымъ* (l̥, r̥), рѣшить трудно, но въ общерусскую эпоху должны были быть извѣстными слоговые *r* и *l*, какъ будетъ видно ниже; эти слоговые *r* и *l* перешли изъ общеславянскаго языка, въ которомъ они образовались, какъ я думаю, *въ позднѣйшій періодъ*, непосредственно передъ распаденіемъ общеславянскаго языка, но уже въ общерусскомъ періодѣ эти слоговые *r* и *l* въ самомъ началѣ отдѣльной жизни русскаго члена славянской семьи перешли въ неслоговые, и образовалось *полногласіе*. Далѣе, изъ общесл. ĕl образовалось въ русскомъ языкѣ *еле*, но при какихъ условіяхъ было, именно, это образованіе, а не *оло* (которое было въ положеніи послѣ *ж'*, *ч'*, *ш'* и при звукѣ *л* твердомъ), остается пока неизвѣстнымъ. Наконецъ, изъ общесл. ĕl черезъ öl съ *л твердымъ* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ получалось въ русскомъ языкѣ и ölo, откуда *оло* или *ело при отсутствіи ударенія на первой гласной*; иногда же изъ общесл. *öl* получалось русское *еле*. Сравни: стрсл. брѣза, рус. берёза, литов. bérzas. Стрсл. мрѣти, рус. мереть. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ общесл. *er* (ĕr̥̄: bĕr̥̄za), откуда—ēr̥, i͡er̥, по перестановкѣ rē, откуда ri͡e̯. Срв. сербское бри̏језа. Далѣе: стрсл. влѣкѫ, рус. волоку, литов. velkù;—изъ общесл. *el* (ĕl̥̄: vĕl̥̄kǫ), откуда ēl̥, i͡el̥, по перестановкѣ—lē, li͡e̯. Срв. серб. *вли̏јек-.

Срв. стрсл. жладѫ, жласти и жлѣдѫ, жлѣсти (=уплачивать), гдѣ стрсл. чередованіе ла и лѣ указываетъ на общеславянскія сочетанія: āl изъ ŏl̥] при ēl, ie̯l изъ ĕl̥; по перестановкѣ lē, li͡e̯ и lā, которое изъ ŏl черезъ öl послѣ смягченныхъ согласныхъ. Въ русскомъ мы ожидали бы *оло*, *ело* изъ *ölo* и также могло бы быть *еле*. Срв. русское *жо́лобъ*, но: *желобо́къ*, чш. žlab и žleb. Срв. стрсл. вранъ и врана, рус. *во́ронъ* и *воро́на* при литов. vaȓnas и várna. Здѣсь мы имѣемъ слѣды различнаго качества общесл. ударенія въ русскомъ удареніи, какъ и выше. Срв. въ сербскомъ: русскому *во́ронъ*, *го́лосъ* соотвѣтствуютъ *вра̑н*, *гла̑с* съ *нисходящимъ* удареніемъ на *долгой* гласной; а русскимъ: *воро́на*, *бере́за*, *коро́ва* соотвѣтствуютъ въ сербскомъ: *вра̏на*, *бре̏за*, *кра̏ва* съ извѣстнымъ удареніемъ на *краткой* гласной, т. е. здѣсь произошло *сокращеніе* долгой гласной или сокращеніе дифтонга изъ общеславянскаго сочетанія i͡e̯.

Въ такихъ случаяхъ, какъ: *во́ронъ*, *го́лосъ*, *го́родъ*, *по́рохъ*, *го́лодъ*, *хо́лодъ*, *бе́регъ* и под., т. е. гдѣ русскія полногласныя формы имѣютъ удареніе на *первомъ* слогѣ полногласнаго сочетанія, *общеславянскій языкъ получилъ изъ балтійско-славянскаго языка дифтонгическія сочетанія на плавную согласную съ прерывистой долготой цѣлаго сочетанія подъ удареніемъ*. Въ такихъ же случаяхъ, какъ: *воро́на*, *бере́за*, *хоро́мы*, *горо́хъ*, *моро́зъ*, *коро́ва*, *поло́нъ*, *соро́мъ* и под., т. е. гдѣ русскія полногласныя формы имѣютъ удареніе на *второмъ* слогѣ полногласнаго сочетанія, *общеславянскій языкъ получилъ изъ балтійско-славянскаго языка дифтонгическія сочетанія на плавную согласную съ длительной долготой цѣлаго сочетанія подъ удареніемъ*. Въ первомъ случаѣ мы видѣли *въ литов. языкѣ* vaȓnas, а во второмъ — várna, т. е. *балтійско-слав. прерывистая* долгота (во́ронъ) подъ удареніемъ вызвала въ литовскомъ языкѣ *восходящее* качество ударенія (vaȓnas—съ восходящимъ удареніемъ), хотя сама дол-

гота эта не была восходящею; а *балтійско-славянская длительная* долгота (ворóна) подъ удареніемъ вызвала въ литовскомъ языкѣ *нисходящее* качество ударенія (várna—съ нисходящимъ удареніемъ), хотя сама долгота эта и не была нисходящею. Въ такихъ же случаяхъ, какъ русское *головá*, *воротá*, *бородá*, *пеленá* и под. мы имѣемъ и литовское *galvà* и проч. Стрсл. глава указываетъ на перестановку и удлиненіе общеславянскаго дифтонгическаго сочетанія: $\breve{o}\bar{l}$ между согласными, откуда $\bar{a}\underset{\circ}{l}$, а затѣмъ $\underset{\circ}{l}\bar{a}$—лл.

Лекція XVII.

§ 29. Звуковыя явленія общерусской эпохи, предшествовавшія развитію русскаго полногласія. Мы изложили положеніе дѣла относительно плавныхъ звуковъ *r* и *l* въ балтійско-славянскую и общеславянскую эпохи и пришли къ заключенію, что эти эпохи сохранили слѣды *долгихъ* плавныхъ согласныхъ съ различными качествами долготы въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ плавныхъ *r*, *l* съ гласными, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ *ŏr*, *ŏl*, *ĕr*, *ĕl* между согласными. Въ общерусской же эпохѣ произошли дальнѣйшія измѣненія этихъ общеславянскихъ сочетаній, и теперь мы будемъ слѣдить за этими измѣненіями въ *общерусской* эпохѣ. Въ эту эпоху, именно, произошелъ *переходъ долгихъ* $\bar{r}$ *и* $\bar{l}$ *послѣ* *ŏ и ĕ и передъ согласными въ группы*: $\underset{\circ}{r}\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}\underset{\circ}{l}$, такъ что изъ общесл. $v\breve{o}\bar{r}na$, $g\breve{o}\bar{l}va$ образовались въ общерусскую эпоху: $vor\underset{\circ}{r}na$ и $gol\underset{\circ}{l}va$. Дальнѣйшія измѣненія заключались въ томъ, что группы: $\underset{\circ}{r}\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}\underset{\circ}{l}$, стремясь вокализировать второй изъ элементовъ каждой группы, *превращали этотъ второй элементъ* ($\underset{\circ}{r}$, $\underset{\circ}{l}$) *въ гласную*, именно: въ гласный *o*, когда предшествую-

щіе элементы (*r̥* и *l̥*) были *тверды*; въ гласный *е*,—когда эти элементы были *мягки*. Такъ получились русскія *полногласныя* формы: *ворóна* изъ *воръна*, а это изъ *vŏr̥na*; *бéрегъ* изъ *бер'гъ*, а это—изъ bĕr̥gъ; *шóлóмъ* (откуда далѣе – *шоломъ*) изъ шŏl̥mъ, а это изъ шĕl̥mъ – šĕl̥mъ. (О звукѣ *о* изъ *е* послѣ общесл. и общерусскихъ *смягченныхъ* согласныхъ въ слогѣ передъ слѣдующей непалатализированной, а затѣмъ въ слогѣ, который оканчивался на *t*—*л* твердое изъ *l* средняго,—было говорено выше. Этотъ звукъ въ общерусской же эпохѣ переходилъ въ *о*).

§ 30. Далѣе, такъ какъ мы допускаемъ (см. выше), что въ общеславянской эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ общеславянскаго языка образовались *слоговые* *r̥* и *l̥* и таковыми они были получены въ общерусскомъ языкѣ, то, разсматривая дальнѣйшую судьбу этихъ слоговыхъ r̥ и l̥ въ общерусскомъ языкѣ, мы видимъ, что здѣсь они *стали замѣняться неслоговыми* лабіализованными и палатализованными, согласно общему закону полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ (см. выше), вслѣдствіе котораго всѣ звуки русскаго языка стали уже или лабіализованными, или палатализованными, а *чистыхъ уже не могло оставаться*, какъ было *до ассимиляціи*, и потому *чистые r* и *l* также были утрачены въ общерусскую эпоху. Слѣдствіемъ утраты чистыхъ *r* и *l* и замѣны *r̥* и *l̥* *неслоговыми* было то, что предшествующіе имъ *болѣе слабые иррацiональные* ъ и ь *переходили въ болѣе сильные*, т. к. въ нихъ сосредоточивался гласный элементъ слога: мълва, вьрхъ, дьрнъ и проч. съ сильными иррацiональными ъ и ь. Срв. *молва*, *верхъ*, *дернъ* въ дальнѣйшемъ измѣненіи.

При этомъ ь переходило въ ъ черезъ *й* въ положеніи передъ *t*, замыкавшемъ собою слогъ, какъ это мы видѣли выше: vьlkъ—vŭlkъ—vъĺkъ—*вълкъ*. Само собой разумѣется, что мы здѣсь уже не обозначаемъ слогового или неслогового

характера *ъ, ӥ, ꙋ*, такъ какъ въ эту эпоху слоговой *l* сталъ уже *неслоговымъ* и не чистымъ, а лабіализованнымъ, вслѣдствіе чего и произошли измѣненія *ъ* въ *ꙋ*, конечно, въ данную эпоху бывшіе *слоговыми*. Если же *ъ* стояло передъ лабіализованнымъ *r*, то это *ъ* переходило также въ *ӥ* ирраціональное, какъ это мы видѣли и въ положеніи *ь* передъ лабіализованнымъ *ɬ*, пока это *l* было еще *чистымъ* (см. выше), и какъ мы это видѣли въ положеніи *ъ* передъ всякой другой лабіализованной согласной (см. выше примѣръ: *дӥнъ*, откуда *дёнъ* при имен. п. ед. ч. *д'ън'ъ* съ *закрытымъ ъ* передъ *палатальною* согласною). Такимъ образомъ, по отношенію къ звуку *r* лабіализованному мы получаемъ: *дӥрнъ*, откуда *дёрнъ*. Наконецъ, если *ъ* стояло передъ палатализованнымъ *r*, то это *ъ* переходило въ *ъ закрытое*, какъ и передъ всякой палатальной согласной, такъ что мы получаемъ въ эту эпоху: *в'ър'хъ*, откуда *верьхъ*. Срв. выше: *д'ън'ъ*, откуда: *д'е'н'ъ*.

Такимъ образомъ, дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы заключаемъ, что 1) въ общерусской эпохѣ *были утрачены* вслѣдствіе закона о полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ *чистые r* и *l*; а, ставши или лабіализованными—твердыми, или палатализованными—мягкими, эти *r* и *l* вліяли соотвѣтствующимъ образомъ на предшествующіе гласные звуки, какъ и всѣ прочіе *согласные*, появившіеся послѣ лабіализаціи и палатализаціи въ общерусскомъ языкѣ, т. к. сами *r* и *l* *стали согласными*, потеряли въ эту эпоху свой *слоговой* характеръ, унаслѣдованный ею въ извѣстныхъ положеніяхъ изъ позднѣйшаго періода общеславянской эпохи. 2) Въ общерусскую эпоху произошло распаденіе *долгихъ r* и *l* на два краткихъ *r* и на два краткихъ *l* въ извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, причемъ вторые изъ этихъ двухъ *r* или этихъ двухъ *l* перешли въ гласные, вокализировались, и этимъ было дано начало *полногласію*. 3) *Полногласіе*, начавъ свое развитіе въ общерусской эпохѣ, стоитъ

въ связи съ утратой долготы и слогового характера плавныхъ r и l. 4) Долгота и слоговой характеръ плавныхъ согласныхъ древнѣе полногласія; слѣдовательно долгіе и слоговые плавные были извѣстны въ самый ранній періодъ общерусскаго языка, въ періодъ прарусскій, и очень недолго. Наконецъ, 5) звукъ *l* чистый въ общерусскую эпоху перешелъ въ *ł* лабіализованный, твердый, и обусловилъ собой спеціально русское явленіе перехода *е* въ *о* и *ь* въ *ъ* передъ этимъ твердымъ *л*, вслѣдствіе чего мы имѣемъ и ссотвѣтственное измѣненіе согласнаго передъ этимъ *о* и *ъ* изъ бывшаго мягкаго въ твердый: вълкъ—волкъ при польскомъ wilk; пълнъ—полнъ при польскомъ pełny, а въ стрсл. плънъ и діалектическое плынъ. Срв. литов. pilnas.

§ 31. Объ измѣненіяхъ въ общерусскую эпоху дифтонгическаго сочетанія *ie*, перешедшаго изъ общеславянской эпохи, когда *ē* распалось на это сочетаніе. (Стрсл. ѣ). Въ неударяемомъ слогѣ *передъ слогомъ съ ударяемымъ и(і)* это ѣ перешло въ *и(і)*. Напр., *сиди́ть* образовалось изъ сѣдить; *дитѝна* изъ дѣтина; *мизи́ный* изъ мѣзинъ и под. Но въ положеніи передъ слогомъ съ слѣдующимъ звукомъ *а* или ѣ это ѣ по ассимиляціи переходило въ *'а* (смягчающее предшествующую согласную). Напр., въ русскихъ памятникахъ письменности мы уже встрѣчаемъ: вм. несѣахъ—несмахъ; вм. бѣаху—бяху и под. Срв. малор. *мізинець*, малор. *сидіти*, малор. дитина. Эти малорусскія произношенія доказываютъ, что это явленіе *общерусской* эпохи. Срв. также: бяху въ Изборникѣ 1073 г., въ Арх. Евангеліи 1092 года часто, и въ другихъ памятникахъ. Срв. *Соболевскаго.* Лекціи.[3] Стр. 160. 82. 90.

Въ эту же эпоху указанныя выше формы imperfect'a (бѣаху—бяху) стянули свои группы: *аа* и *уа* въ одно *а*, и получились: *несяху*, *печаше*, *хожахъ*, *видяху*, *бяше*, *бяху*,

люблѧхомъ и под. Срв. *Соболевскаго.* ib. 160. Эти формы несомнѣнно были въ первые вѣка письменности въ русскомъ языкѣ, т. к. онѣ извѣстны въ массѣ памятниковъ почти до XIV вѣка и извѣстны большинству славянскихъ нарѣчій, такъ что ихъ видоизмѣненіе въ указанномъ смыслѣ принадлежитъ лишь общерусской эпохѣ. Но въ русскихъ *грамотахъ* формъ imperfect'a не встрѣчается. Отсюда мы вправѣ заключить, что эти формы очень рано вышли изъ употребленія въ разговорномъ русскомъ языкѣ.

Теперь мы перейдемъ къ общему заключенію и подведемъ итоги тому, что̀ пережилъ въ своихъ звукахъ русскій языкъ въ эпоху до распаденія на нарѣчія, т. е. въ общерусскую эпоху. Затѣмъ посмотримъ его особенности въ морфологическомъ отношеніи.

Лекція XVIII.

§ 32. Если мы подведемъ итоги всѣмъ тѣмъ звуковымъ явленіямъ, которыя пережиты были русскимъ языкомъ въ эпоху общерусскаго единства, и которыя подготовили звуковой строй русскаго языка ко времени распаденія послѣдняго на нарѣчія—сѣверное, среднее и южное,—то мы получимъ выводъ общаго характера, выводъ, который дастъ намъ возможность углубиться въ звуковую физіономію русскаго языка и понять особенности послѣдняго въ ихъ общемъ значеніи. Дѣло въ томъ, что по выдѣленіи русскаго языка изъ общеславянской семьи въ немъ мало по малу развился, можно сказать, цѣлый новый міръ звуковъ, обусловленный тѣмъ разнообразіемъ произношенія (артикуляціи), которое возникло подъ вліяніемъ особаго уклада органовъ рѣчи, принявшихъ

новыя положенія въ восточной вѣтви общеславянской семьи языковъ. При развившемся участіи губъ въ произношеніи гласныхъ русскаго языка еще въ общерусскую эпоху получилось особое произношеніе и согласныхъ вслѣдствіе вліянія на нихъ со стороны сосѣднихъ съ ними *лабіализованныхъ* гласныхъ, т. е., вслѣдствіе начавшейся и развившейся въ общерусскую эпоху *полной ассимиляціи* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ. Вообще, лабіализація вноситъ большое разнообразіе въ звуки задняго ряда (твердые), а потому мы остановимся подробнѣе на физіологической сторонѣ звуковъ, появившейся въ восточной части славянства (въ русскомъ языкѣ) вслѣдствіе лабіализаціи и палатализаціи. Дѣло въ томъ, что при образованіи гласныхъ звуковъ необходимо принимать въ разсчетъ положеніе подвижныхъ частей полости рта, т. е., *положеніе губъ* и *мягкаго неба. Отъ положенія губъ зависитъ присутствіе или отсутствіе лабіализаціи и степень ея.* Такъ, напр., при производствѣ гласныхъ передняго ряда (*ä, e, i*) губы не участвуютъ: онѣ прижимаются къ зубамъ, растягивая губную щель въ длину, т. е. примѣняясь къ формѣ зубной щели. Такіе гласные называются *нелабіализованными.* Но гласные *передняго ряда*, т. е. такіе, при производствѣ которыхъ соотвѣтствующая часть спинки языка подымается по направленію къ твердому небу, къ переднему небу (отчего они называются также *палатальными* (отъ лат. *palatum*—твердое небо) или *передненебными* или *твердонебными*. а также *переднеязычными*), такъ же, какъ и всѣ вообще гласные, могутъ сопровождаться и *лабіализаціей, т. е., извѣстнымъ участіемъ губъ, состоящимъ въ уменьшеніи губного отверстія, въ округленіи губъ, обыкновенно съ большимъ или меньшимъ вытягиваніемъ губъ впередъ.* Поэтому *при лабіализаціи* гласныхъ передняго ряда: *i, e, ä* слышатся вмѣсто *i* и *e* (припомнимъ, что *ъ* общерусской эпохи полученъ изъ общеславянской эпохи, а въ болѣе раннюю эпоху—балтійско-

славянскую—на мѣстѣ ъ былъ гласный ĭ) звуки: *ӥ* и *ӧ*. Припомнимъ примѣры: дынь, d'ӥпъ—д'он (дёнъ); медъ—m'ӧd—м'од и проч. Такія лабіализованные гласные передняго ряда (твердонебные, палатальные) по мѣсту образованія въ полости рта, т. е. гласные *ӥ* и *ӧ* встрѣчаются діалектически въ извѣстныхъ условіяхъ и донынѣ въ русскомъ языкѣ, напр., въ московскомъ произношеніи слова: *надѣйсь* (въ орѳографіи: *надѣюсь*), *смѣйтъ* (=*смѣютъ*), *лйбить* (=*любитъ*), сѣверно-русское *знаӧш* (=*знаешь*) и мн. др. (Ср. *Томсонъ*. Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1906 г. Стр. 161). Среди самихъ гласныхъ передняго ряда (твердонебныхъ, передненебныхъ, переднеязычныхъ, палатальныхъ) *ӓ, е, і* слѣдуетъ различать гласные съ различной *степенью приближенія* спинки языка къ небу: чѣмъ больше разстояніе отъ спинки языка до твердаго (или средняго, или задняго неба) неба, тѣмъ ниже лежитъ языкъ, и въ зависимости отъ этого получается *низкое* положеніе языка при *ӓ*, *среднее* положеніе языка при *е* и *высокое* положеніе языка при *і* (спинка языка подымается выше всего, приближаясь къ твердому, переднему небу). Такъ получаются гласные: низкій гласный передняго ряда, средній гласный передняго ряда и высокій гласный передняго ряда. Или: низкій твердонебный, средній твердонебный и высокій твердонебный. Но положеніе языка (низкое, среднее и высокое) надо отличать отъ *мѣста сближенія* спинки языка съ небомъ: если спинка языка подымается къ твердому переднему небу, то гласный называется гласнымъ *передняго ряда* или *передненебнымъ*; если—къ среднему небу, то гласный получается *средняго ряда* или *средненёбный*; если, наконецъ,—къ мягкому, заднему небу, то гласный получается *задняго ряда*, *задненёбный*. Переднее твердое небо лежитъ ближе къ зубамъ; если мы будемъ вести пальцемъ по нёбу, начиная отъ переднихъ верхнихъ зубовъ въ направленіи къ заду, къ зѣву, то мы по ощущенію въ пальцѣ

замѣтимъ то мѣсто, гдѣ твердое небо переходитъ въ мягкое, въ задней части полости рта. Такимъ образомъ, гласные передняго ряда могутъ быть: *нелабіализованные* при *низкомъ* положеніи языка—*ä* и *лабіализованные* при *низкомъ* положеніи языка—*ö*^{a}; *нелабіализованные* при *среднемъ* положеніи языка—*е* и *лабіализованные* при *среднемъ* положеніи языка—*ö*; наконецъ, *нелабіализованные* при *высокомъ* положеніи языка—*і* и *лабіализованные* при *высокомъ* положеніи языка—*ü*. Такимъ же порядкомъ: гласные средняго ряда: *нелабіализ. низкіе* и *лабіализ. низкіе*, *нелабіализ. средніе* и *лабіализ. средніе*; *нелабіализ. высокіе* (ы) и *лабіализ. высокіе*. Также: гласные задняго ряда: *нелабіализ. низкіе* (*а*), и *лабіализ. низкіе* (*а*^{o}, *о*^{a}); *нелабіализов. средніе* и *лабіализов. средніе* (*о*); *нелабіализ. высокіе* и *лабіализов. высокіе* (*у*). Гласные ъ и ь были гласными *неполнаго* образованія, а потому они не вошли ни въ какой разрядъ, но ближе всего они подходятъ: ъ—къ гласному лабіализованному низкому задняго ряда, а ь—нелабіализованному среднему средняго ряда, хотя въ эпоху общерусскаго языка ъ и ь имѣли еще свои оттѣнки большей или меньшей лабіализаціи (ъ) и большей или меньшей палатализаціи (ь), смотря по тому, какого происхожденія они были и какую силу сохраняли: были ли они *болѣе сильными* или *менѣе сильными*. (См. выше).

§ 33. Отъ положенія мягкаго неба зависитъ участіе или неучастіе *носовой* полости въ производствѣ звука, т. е. *назализація и степень ея*. Гласные *неназалированные* называются *чистыми* гласными. Съ *открытой* носовой полостью произносятся *носовые согласные м, н* и *назалированные* (носовые) *гласные* ǫ, ę (ѫ, ѧ). Если мягкое небо закрываетъ собой проходъ въ носовую полость, опускаясь внизъ и прижимаясь къ задней части зѣва, то воздухъ не проходитъ въ носовую полость, и она не участвуетъ въ производствѣ звука, какъ резонаторъ, а потому получается при этомъ положеніи мяг-

каго неба гласный или согласный чистый, не назалированный и не носовой. Таковы звуки: *а*, *о*, *к*, *г*, *с* и проч. *Но каждый звукъ можетъ быть назалированнымъ*, если носовая полость открыта при его произнесеніи. Такимъ образомъ, каждый звукъ можетъ быть *лабіализованъ*, *назалированъ* и *палатализованъ* (смягченъ). *Полная же ассимиляція* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ, начавшаяся еще въ общерусскую эпоху, *и состоитъ*, на основаніи вышеуказаннаго, *въ примѣняемости* каждаго звука въ словѣ къ сосѣднимъ справа и слѣва, такъ что начальный укладъ органовъ рѣчи при произнесеніи перваго звука слова уже мѣняется, приспособляясь къ артикуляціи (производству) слѣдующаго звука, усвоеннаго въ данномъ словѣ и въ данномъ языкѣ (говорѣ, нарѣчіи) путемъ акустическаго (слухового) воспріятія и установившейся привычки. Поэтому все слово русскаго языка проникается какъ бы общимъ тѣкомъ дѣйствующей ассимиляціи (уподобленія) слѣва направо, съ начала слова къ концу его. Этого-то явленія не было въ эпоху общеславянскую, и потому въ ту пору звуки слова артикулировались какъ бы болѣе самостоятельно, каждый самъ по себѣ, вслѣдствіе чего, надо полагать, была бо̀льшая возможность различать отдѣльные звуки, составляющіе слово. И въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ нынѣ не вездѣ замѣчается одинаковое стремленіе связать составные звуки общей артикуляціонной ассимиляціей. При слабо развитомъ стремленіи къ ассимиляціи такого характера замѣчается какъ бы прерывистая или „рубленая“ рѣчь, которую я наблюдалъ въ говорахъ Вятской губерніи, въ говорахъ новгородской и петербургской губерніи (Ладожскаго уѣзда) и въ говорахъ малороссійскихъ. Но эти явленія, вѣроятно, не восходятъ къ эпохѣ общерусской, и объ нихъ мы будемъ говорить гораздо позже. Такъ, напримѣръ, южновеликорусское н'е^{i}с'о̀т' цѣликомъ проникнуто стремленіемъ къ такой ассимиляціи, что̀ видно и изъ *транскрипціи фонетической*, т. е. изъ приведеннаго мною графи-

ческаго изображенія этого произношенія; въ малорусскомъ несет'ъ слышатся переходы отъ *среднихъ* по мягкости звуковъ *н* и *е* (обозначено *точкою* внизу этихъ буквъ) къ *мягкому т'* и къ звукамъ болѣе широкимъ *е*, чѣмъ южновеликорусское *узкое* e^i. Въ вятскомъ говорѣ въ этомъ словѣ я слышу *н* не такое мягкое, какъ въ южновеликорусскомъ, и не такое твердое, какъ въ малорусскомъ; а между звуками *с* и *е* есть еще какой-то звукъ, прекращающій на одно мгновеніе мягкую (палатальную) артикуляцію звука *с'*, и потомъ гласный звукъ *ӧ*, такъ что *фонетически* я написалъ бы вятское произношеніе этого слова (въ Котельническомъ уѣздѣ) такъ: нес'сӧт. Въ общерусскую эпоху ранняго періода надо предположить, согласно вышесказанному, произношеніе этого слова: н'e^iс'ӧт.

Лекція XIX.

§ 34. Теперь мы познакомились съ тѣми общими отличіями *по качеству* звуковъ русской вѣтви славянства, которыя образовались мало-по-малу въ общерусскую эпоху послѣ отдѣленія русскаго языка отъ славянской семьи, но еще до распаденія общерусскаго языка на нарѣчія. Этими отличіями по качеству звуковъ и обусловился особый типъ русской вѣтви славянства, который сформировался уже въ эпоху отдѣльной жизни общерусскаго языка. Такимъ образомъ, планъ нашего курса былъ до сихъ поръ такой:

I. Характеристика эпохи общерусской въ звукахъ и формахъ.

а) Звуки и формы, унаслѣдованные отъ общеславянской эпохи *безъ измѣненія*.

b) *Измѣненія* въ звукахъ и формахъ, происшедшія въ общерусской эпохѣ ранняго періода, т. е. въ прарусской эпохѣ.

c) Звуки и формы праславянскаго языка, т. е. ранней эпохи общеславянскаго языка, какъ выводъ нашъ изъ разсмотрѣнія звукового и формальнаго состава прарусскаго языка, т. е. ранней эпохи общерусскаго языка.

Очень понятно, что, зная, съ одной стороны *неизмѣненное наслѣдіе* въ общерусскомъ языкѣ отъ общеславянскаго языка, а, съ другой стороны, *тѣ измѣненія*, которыми отличалась общерусская эпоха *сравнительно съ общеславянской*, и *тѣ измѣненія*, которыми общеславянскій языкъ ранней эпохи отличался *отъ родственныхъ языковъ*, по преимуществу отъ литовскаго языка, мы могли составить характеристику общерусской эпохи и характеристику общеславянской эпохи по отношенію къ звукамъ и формамъ этихъ эпохъ въ начальныхъ, раннихъ періодахъ ихъ жизни. Это мы и сдѣлали до сихъ поръ. Мы остановились на характеристикѣ *формальнаго* состава общерусской эпохи, но и въ этой части мы будемъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, держаться прежняго плана: сначала скажемъ о формальномъ составѣ (о формахъ склоненія и спряженія), *не подвергшемся измѣненію* сравнительно съ общеславянской эпохой въ общерусскомъ языкѣ, а затѣмъ— *о тѣхъ измѣненіяхъ* въ формахъ склоненія и спряженія, которыя пережиты общерусской эпохой. Далѣе, мы перейдемъ ко II-му отдѣлу курса, къ характеристикѣ эпохи общерусской *позднѣйшаго* періода, т. е. эпохи непосредственно предшествовавшей распаденію общерусскаго языка. И въ этой эпохѣ мы разсмотримъ: a) Общія явленія и b) Діалектическія явленія этой эпохи. (Срв. въ I-мъ отдѣлѣ—*діалектическія* явленія общеславянской эпохи, напр., смягченные губные, звукъ *ä*, звукъ *дз*, сочетанія *dl* и *tl* и сочетанія *kw*, *гw*, *xw*. Всѣ

эти явленія были извѣстны въ общеславянскомъ языкѣ еще, но *діалектически*. Такъ же было и въ общерусскую эпоху: одни явленія были извѣстны *всему* общерусскому языку непосредственно передъ его распаденіемъ на нарѣчія, другія явленія были извѣстны отдѣльнымъ частямъ его, и это-то и обусловило собой распаденіе и образованіе особыхъ нарѣчій). Наконецъ, въ III-мъ отдѣлѣ нашего курса мы займемся *характеристикой эпохи русскаго языка послѣ его распаденія* въ звукахъ и формахъ его, т. е. разсмотримъ *судьбу* (*исторію*) *звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его трехъ нарѣчіяхъ* (южномъ, среднемъ и сѣверномъ. См. выше). И здѣсь опять остановимся на звукахъ и формахъ, хотя и діалектическихъ, т. е. уже принадлежащихъ *одному русскому языку* (не славянскимъ родственнымъ; значитъ, на *діалектическихъ* звукахъ и формахъ по отношенію *къ прошлому*, болѣе раннему времени), но общихъ всѣмъ тремъ русскимъ нарѣчіямъ, а затѣмъ,—на діалектическихъ явленіяхъ, общихъ двумъ какимъ-либо нарѣчіямъ русскаго языка. Такимъ образомъ, историческое прошлое каждаго нарѣчія передъ нами возстановится въ звукахъ и формахъ, свидѣтельствующихъ о *совмѣстной* жизни и общей судьбѣ данныхъ нарѣчій—племенъ или объ *отдѣльной* жизни и судьбѣ того или другого нарѣчія—племени. Наконецъ, въ IV-мъ отдѣлѣ курса своего мы сдѣлаемъ характеристику отдѣльныхъ главнѣйшихъ нарѣчій русскаго языка въ отдѣльной ихъ жизни, т. е. характеристику малорусскаго нарѣчія, характеристику южновеликорусскаго нарѣчія, характеристику бѣлорусскаго нарѣчія и характеристику сѣверновеликорусскаго нарѣчія. Что же касается исторіи *литературнаго* русскаго языка (припомнимъ различіе терминовъ „русскій языкъ“: русскій языкъ, какъ совокупность составляющихъ его нарѣчій въ ихъ исторіи и современности; и русскій языкъ, какъ языкъ письменности и литературы русской, языкъ русской интеллигенціи), то она должна составить и составитъ предметъ особаго моего курса.

§ 35. Итакъ, держась намѣченнаго плана, я займу Ваше вниманіе теперь *формами* склоненія и спряженія въ общерусской эпохѣ ранняго періода (прарусской). Прежде всего замѣтимъ, что *большая часть* формъ склоненія и спряженія перешла въ общерусскую эпоху изъ общеславянскаго языка *безъ измѣненія*. Такъ, склоненіе именъ существительныхъ перешло въ общерусскій языкъ съ тѣми особенностями, которыя образовались уже въ общеславянскую эпоху, т. е. въ общерусскую эпоху было уже извѣстно *смѣшеніе именныхъ основъ* на *о* и на *ъ*, *на согласные* и на *ь* или на *о*, на-*jo* и на *ь* и проч. Такъ, напр., смѣшеніе въ склоненіи словъ *сынъ* и *рабъ* или *волкъ*, *мать* и *кость*, *тѣло* и *чело*, *зять* и *конь* и под. Нѣкогда, еще въ эпоху литовско-славянскую и общеиндоевропейскую слова: *сынъ* и *рабъ*, принадлежа къ разнымъ основамъ, имѣли и разныя падежныя окончанія. Слово *мать* имѣло согласную основу на-*ер*-, а слово *кость*—основу гласную на-*ї*; слово *тѣло* принадлежало къ основамъ на согласный—*ес*-, а слово *чело*—на гласный. Слово *зять* принадлежало къ основамъ на-*ї*, а слово *конь*—къ основамъ на-*jo* и т. д. Но уже въ старославянскихъ памятникахъ и въ живыхъ слав. нарѣчіяхъ мы имѣемъ указаніе, что смѣшеніе именныхъ основъ было извѣстно всѣмъ имъ и, слѣдовательно, принадлежало общеславянскому періоду. Равнымъ образомъ общеславянскому языку уже были извѣстны многія явленія употребленія *вин. падежа* при отрицаніи глагола дѣйствительнаго залога и проч. Былъ извѣстенъ сигматическій аористъ (съ характеромъ *с*, въ родѣ формы *ведохъ*) и другія глагольныя формы. Все это перешло въ общерусскую эпоху изъ общеславянской *безъ измѣненія*. Но цѣлый рядъ формъ однако утраченъ уже въ общерусскую эпоху, и въ этомъ заключались *формальныя измѣненія, пережитыя общерусской эпохой*. Эти измѣненія были слѣдующія:

1) Общерусскій языкъ утратилъ рядъ формъ сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ. Именно: въ тѣхъ формахъ

сложныхъ прилагательнаго краткаго (безчленнаго), гдѣ сохранялись въ окончаніяхъ мѣстоименныя формы (формы мѣстоименія личнаго 3-го лица, служившаго для образованія *опредѣленныхъ*, т. е. *членныхъ* формъ имени прилагательнаго), начинавшіяся съ основы *je*, въ первой части сложенія, т. е. въ имени прилагательномъ, являлась основа на-*о* вмѣсто падежной формы имени прилагательнаго. Поясним это примѣромъ. Для этого припомнимъ образованіе *членныхъ* прилагательныхъ путемъ сложенія ихъ съ мѣстоименіемъ—членомъ. Возьмемъ прилагательное добръ. Оно въ этой краткой, безчленной формѣ склонялось, какъ и сущ. *столъ*, т. е. принадлежало къ основамъ на-*о*, слѣдовательно, основой его въ прежнее время, въ эпоху написанія старославянскихъ памятниковъ и далѣе въ эпоху X—XI вѣка, была основа *добро*.—Мѣстоименіе личное 3-го лица, которое присоединялось къ имени прилагательному краткому (къ *существительной* его формѣ: *добръ—столъ*) въ качествѣ опредѣляющаго его *члена*, ставилось *послѣ* прилагательнаго (такъ называемый *постпозитивный членъ*. Срв. нѣмецкій или французскій языкъ, гдѣ *членъ* присоединялся къ имени въ началѣ его: *препозитивный членъ*; le bon, der gute; le bon Dieu; der liebe Gott и под.) въ славянскихъ языкахъ. Напр., въ старославянскомъ языкѣ это мѣстоименіе было: ѥ-для муж. р., ꙗ-для жен. р., ѥ для средняго рода въ именительномъ падежѣ ед. числа. Мѣстоименіе ѥ, ꙗ, ѥ имѣло род. п. ед. ч. ѥго, ѥѩ, ѥго и т. д. Слѣдовательно, сравнительно съ современнымъ русскимъ языкамъ въ этомъ мѣстоименіи только имен. падежъ ед. ч. былъ другимъ, и онъ-то съ теченіемъ времени утратился, какъ отдѣльное слово, а сохранился только, какъ *членъ*, опредѣляющій собой имя прилагательное (срв. также нѣм. gut+er=gut*er*, lieb*er*, schön*er*; но *der* gute, liebe, schöne и т. п.), именно: добръ+ѥ (*ѩ*), добра+ꙗ (*я*), добро+ѥ(*е*). Современное русское: *добрый*, *добрая*, *доброе* и проч. Вмѣсто же стараго именительнаго падежа ед. ч. этого мѣсто-

именія и, ꙗ, ѥ сталъ употребляться именительный падежъ совершенно отъ другого мѣстоименія, *указательнаго*: онъ, она, оно (*онъ, она, оно*), которое прежде имѣло свое особое склоненіе и было *указательнымъ* мѣстоименіемъ, а не *личнымъ* (род. ед. оного, оноѩ, оного и т. д.), и могло также *опредѣляться* мѣстоименіемъ—членомъ и, ꙗ, ѥ: онъ + и (=оный), она + ꙗ (=оная), оно + ѥ(=оное) и т. д. Въ современномъ же русскомъ языкѣ, съ утратою им. п. ед. ч. и, ꙗ, ѥ, мѣстоименіе *онъ, она, оно* стало служить мѣстоименіемъ *личнымъ* 3-го лица и заимствовало свои прочіе падежи отъ стараго личнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ, т. е. стало употребляться отъ именительнаго *онъ, она, оно* родительный ѥго (его), ѥѩ (ея), ѥго (его) и т. д. И вотъ въ стрсл. языкѣ *членная* (опредѣленная) форма прилагательнаго была построена такъ: добръ + и, добра + ꙗ, добро + ѥ. Образованіе членныхъ прилагательныхъ въ общеславянскомъ языкѣ *состояло въ соединеніи падежныхъ формъ прилагательныхъ безчленныхъ* (неопредѣленныхъ), *склонявшихся точно такъ, какъ и существительныя, съ падежными формами того мѣстоименія, которое въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ въ* и-, ꙗ-, ѥ— (въ мѣст. иже, ꙗже, ѥже), ѥго, ѥѩ, ѥмоу, ѥи и т. д. Употребленіе этого мѣстоименія въ положеніи послѣ прилагательныхъ для образованія членной формы *существовало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ* (Срв. въ литов. яз. jis=онъ, гдѣ ji изъ лит.-славянскаго i̯ĭ-, а это изъ i̯ĕ-, изъ индоевроп. i̯ă^{e}-), какъ показываетъ сравненіе славянскихъ и балтійскихъ (литовскихъ) языковъ. Въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени формы прилагательнаго и формы слѣдовавшаго за нимъ мѣстоименія *слились въ одномъ словѣ*, причемъ общеславянскій языкъ получилъ *новыя звуковыя сочетанія*: гласная + i̯ + гласная, какъ видно изъ формъ, напр., добро + i̯ + е и проч. Во всѣхъ тѣхъ формахъ членнаго прилагательнаго, въ составъ которыхъ вошли *неодносложныя* формы мѣстоиме-

нія, *звукъ* і̯ въ положеніи между гласными *исчезъ* въ общеславянскомъ языкѣ; между тѣмъ какъ въ началѣ *односложныхъ* формъ мѣстоименія, вошедшихъ въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, тотъ же *звукъ* і̯ въ положеніи между гласными *совпалъ въ общеславянскомъ языкѣ съ* j, напр., въ dobrā+jā, откуда старославянское добрѧ, русское *добрая*. Это *различіе въ исторіи звука* і̯ *между гласными* въ разныхъ формахъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, по мнѣнію академика и профессора Ф. Ѳ. Фортунатова, *стоитъ въ связи съ различіемъ тѣхъ и другихъ формъ этого мѣстоименія по отношенію къ ударенію*. Въ *двусложныхъ* формахъ этого мѣстоименія, слѣдовавшаго за прилагательнымъ, вслѣдствіе *энклитическаго* (сливавшагося съ предыдущимъ словомъ въ одно) употребленія, *являлось удареніе перваго слога*, второстепенное по отношенію къ ударенію имени прилагательнаго; *односложныя* же формы этого мѣстоименія въ такомъ же употребленіи *вовсе не имѣли ударенія*. Въ такомъ случаѣ і̯ между гласными *исчезало* въ общеславянскомъ языкѣ, именно, *передъ гласными съ удареніемъ*; между тѣмъ какъ *передъ гласными неударяемыми* і̯ *это переходило* въ j. Односложными формами этого мѣстоименія были не только односложныя *по своему происхожденію*, т. е. формы имен. и вин. п. всѣхъ трехъ родовъ и всѣхъ трехъ чиселъ (единств., двойств. и множественнаго), но и *сокращенныя* формы, а именно, *двусложныя*, въ началѣ второго слога которыхъ было j, т. к. *такими сокращенными эти формы вошли въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ*, т. е. *безъ перваго своего слога* іе-. Срв. стрсл. ѥ-(іе-) ѩ, -ѥѭ, въ род., дат., твор. и мѣстномъ ед. ч. жен. рода и ѥ-ю въ род. и мѣстн. двойственнаго числа всѣхъ трехъ родовъ. Надо замѣтить, что въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ разсматриваемомъ нами мѣстоименіи *при всѣхъ тѣхъ двусложныхъ формахъ, которыя начинались съ* іе-(изъ болѣе древняго іе-), *были извѣстны сокращенныя энклитическія формы, безъ этого* іе-. Въ стрсл. яз. эти сокращенныя формы почти не

сохранились, но онѣ засвидѣтельствованы другими славянскими языками.

Такимъ образомъ, въ общесл. языкѣ необходимо предположить при формахъ: jeγo, jemu и проч. еще формы: γo, mu... (Греч. буквой γ изображается звукъ въ родѣ лат. h, какъ мы говорили выше; а что въ формѣ jeγo былъ звукъ γ, а не g (г), видно изъ формъ рус. языка, гдѣ на мѣстѣ этого звука мы видимъ и звукъ *h* въ бѣлор. и малор. нарѣчіяхъ и звукъ *в* въ великор. нарѣчіи: *ehó*, *евó* и проч.: изъ *g* не могло бы получиться *h* (γ) или *в* (v). Срв. *дóбрăво* и проч.). На основаніи же того, что въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ *вошли* общеславянскія: i̯eγo, i̯emu, откуда позже: jeγo, jemu, въ этомъ ихъ *полномъ* видѣ, а не въ видѣ сокращенныхъ формъ γo, mu, Ф. Ѳ. Фортунатовъ заключаетъ, что *въ эпоху образованія* общеславянскихъ прилагательныхъ опредѣленныхъ энклитическія формы γo, mu *еще не существовали*, и что онѣ возникли позже въ общеславянскомъ языкѣ, по аналогіи съ прочими энклитическими формами этого мѣстоименія, утратившими начальное i̯e-и вошедшими, какъ мы видѣли, въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, т. е. по аналогіи съ тѣми формами, которыя утратили начальное i̯e—предъ слогомъ, начинавшимся съ j. Но и эти послѣднія формы *ранняго* происхожденія обязаны своимъ возникновеніемъ *аналогіи*, можетъ быть, такихъ формъ какъ: сни͡ѩѩ—род. ед. ж. р, гдѣ послѣднее ѩ вмѣсто ѥѩ, т. е. слѣдовало бы: сни͡ѩ + ѥѩ, а вмѣсто ѥѩ явилось просто ѩ безъ начальнаго ѥ по аналогіи съ формой прилагательнаго сни͡ѩ, т. к. мѣстоименныя формы склонялись, какъ имена сущ. соотвѣтственнаго *мягкаго* склоненія въ жен. родѣ. Это было еще въ ту эпоху, повидимому, когда мѣстоименіе въ данномъ случаѣ было вспомогательнымъ словомъ, не успѣвшимъ еще слиться съ прилагательнымъ. Подобныя сокращенныя формы получились и въ дат., мѣстн. и твор. пад. ед. ч. жен. рода и въ род. и мѣстномъ пад. двойств.

числа всѣхъ трехъ родовъ. Эти сокращенныя формы изъ *мягкихъ* основъ были затѣмъ перенесены и въ твердыя основы, напр., въ: добры + ꙗ вм. добры + ѥꙗ, какъ слѣдовало бы ожидать, еслибы не было раньше примѣра *мягкихъ* основъ: синѩꙗ и проч. Кромѣ указанныхъ выше формъ членнаго прилагательнаго *нефонетическаго образованія*, такого же образованія были и формы другихъ падежей въ этомъ сложномъ склоненіи прилагательныхъ, именно, тѣ формы, *гдѣ падежное окончаніе прилагательнаго было одинаково съ окончаніемъ вспомогательнаго мѣстоименія и заключало въ себѣ сочетаніе: согласная + гласная*. Вотъ такое то окончаніе при сложеніи отбрасывалось въ имени прилагательномъ. Напр., въ твор. п. ед. ч. муж. и ср. рода: добръмь + имь послѣ отбрасыванія окончанія—мь въ прилагательномъ получилось добръимь. Таково было построеніе формъ членныхъ прилагательныхъ и такова исторія этихъ формъ въ эпоху до общерусскаго языка. Подведемъ итоги.

§ 36. Итакъ, прилагательныя краткія склонялись, какъ существительныя соотвѣтствующихъ основъ. Прилагательныя членныя получались путемъ приложенія къ краткимъ прилагательнымъ въ ихъ падежныхъ формахъ соотвѣтственныхъ падежныхъ формъ мѣстоименія и-, ꙗ-, ѥ-. Это мѣстоименіе не сразу слилось съ прилагательнымъ въ одно слово, а сначала было вспомогательнымъ словомъ. Уже тогда образовался рядъ формъ (род., дат., твор., мѣстн. п. ед. ч. жен. р., род. и мѣстн. п. двойств. ч. всѣхъ родовъ), въ которыхъ *по аналогіи съ прилагательнымъ* въ соотвѣтствующихъ падежныхъ формахъ мѣстоименія получились *сокращенныя формы безъ начальнаго слога* је (je). Это было явленіемъ только *мягкихъ* основъ: синѩꙗ, синии, синѥѭ, синии, синюю. Затѣмъ это явленіе распространилось и на *твердыя* основы: добрыꙗ, доброѭ, доброѵю и т. д. Само же мѣстоименіе представляло два ряда формъ: одинъ рядъ—*односложныя формы по про-*

исхожденію; другой рядъ формъ—*двусложныя по происхожденію*. Ко времени сложенія формъ прилагательныхъ съ формами мѣстоименія, но еще *до полнаго сліянія* этихъ составныхъ частей членнаго прилагательнаго въ одно слово, въ общеславянскомъ періодѣ появился *третій рядъ формъ* мѣстоименій — сокращенныхъ *нефонетическаго* (по аналогіи) *происхожденія*. Какъ первый рядъ формъ, такъ и второй рядъ формъ въ сложеніи съ прилагательнымъ были извѣстны лишь *въ энклитическомъ употребленіи*, и потому первый рядъ формъ при сложеніи *терялъ совсѣмъ свое удареніе*, а второй рядъ формъ *сохранялъ второстепенное удареніе*. Еще въ литовско-славянскую эпоху это мѣстоименіе имѣло въ началѣ j. Въ общеславянскую эпоху это j въ положеніи между гласными, какъ и въ началѣ слова, совпало съ j. *При второмъ рядѣ* формъ мѣстоименія *такое j* исчезло, т. е. *оно исчезло передъ гласными съ удареніемъ*. *При первомъ рядѣ* формъ мѣстоименія *такое j совпало съ j*, т. е. *j переходило въ j передъ гласными безъ ударенія*. Наконецъ, двусложныя формы мѣстоименія становились при сложеніи односложными (сокращались) въ томъ случаѣ, если второй ихъ слогъ начинался съ j. Позже, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка *при всѣхъ двусложныхъ формахъ* мѣстоименія, начинавшихся съ је-(je-), уже стали извѣстны односложныя, энклитическія формы, безъ этого начальнаго је-(je-). Такимъ образомъ, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка были извѣстны формы и ѥго и го, и ѥмоу и моу. Теперь перейдемъ къ оставленному нами общерусскому періоду и его измѣненіямъ, пережитымъ въ этомъ отношеніи въ этотъ періодъ, но еще не бывшимъ въ общеславянскомъ языкѣ.

Лекція XX.

§ 37. Дательный падежъ ед. ч. муж. и ср. рода именъ прилагательныхъ *членныхъ*, по вышесказанному, долженъ былъ образовываться такъ: **доброу + ѥмоу**. Въ стрсл. памятникахъ письменности мы находимъ эту форму дат. падежа уже *измѣнившеюся* въ **доброуоумоу**, откуда также: **доброумоу**, а въ сочетаніи съ мягкимъ звукомъ—**юоумоу**,—**юмоу**: **вышьнюоумоу**, **вышьнюмоу** и под. Старославянское — **оуоу** — можетъ быть объясняемо изъ формы съ-**оуѥ**-, т. е. изъ той формы, которая, по вышесказанному, въ общеславянскомъ языкѣ должна была звучать съ окончаніемъ—ūemū изъ-ūi̯emū, т. к. мы уже доказали выше, что дат. п. мѣстоименія **ѥмоу**, какъ *двусложная* форма, *при энклитическомъ употребленіи*, въ сложеніи съ прилагательнымъ, *должна была*, во-первыхъ, *сохранять второстепенное удареніе, а, вслѣдствіе этого*, при сложеніи съ соотвѣтствующей формой падежа имени прилагательнаго, *долженъ былъ получиться между двумя гласными*, т. е. между гласнымъ, оканчивающимъ собою форму дат. падежа прилагательнаго—**оу**, и между гласнымъ, начинающимъ собою форму дат. падежа энклитическаго мѣстоименія—члена, **є**, не согласный j, а *гласный i̯* (см. выше), т. е. должно было появиться сочетаніе общеславянской эпохи: -ūi̯emū; во-вторыхъ, къ концу общеславянскаго періода, къ эпохѣ распаденія общеславянскаго языка, *появились уже*, какъ мы помнимъ, *сокращенныя энклитическія формы мѣстоименія* не только тѣхъ двусложныхъ мѣстоименныхъ формъ, въ которыхъ второй слогъ начинался съ j, но и *всѣхъ вообще двусложныхъ формъ*, стало быть, и формъ: -**моу** (-mū) вм. **ѥмоу** (i̯emū) и проч. Слѣдовательно, еще въ общеславянскомъ языкѣ, какъ показываетъ между прочимъ форма старославянскихъ памятниковъ письменности—**оуоумоу**, окончаніе—ūemū изъ ūi̯emū

обратилось въ-ѫтѫ, гдѣ ѣ перешло ѫ вслѣдствіе уподобленія предшествовавшему ѫ. Если мы не допустимъ этого уподобленія въ общеславянскомъ періодѣ, то мы не поймемъ *уподобленія въ старославянской формѣ*—оѫоѫ-, которая должна была получиться *непосредственно* изъ оѫо—(-ѫо-), а изъ-оѫоѫ—сокращеніе—оѫ : доброѫмоѫ. Указаніе на *общеславянское*—ѫѣ—здѣсь изъ-ѫѣ—даютъ другіе славянскіе языки въ сопоставленіи ихъ *со старославянскимъ языкомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ стрсл. текстахъ *болгарской* редакціи, а равно и *русской* редакціи (переписанныхъ *русскимъ* человѣкомъ) мы находимъ формы дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ—оомоѫ или въ сочетаніи съ мягкими звуками—єомоѫ и-єємоѫ (въ *болгарскихъ* текстахъ). Такимъ образомъ, окончаніе—оомоѫ *можетъ быть сопоставляемо* со старославянскимъ окончаніемъ—оѫоѫмоѫ *лишь при посредствѣ* общаго для нихъ первообраза—оѫомоѫ. Такимъ образомъ, мы получаемъ изъ формы мѣстоименія—јетѫ или-етѫ въ сложеніи ея съ формою прилагательнаго форму—омоѫ. Припомнимъ при этомъ вообще переходъ начальнаго је-, је-черезъ јѫ-въ *ѫ*, въ *о* выше, хотя и въ другомъ фонетическомъ положеніи. Вотъ эта то форма-омоѫ и-ємоѫ является въ *русской* редакціи старославянскихъ памятниковъ письменности рядомъ съ несокращенными формами окончаній:—оомоѫ и-єомоѫ; сокращенныя же — омоѫ и-ємоѫ извѣстны и въ *сербской* редакціи старослав. текстовъ. Отсюда и въ современномъ русскомъ языкѣ—*ому* и-*ему*, напр., *доброму*, *синему* и проч., и въ *сербскомъ* языкѣ—*ѫму*,—*ѣму*, *гдѣ долгая гласная изъ соединенія двухъ гласныхъ*. Въ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ *о*-и-*е* въ этихъ окончаніяхъ—*ому* и-*ему* тѣ же—*о*-и-*е*—проникли и въ форму родительнаго единств. числа муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ. Такимъ образомъ, окончаніе формы род. п. ед. числа—аѫо изъ общеславянскаго—ѣаѫо, получившагося, въ свою очередь, изъ общесл.—ѣјєѫо со второсте-

пеннымъ удареніемъ на слогѣ мѣстоименія,—*јеуо*, которое, какъ мы знаемъ, къ концу общеславянскаго періода уже являлось параллельно съ формой сокращенной—*уо*; (Въ этой формѣ мы ставимъ греч. букву *γ*=h потому, что на этотъ звукъ указываютъ въ общеславянскомъ языкѣ въ этомъ словѣ другіе славянскіе языки, гдѣ мы имѣемъ *h*—чешскій, сербскій, бѣлорусскій, малорусскій, южновеликорусскій, или даже *в*, какъ въ говорахъ русскаго языка—*евó* и т. д.); и вотъ это-то окончаніе—*ауо* замѣнилось въ общерусскую эпоху окончаніемъ—*оуо* и—*еуо* съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями въ діалектахъ русскаго языка: *доброго, слѣпого, синего*, какъ и было въ древне-русскихъ памятникахъ, напр., въ грамотѣ смоленской 1229 года: *дѣтскаго, лучьшего* и др. Вообще, въ грамотахъ русскихъ съ болѣе или менѣе *чистымъ* русскимъ языкомъ, безъ примѣси церк.-славянскаго, мы *совсѣмъ не имѣемъ* формъ старославянскаго (и церковнославянскаго) языка на-*лго* и-*лго*, которыя встрѣчаются еще въ лѣтописяхъ, т. к. послѣднія писались лицами *духовнаго* званія и *смѣшаннымъ* русскимъ со стрсл. (въ церковной формѣ) языкомъ. Поэтому мы совершенно *неправильно* пишемъ по-русски окончанія—*аго* и-*яго*: *добраго, синяго* и проч. Дальнѣйшія фонетическія измѣненія по діалектамъ р. языка этихъ формъ мы видимъ: *дóбрŏвŏ, дóбрăнă, дóбрŏно* и проч. Такимъ образомъ, мы видимъ, что *русская* форма род. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ на-*ого*,—*его* представляетъ собой сравнительно *новое* образованіе, явившееся уже въ эпоху общерусскаго яыка и представляющее собой явленіе, пережитое уже по отдѣленіи общерусскаго языка отъ общеславянской семьи языковъ, т. е. то измѣненіе, которое пережито въ общерусскую эпоху, въ раннемъ ея періодѣ, въ прарусскомъ періодѣ, и представляетъ собой отклоненіе отъ общеславянскаго языка, гдѣ было окончаніе этого падежа — *ăеуо* изъ-*ăјеуо*. Въ старосл. языкѣ отсюда—*аго*,—*лго* по ассимиляціи — *ае*-въ-*а*-, такъ что стрсл. добра+ѣго дало

въ эпоху памятниковъ—**добраго** и **добраго**. Но надо замѣтить, что нѣкогда, однако, русскій языкъ, вѣроятно, въ эпоху прарусскую, хотя еще ранѣе, чѣмъ эта эпоха пережила измѣненіе—*оуо*, имѣлъ форму на-*ауо*, получившуюся *фонетически* изъ общеславянской формы на-*āеуо*, вѣроятно, черезъ посредство формы на-*аауо*, какъ и въ старославянскомъ языкѣ. Указаніе же на то, что стрсл.-аа-(въ род. п.—*ааго*) получилось изъ общеславянскаго—*āĕ*-, даютъ тѣ славянскіе языки, напр., чешскій и польскій, въ которыхъ мы находимъ въ этомъ падежѣ-*ē*-,-*е*-въ соотвѣтствіи со стрсл.-*аа*-. Это *ē*-(*е*) можетъ быть сопоставляемо со старославянскимъ-*аа*-*лишь при посредствѣ общаго для нихъ*—*āĕ*: срв. стрсл. **добраго**, **добраго** при польскомъ dobrego, чешскомъ dobreho и проч. Кромѣ всего этого, въ русскую форму на-*оуо*,—*еуо* звуки—о-и-е—проникли, какъ мы уже знаемъ, *изъ формъ дательнаго падежа*; изъ этихъ же формъ въ русскомъ языкѣ проникли звуки—о-и-е—и въ формы предложнаго падежа ед. числа муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ, гдѣ окончаніе—*омъ*, напр., *въ добромъ*, имѣетъ—*о-перенесенное* изъ окончаній дательнаго и родительнаго падежей подъ вліяніемъ *аналогіи мѣстоименнаго склоненія*, напр., подъ вліяніемъ формы въ *томъ* при формахъ: *тому*, *того* и проч. Подобнымъ же образомъ и въ другихъ слав. языкахъ, чешскомъ и польскомъ, оказываются перенесенными—*ē*-,-*е*-и въ форму дат. падежа: dobremu, по аналогіи съ dobrego, dobreho; и въ сербскомъ языкѣ звуки-*ō*-,-*ē*—изъ окончанія *дат. падежа* были перенесены и въ окончаніе родительнаго падежа: добрōга, синēга и под., гдѣ *конечное а*—подъ вліяніемъ *а* род. падежа именъ существительныхъ: вм.-*āго*—*āга*, а потомъ—*ōга* послѣ перенесенія-*ō*—*изъ дательнаго падежа.*

§ 38. Итакъ, общерусскій языкъ пережилъ измѣненія:—*ому*,—*ого*,—*омъ*,—изъ:-*ōтū*,—*аеуо*, откуда сначала-*ауо*, а потомъ подъ вліяніемъ—*ому* стало—*оуо*; наконецъ—*омъ*, въ ко-

торомъ-*о*—прямо перенесено изъ дательнаго и родительнаго падежа подъ вліяніемъ формъ въ родѣ *томъ* и проч., т. к. форма предложнаго падежа въ русскомъ языкѣ, еслибы она была образована фонетически, то звучала бы не *добромъ*, а *добремъ*. Срв. стрсл. **добрѣмь, добрѣмь и добрѣмь** въ памятникахъ всѣхъ редакцій, въ томъ числѣ двѣ послѣднія формы и въ *русскомъ* Остр. Евангеліи, изъ общеславянской формы на *ѣѣть*, откуда—*ѣеть*. Изъ предыдущаго ясно, какія сложныя формы именъ прилагательныхъ членныхъ были въ общеславянскомъ языкѣ и въ старославянскомъ діалектѣ. Въ общерусскую эпоху произошла утрата цѣлаго ряда формъ. Именно:

1) Утраченъ рядъ формъ сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ: *добраего, добруему, добрѣемь*. Вмѣсто этихъ формъ появились формы: *доброго, доброему, доброемъ*. Срв. мѣстоименія: *моего, твоему, коемъ* и под. При энклитическомъ употребленіи формъ сложенія въ прилагательныхъ, во второй изъ составныхъ частей сложнаго склоненія, получились формы: *добраго, добраму, добромъ*. Срв. діалектическое общерусское: *моѓо, твомѹ, своѓо, твоѓо* и проч. Во всѣхъ этихъ утраченныхъ формахъ общерусскій языкъ имѣлъ дѣло въ окончаніяхъ сложныхъ прилагательныхъ съ такими мѣстоименными формами (ѥго, ѥмоу, ѥмь), которыя начинались съ основы је.—Такъ вотъ *при сохраненіи во второй части сложнаго прилагательнаго основъ је—мѣстоименій въ первой части сложенія являлась вмѣсто падежной формы прилагательнаго основа на-о*. Стало быть, *доброго* и проч., откуда *доброго* и проч. (См. выше—*го,—му* вмѣсто ѥго, ѥму и проч. въ общесл. періодѣ). Такимъ образомъ, въ данномъ вопросѣ общерусская эпоха отличалась отъ общеславянской какъ будто тѣмъ, что въ общеславянскій періодъ мѣстоименіе присоединялось *къ падежной формѣ прилагательнаго*, а въ общерусскомъ языкѣ—*къ формѣ основы на-о*. Но мы выше видѣли,

что формы древняго и современнаго русскаго языка: *доброго, доброму, добромъ* выводятся фонетически изъ общеславянской формы, по крайней мѣрѣ, для дательнаго падежа, изъ формы—ѣотѣ, откуда по ассимиляціи—оомоу и-*ому*, а затѣмъ *о* изъ-*ому* перенесено и въ род. и въ мѣстный падежи при вліяніи формъ другихъ мѣстоименій, какъ: *тому, того, томъ*. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ-ли предполагать для общерусской эпохи *особое* образованіе членныхъ прилагательныхъ изъ *основы*+энклитической формы мѣстоименія, а *не изъ падежной формы*+энклитическая форма тѣхъ же мѣстоименій?

2) Утраченъ сигматическій аористъ типа: **нѣсъ, рѣхъ** и под. Извѣстно, что, кромѣ сохранившагося типа аориста *съ соединительной гласной* въ общерусскомъ языкѣ, какъ формы типа: *ведохъ, несохъ, рекохъ*, были еще въ старосл. языкѣ аористы *безъ соединительной гласной о*, хотя тоже *сигматическіе*, т. е. съ согласнымъ *х* изъ *s*, (См. выше § 22 пункты 6 и 12), но съ *удлинсніемъ* гласнаго глагольной основы: **нєсти, нєс+съ, нѣсъ** или: **рєцѣи, рєк+хъ, рѣх+хъ, рѣхъ**. Такіе аористы могли образовываться только отъ глаголовъ *съ основой на согласный* безъ примѣты, т. е. отъ глаголовъ I класса съ согласной основой, причемъ происходило удлиненіе коренного гласнаго въ глаголѣ и ассимиляція конечнаго согласнаго основы и характера аориста *х*. Такъ вотъ этотъ типъ аориста сигматическаго (т. е. съ характеромъ *х, с* и удлиненіемъ гласнаго основы) утраченъ въ общерусскую эпоху.

3) Утрачены формы, служившія въ общеславянскую эпоху для образованія описательныхъ формъ сослагательнаго наклоненія, **бимь, би** и проч. отъ вспомогательнаго глагола.

4) Утрачены почти всѣ формы настоящаго времени *безъ соединительной гласной*, т. е. формы наст. времени глаголовъ V класса. Изъ этихъ глаголовъ сохранились въ эту эпоху только: **ѣсмь, дамь, ѣмь, вѣмь** съ согласной основой и гл.

имамь — съ гласной основой. Но общесл. формы въ родѣ: *дѣлаамь*, *знаамь* и под. вытѣснены. Что касается такихъ формъ, какъ карпато-русская (угрорусская въ Австріи): *співам* и под., то онѣ здѣсь обязаны вліянію польскаго и словацкаго языковъ.

5) Въ эту эпоху личное окончаніе ть—3-го лица ед. и мн. ч. глаголовъ настоящаго времени стало переноситься изъ настоящаго времени въ imperfectum. Напр., *играшеть*, *бяшеть*, *бяхуть*, *молѧхуть*, *хотѣшеть* и под. вмѣсто: играше, баше, бахоу, молѧхоу, хотѣше и под. Въ стрсл. языкѣ: играше, бѣше, бѣахѫ, молѧахѫ, хотѣше и под. (См. выше звуковыя измѣненія этой эпохи).

6) Окончаніе—*ши* 2-го лица ед. ч. наст. времени въ глаголахъ стало вытѣсняться въ эту эпоху окончаніемъ—*шь*, хотя оба эти окончанія восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Подъ вліяніемъ окончанія—*шь* стала образовываться форма *хочь*—2 лица (срв. русское *хошь*) при *хочи*.

Лекція XXI.

§ 39. Прежде чѣмъ перейти ко II-му отдѣлу нашего курса, къ характеристикѣ эпохи общерусскаго языка *непосредственно передъ распаденіемъ* послѣдняго, я приведу примѣры изъ памятниковъ письменности, объясняющіе собой тѣ положенія, которыя мы перечислили выше, характеризуя *ранюю эпоху* общерусскаго языка въ отношеніи тѣхъ *морфологическихъ* измѣненій, которыя были пережиты этой послѣдней эпохой. Рядомъ съ формами род. п. *смольнеского* (=смолепского), *дѣтского*, *готкого* (=готского), *лучьшего* и др. въ Смо-

ленской Грамотѣ 1229 года мы имѣемъ и для женскаго рода въ этой же грамотѣ формы: оу роуской земли, оу стоіе бце, оу латинескои цркви, из иноіе земль; срв. прочіе падежи сложныхъ прилагательныхъ здѣсь же: латинескомоу языкоу, на готскомь березѣ, или на гочкомь березѣ (*ч* вм. *тс=ц* по чёкающему произношенію русскихъ говоровъ, въ которыхъ *ч* произносится какъ *ц* или *ц*—какъ *ч*. См. ниже), дѣтьскомоу; или: латинеского, дѣтьского, полотьского кнлзл (л здѣсь имѣетъ только графическое значеніе, т. е. не фонетическое, т. к. *носовыхъ* звуковъ въ XIII вѣкѣ уже не было: они исчезли въ русскомъ языкѣ еще въ X-мъ вѣкѣ. См. выше. Здѣсь, какъ и вездѣ въ такихъ случаяхъ, начертаніе л имѣетъ значеніе ıл (я) въ русскихъ памятникахъ, а начертанія ж уже въ это время совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто него—оу, ѕ, ѵ), оу витьбеского кнлзл (=витебского; др. рус. витьбьскъ, которое, по отпаденіи конечнаго ъ, должно было имѣть *сильный* ирраціональный ь въ слогѣ *ть*, т. е. должно было получиться: витебьск—витебск; рядомъ съ этой формой могла существовать и форма витьбеск, откуда—витьбеского. См. выше). Рефлексы старыхъ формъ жен. р. род. падежа ед. ч. на-*оѣ*,—*еѣ* (см. выше): святоѣ, пагоубьноѣ, утрьнеѣ живутъ въ современныхъ нашихъ формахъ: *святой*, *пагубной*, *утреней* и под., въ которыхъ конечное *е* отпало: срв. форму из иноіе земли (гдѣ іе вм. ѣ. См. выше); *иноје* по отпаденіи конечнаго *е* дастъ *иноj=иной*. Большинство слав. языковъ тоже сходится во всѣхъ этихъ формахъ сложнаго прилагательнаго съ русскимъ языкомъ, который, хотя и имѣлъ прежде формы, подобныя старославянскимъ, на-*ыѣ*,—*ѣѣ*, на-*ѣи*, на-*ѣмь*,—*имь*, но очень рано утратилъ ихъ. Срв. въ Изборникѣ 1073 г. благовѣрьному—90 об., ближьнему—92 об. Въ Изборникѣ 1076 г. небесному—5, вышьнему—6. Это *кіевскіе* памятники. Въ Минеѣ 1096 г. (новгородской): бѣсовьскому—153. дрѣвьнему—207. Даже: прѣчистоому—Изб. 1073 г. 22 об. просящеому—Арх. Ев.

1092 г. 24 об. (см. выше объясненіе такихъ формъ). Также и въ двойств. числѣ въ русскихъ памятникахъ, согласно съ большей частью слав. языковъ, мы имѣемъ формы *съ основами на о*: въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: дьнь *святою* мученику—133 об. *святою* отьцю—163. Въ Минеѣ 1097 г.: *чьстьною* страдальцю—296. Очень много подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи 1377 г. Вообще, чѣмъ памятникъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчаются въ немъ формы старославянскаго языка въ церковнославянской оболочкѣ, а *въ русскихъ грамотахъ* формы прилагательныхъ на—*ого*,—*его*,—*ой*,—*ей*,—*ому*,—*ему*,—*омь* встрѣчаются исключительно.

§ 40. Что касается окончанія 3-го лица ед. и множ. числа глаголовъ—ть (съ т, которое не пріобрѣтало полной мягкости передъ ь менѣе сильнымъ, а *оставалось полумягкимъ*, какъ о томъ свидѣтельствуютъ указанія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, въ которыхъ мы имѣемъ *отвердѣвшее т* въ этихъ лицахъ глагола, при *вполнѣ мягкомъ т* другихъ говоровъ: *сидúт*—въ сѣверноруссскихъ говорахъ, *сидúть*—въ южнорусскихъ говорахъ и под. См. выше), то въ древнее время въ русскомъ языкѣ являются *преобладающими* формами формы на-*тъ* при старославянскихъ формахъ на-*тъ*. Напр., въ Остромировомъ Евангеліи всего только 5—6 формъ на-*тъ*, а всѣ остальныя на-*ть*. Въ грамотахъ до XIV вѣка вовсе нѣтъ формъ на-*тъ*. Въ другихъ слав. языкахъ преобладаютъ формы совсѣмъ безъ окончанія въ 3 л. ед. ч. наст. времени: je, będzie, idzie, puszcze и проч. (=*есть*, *будетъ*, *идетъ*, *пуститъ* въ польскомъ яз. и друг.), хотя остались остатки старыхъ формъ: jeść=есть, въ древнемъ чешскомъ и на *t* (твердое): stanut=станутъ и др. Это окончаніе—*ть* изъ настоящаго времени перенесено еще въ общерусской эпохѣ въ формы imperfectum'a: Остр. Ев. *моужьдашеть* — это *древнѣйшій* примѣръ

imperfectum'a въ 3 л. ед. ч. съ окончаніемъ—*ть*. То-же мы имѣемъ въ Арх. Ев. 1092 года: ляжашеть, угнѣтахуть, стрѣжахуть, моляхути и (т. е. моляхуть *и*, гдѣ *и* есть вин. пад. ед. ч. мѣстоименія = *его*, съ которымъ ассимилировалось окончаніе—*ть* формы глагола: *-ть и* = *-ти и*. Такая ассимиляція въ этихъ формахъ *обычно* встрѣчается въ *южнорусскихъ* памятникахъ др. р. письменности). Такія формы существовали нѣкогда и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкахъ. Въ древнихъ русскихъ *грамотахъ* формъ imperfectum'a вообще нѣтъ.

§ 41. Что касается формъ глагола во 2 лицѣ ед. ч. наст. времени, то *старославянскій* языкъ имѣлъ въ этихъ формахъ два окончанія: — *си* и-*ши*, хотя *общеславянскому* языку было извѣстно и окончаніе—*шь*. (См. выше). Окончаніе—*си* извѣстно въ глаголахъ *безъ соединительной гласной*, *съ согласной основой*, т. е. въ глаголахъ V класса (см. Грамматику старослав. языка *Лескина* въ русскомъ переводѣ *Шахматова* и *Щепкина*. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache von *A. Leskien*. 4-te Auflage. Weimar. 1902). Напр., ѥси, вѣси, ꙗси, даси. Въ русскомъ языкѣ, за потерею этихъ формъ, вообще формы на-*си* очень рано исчезаютъ и изъ памятниковъ, держась въ нихъ только какъ заимствованіе изъ церковно-славянскихъ книгъ. Формы на-*ши* также встрѣчаются только въ тѣхъ памятникахъ, которые имѣютъ въ своемъ языкѣ въ той или другой степени церковно-славянскіе элементы. Въ русскихъ грамотахъ и юридическихъ актахъ всякаго рода, т. е. въ дѣловыхъ бумагахъ, въ дѣловомъ, чисто русскомъ языкѣ, очень близкомъ къ древнему *разговорному* русскому языку, мы находимъ почти *исключительно* формы на-*шь*. Такъ, въ Смол. Грамотѣ 1229 г.: посулишь; въ рижской грам. 1300 г.: вѣдаешь, слышышь; дѣешь, купишь, емлешь и друг. Само собой разумѣется, что

такія формы проникли изъ живого языка и въ церковныя или богословскія книги, напр., въ Кормчей 1282 г.: изгубишь, будешь, узришь, служишь, дьржишь и мн. др. (см. 586 об., 587 об., 592 об., 603 об.). Такія же формы, какъ въ русскомъ языкѣ, извѣстны и южнославянскимъ, и западнославянскимъ языкамъ, въ которыхъ, кажется, даже и не было никогда окончанія, извѣстнаго старославянскому языку—*ши*. Этимъ я закончу характеристику общерусской эпохи прарусскаго періода въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ.

Лекція XXII.

§ 42. Перехожу ко II-му отдѣлу своего курса,—*къ характеристикѣ эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію русскаго языка*. Прежде всего перечислю тѣ явленія этой эпохи, которыя были *общими*, а *не діалектическими*. Къ такимъ общимъ явленіямъ этой эпохи относятся слѣдующія:

1) Въ эту эпоху исчезли изъ произношенія *слабые* (менѣе сильные. См. выше.) *ъ* и *ь*, исчезло изъ произношенія то *слабо-ирраціональное ы*, которое находилось въ положеніи передъ *j*, т. е. *ы* неполнаго образованія (вторичное. См. выше), исчезло также то *и*, которое находилось также въ положеніи передъ *j*, (вторичное. См. выше). Вникнемъ въ эти явленія: *слабыми* ирраціональные звуки были тогда, *когда на нихъ не падало ударенія. Удареніе на нихъ удержалось къ этому времени только въ первомъ слогѣ слова*. Затѣмъ, *слабыми* эти звуки являлись тамъ еще, гдѣ *за ними не слѣдовало слога со слабыми же и неслоговыми звуками*. Такимъ образомъ, наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія стали произноситься:

жняз', дал, гнати, кон'ца, дска, откуда—цка, т. к. *дс* по ассимиляціи=*тс*=*ц*; *тсти* (род. п. ед. ч. отъ сл. тьсть=тесть; въ им. пад. было удареніе *на первомъ слогѣ*, оно и удержалось, а вмѣстѣ съ нимъ—и *сильное* ъ), откуда, по вышесказанному,—*цти*; кр'стити, откуда по распаденіи—въ говорахъ: *кстить*=крестить; пл'сков (Псковъ), кравв и друг. Въ предшествовавшую эпоху вмѣсто этихъ произношеній были: кънязь, далъ, гъна́ти, коньца́, дъска́, тьсти́, крьсти́ти, пльско́въ. (Срв. это слово въ произношеніи съ *варьянтомъ* ударенія на *первомъ* слогѣ, когда получался *сильный* ъ, а потому—Плéсков. Понѣмецки донынѣ Псковъ называется Plèskow. Срв. выше: Витьбьскъ, откуда съ удареніемъ на *второмъ* слогѣ—Витéб'ск, съ удареніемъ на *третьемъ* слогѣ—Вит'бéск, а съ удареніемъ на *первомъ* слогѣ—Ви́т'б'ск, откуда *при стеченіи согласныхъ*, неудобныхъ для произношенія, появилось Ви́тебск, и очень понятно почему: во всѣхъ косвенныхъ падежахъ этого названія, гдѣ появлялись *гласныя* въ падежныхъ окончаніяхъ, органически, т. е. фонетически, долженъ былъ исчезать слабый ирраціональный ъ въ слогѣ *передъ гласнымъ*, т. е. въ слогѣ—*бъ-*, слѣдовательно, при именительномъ, образовавшемся фонетически: Витьбéск, родительный и проч. падежи представляли уже фонетически образовавшіяся формы: Витéб'ска, Витéб'ску, Витéб'скомъ и проч. Или именительный пад. ед. ч. могъ быть: Ви́т'беск и все равно род. и проч. падежи должны были быть: Ви́т'б'ска, откуда—Ви́тебска и проч. Такіе варьянты формъ въ разныхъ падежахъ одного и того же слова въ эту эпоху должны были вліять другъ на друга и содѣйствовать ассоціаціи сходныхъ въ звуковомъ отношеніи формъ и образованію формъ *по аналогіи*. Мы уже видѣли варьянты формъ названія этого города въ грамотѣ Смоленской 1229 г. Вообще, въ словахъ, гдѣ сосѣдніе слоги имѣли нѣкогда ирраціональные звуки *ъ* и *ь* въ эту эпоху русскаго языка, легко появлялись варьянты формъ по произношенію. Срв. др. русскіе: *вьртъпъ*, род. вьртъпа́—верт'па́ и вертéпа; *шепътъ*, род.

шéптá и шéпота. Срв. у Пушкина: по шепту́ и проч. *Рѣпъть*—рóпта (роптáть) и рóпота и мн. др.). Древне русское *крвав* этой эпохи въ предшествующую было: *кръвавъ*. Послѣ сказаннаго ясно, что *слѣдствіемъ исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ ъ и ь*, бывшихъ *неслоговыми* и по акустическому впечатлѣнію *глухими*, *появилось возстановленіе исчезнувшаго звука по аналогіи съ родственными образованіями*: такъ, вмѣсто исчезнувшаго слабо-ирраціональнаго ъ въ словѣ *крвáв* появлялось *сильно*-ирраціональное *ы*, т. ч. получилось *крывáв*; вм. *блхá* — (изъ ранняго блъхá),—срв. полькое pchła изъ *bchła, а это изъ *błcha изъ общеславянскаго bl̥ъха, въ стрсл. блъха,—получилось *блыхá*. Также: вм. дръжáти—держáти получилось *дрыжáти* съ *сильнымъ* ирраціональнымъ *ы*. Вмѣсто исчезнувшаго *слабаго* ирраціональнаго ъ появилось, по аналогіи съ другими родственными образованіями, *сильное* ирраціональное *и*: *тривóга, слизá* вм. трьвóга, тр'вóга и сльзá, сл'зá. Срв чеш. šlza и польское łza со слоговыми l, ł, какъ и въ старосл. яз. **сльза**, слъза. Срв. рус. слезá, с'л'озá, с'л'óзы изъ с'л'озá, с'л'озы или изъ еще болѣе ранняго с'л'ызы при болѣе *сильномъ* ирраціональномъ *ъ подъ удареніемъ въ первомъ слогѣ слова* этой формы. При посредствѣ этой формы объясняется и форма *слиза* и под. вышеприведеннымъ, какъ формамъ, образованнымъ *по аналогіи*. Такое же явленіе исчезновенія *слабаго ы* передъ і и возникновеніе вмѣсто исчезнувшаго *ы слабаго*, по аналогіи съ формами, гдѣ было *сильное ы, сильнаго ы*. Напр., въ формѣ мы̀ємъ мы имѣемъ *сильное ы* передъ і *подъ удареніемъ въ первомъ слогѣ слова*, но при сравненіи этой формы съ формою умъіж—въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г., 173 об. или съ формою мъіється—Кормчая 1282 г., 489; или: мъютъ—Домострой XVI в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1881 г. кн. 2. Стр. 87.) и мн. др. мы видимъ, что *сильное ы* исчезло, перешло въ *слабое ъ*, судьба котораго намъ извѣстна: онъ долженъ былъ исчезнуть. Но въ формѣ: у́мыємъ

звукъ *ы* является уже болѣе *слабымъ*, возстановленнымъ по аналогіи съ формами съ *болѣе сильнымъ*, ударяемымъ *ы*. Срв. людіи—род. мн. съ *сильнымъ* ирраціональнымъ *и* и лю́діе—со *слабымъ* ирраціональнымъ *и*, какъ видно изъ написаній: людые и под.; поэтому, если мы встрѣчаемъ форму **людіе**, то признаёмъ въ ней *сильное* ирраціональное **и**, занесенное изъ формы **людіи**, гдѣ это **и** (передъ **и**, і) *фонетически* образовалось изъ стараго *сильнаго* ирраціональнаго **ь** (**людьи**), находясь подъ удареніемъ; въ формѣ же **людіе** и стоитъ вмѣсто ожидаемаго **ь** *слабаго* (безъ ударенія), обреченнаго исторіей языка потому на исчезновеніе: срв. наше *безлю́дье*, но: *люде́й* изъ *люді́й*. Срв. также: листіе (выше)—ли́стіе вм. ли́стье. Такимъ образомъ, всѣ приведенные образцы постепенно переходили всѣ эти произношенія, т. е., умѣемъ, людіе, ли́стіе и под., какъ показываютъ и написанія памятниковъ. (См. примѣры изъ памятниковъ др. русскаго языка у *Соболевскаго*. Лекціи.[3]. Стр. 49. 228).

2) Вторымъ *общимъ* явленіемъ разсматриваемой эпохи былъ *переходъ сильныхъ* ъ, ь, й въ *о*, *е*, *ё*. Въ эту эпоху, именно, получилось изъ *вълкъ—волк* (см. выше.), изъ *сънъ—сон*, изъ *дъску—до́ску*, изъ *дьнь—ден'*, изъ *пьсъ—п'ёс*, изъ *льнъ—л'ён* и под. Такъ что, сначала, по ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ еще въ общерусскую эпоху перваго періода, вслѣдствіе лабіализаціи и палатализаціи (см. выше) гласныхъ и согласныхъ звуковъ, получилось *д'* и *н'* въ словѣ *дьнь*, *п'* и *л'* въ словахъ: *пьсъ* и *льнъ*, т. е. получились тѣ согласные *мягкіе*, которыхъ *еще не было въ общеславянскомъ языкѣ*, знавшемъ только нѣкоторые *смягченные* согласные (см. выше), хотя сами *гласные* звуки этихъ словъ еще и не были гласными *полнаго образованія* *е*, *ё*, т. к. было еще: *д'ьн'ь*, *п'йсъ*, *л'йнъ* и проч. съ **ь** и **й** *ирраціональными*, хотя и *сильными*, но *не полнаго образованія*. Нынѣ же, въ эту эпоху, уже образовались и *д'ёрн* вм. *д'ёрнъ*, и *вер'х* вм. *върхъ* и проч.

Такимъ образомъ, звуки *ö* и *o* (въ положеніи передъ ł изъ l, замыкавшемъ собою слогъ слова) изъ чистаго *e* были извѣстны ранѣе, чѣмъ звуки *e* и *ö* изъ ирраціональнаго *ъ*. Напр., *м'öд* изъ *медъ* или *молко* изъ *м'öłko* и изъ *mełko* было извѣстно ужъ тогда, когда еще оставались произношенія: *д'ън'ъ*, *п'йсъ*, но еще не было: *д'ен'*, *п'ёс* и проч. Въ то время какъ *сильные ъ, ь, й* переходили въ *o, e, ö*, *сильные* ирраціональные *ы* и *и* *оставались безъ измѣненія*; такимъ образомъ, въ эту эпоху произношенія: мы̀ѣмъ, людѝ̀ и под. оставались безъ измѣненія. Однако при *фонетически* образовавшейся формѣ людѝ̀ или гусѝ̀, жеребѝ̀ и под. стали появляться формы: людéй, гусéй, жеребéй и под. Вотъ эти-то послѣднія формы, дожившія до нашего времени въ парѣчіяхъ русскаго языка, образовались *не фонетически*, а *по аналогіи* съ формами, гдѣ были *ъ* и *ь* *сильные*, которые въ эту эпоху перешли въ *o* и *e*. Такимъ образомъ, форма людѝ̀, имѣя *сильное и*, должна была бы сохранить свое *и* передъ ѝ̀, но подпала подъ вліяніе формъ въ родѣ людіе (изъ людиѝ̀ съ *слабымъ и* передъ ѝ̀), откуда сначала— людьѝ̀, а потомъ людéй. Равнымъ образомъ форма гусѝ̀, имѣя *и сильное* ирраціональное, должна бы была сохранить это *и*, но, подпавъ подъ вліяніе формъ въ родѣ: гу́сьмъ, гу́сьхъ и под., измѣнила свое *и* въ *ь*, т. е. получилась форма: гусьѝ̀, откуда *фонетически* уже *гусéй* съ *e* изъ *сильнаго* ирраціональнаго *ъ*. Точно такъ же форма: жеребѝ̀ подъ вліяніемъ формы жеребя́ измѣнилась сперва въ жеребьѝ̀ откуда уже: жеребéй. Срв. древне-бѣлорусское *жеребей*, малор. *соловэ́й*, *гусэ́й*, бѣлор. и великор. *гусéй*, *людéй* и под. Такимъ образомъ, *общій законъ* этой эпохи заключался въ слѣдующемъ: *слабые-ирраціональные* звуки *ъ, ь, ы, и* исчезали, а *сильные-ирраціональные* *ъ, ь, й* переходили въ гласные полнаго образованія: *o, e, ö*. *Сильные-ирраціональные* *ы* и *и* оставались безъ измѣненія. Теперь поясненія: *ы* и *и* были *ирраціональными* только въ положеніи передъ ѝ̀. Они были получены таковыми въ означенномъ фонетическомъ положеніи еще изъ общеславянскаго

языка. Въ своей исторіи эти *ы* и *и* оказывались въ чередованіи съ *ъ* и *ь* или *сильными*, или *слабыми*, смотря по тому, были ли *ирраціональные ы* и *и* сами *сильными* или *слабыми*. *Сильными* эти *всѣ* ирраціональные звуки были только *въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ*, которое въ этомъ положеніи удержалось на своемъ мѣстѣ отъ общеславянской эпохи и *сохранило* вмѣстѣ съ собой *силу* ирраціональнаго звука. И, кромѣ этого, *сильными* они были въ положеніи передъ слѣдующимъ слогомъ со *слабымъ* ирраціональнымъ звукомъ *ъ*, *ь*. Во всякомъ другомъ положеніи ирраціональные звуки были *слабыми*, т. е. подвергались въ своей дальнѣйшей судьбѣ, выяснившейся наканунѣ распаденія общерусскаго языка, *исчезновенію*. *Слабые* ирраціональные звуки не могли составлять *слога* и потому *были неслоговыми*. Подпадая *подъ удареніе*, хотя бы и не въ первомъ, начальномъ слогѣ слова, *слабые ирраціональные становились сильными* и подвергались измѣненіямъ сильныхъ, т. е. переходили въ гласные *полнаго образованія*. Ирраціональный гласный *й* происходилъ изъ ирраціональнаго гласнаго *ъ* въ положеніи передъ лабіализованной согласной или лабіализованнымъ *р*. Этотъ ирраціональный звукъ былъ *сильнымъ* и въ дальнѣйшей своей исторіи переходилъ въ *о̆*, откуда далѣе — *о*. Это *й* изъ *ь* въ положеніи передъ *ł* переходило въ *сильное ъ*, откуда далѣе, въ эту эпоху,—*о*. Въ сочетаніяхъ: *неслоговая* (слабая), ирраціональная *ъ*, *ь* + *слоговая* плавная *р*, *л* между согласными, вслѣдствіе *потери* слогового характера плавными *р* и *л* въ общерусскую эпоху, неслоговая (слабая) ирраціональная становилась *слоговою*, *сильною* и далѣе переходила въ *о*, *е*. Съ теченіемъ времени, но въ эту же эпоху, передъ распаденіемъ общерусскаго языка, получились въ языкѣ ряды образованій со слабыми и сильными ирраціональными звуками и взаимно оказывали вліяніе другъ на друга; такъ возникли новыя образованія въ эту же эпоху, гдѣ мы получили *по аналогіи* формы съ сильными *ъ* и *ь* (*о* и *е*) *вмѣсто сильныхъ* же *ы* и *и* передъ *j* или съ сильными *ы* и *и* (не передъ *j*) *вмѣсто слабыхъ ъ* и

ъ, исчезнувшихъ въ ихъ фонетическомъ положеніи. Возьмемъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ будемъ обозначать черточками между словами направленіе фонетическихъ измѣненій во времени данныхъ формъ, начиная отъ ранней эпохи, или *исторію разсматриваемыхъ нами звуковыхъ измѣненій*, т. е. *исторію звуковъ въ данномъ фонетическомъ ихъ положеніи въ словѣ*: съ̥пнъ—съ̥нъ—со́н; дь̥нь—д'ь̥н'ь—д'ь̥ⁱн'ь—д'еⁱн'; л'ь̥нъ—л'ь̥н—л'ӱн—л'ӧн, вь̥лкъ—вь̥лк—в'ӱлк—*вълк—волк*; дь̥рнъ—д'ӱрн—д'ӧрн—д'орн. *Слабые* ъ, ь, ы, *и*: с-на̀, д'н'и́, мі̯у́ (мъю́=мо́ю...), листі̯е (листье), мы́і̯у—мі̯у́—мо́і̯у; солови́і̯—солові̯и́—солов̥ь̥і̯—солове́й. Или *сильные* ы, *и* вм. слабыхъ ъ, ь: кръ̥ва́в—крва́в—крыва́в и под. *Безъ измѣненія*: мы́і̯, пи́і̯ и проч. до наступленія: мо́і̯, пе́і̯ въ пов. накл. этихъ глаголовъ черезъ мъі̯, пь́'і̯, откуда сильные ъ и ь дали *о* и *е*. Срв. свѣтъі̯—свѣты́і̯—свѣты́і̯—с'в'ѧты́і̯—с'в'аты́і̯—(с'в'ато́γо)—с'в'ато́і̯... Или: тр'етьі̯—тр'ети́і̯ — (тр'е́тъ̥ja)—тр'ет'е́і̯...

§ 43. Перехожу къ третьему явленію этой эпохи, явленію тоже *общему* для всего русскаго языка.

3) Въ эту эпоху совершился *переходъ конечныхъ открытыхъ неударяемыхъ звуковъ и, ы, е, о*, находившихся *въ чередованіи съ такими же звуками ударяемыми* въ родственныхъ формахъ и образованіяхъ, *въ слабыя ирраціональныя и* и *ы*, *слабыя ирраціональныя ь* и *ъ*, *которыя* въ силу общаго закона этой эпохи *затѣмъ отпадали*: напр., *бу́ди*—имѣетъ *и* неударяемое, но *иди́*, *неси́* и проч. имѣютъ *и* ударяемое; поэтому *и* въ словѣ *бу́ди* сдѣлалось *слабымъ ирраціональнымъ и*: бу́ди̯ и затѣмъ отпало: *буд'* (писалось и пишется: *будь*). Срв. великор., малор. и бѣлор.—*буд'*. Тоже мы имѣемъ въ окончаніи неопр. наклоненія—*ти*, если это окончаніе неударяемое: ходи́ти, носи́ти, вози́ти и проч. Рядомъ съ этими формами были: нести́, вести́, ити́, плести́ и проч. Отсюда: ходи́ть—ходи́т'; носи́т', вози́т' и проч. Срв. великор. ходи́т', малор. діалект. ходы́т', бѣлор. хадзи́ц' и проч. Звукъ *ы* от-

палъ въ такихъ словахъ, какъ: *туды*, откуда малорус. *туд*. Напр., въ Новгородской грамотѣ (договорной) 1307 года мы имѣемъ: А ѡпѧ ѣхати тоуды же на Новъгородъ. Звукъ *е* конечный неударяемый открытый перешелъ въ слабое ирраціональное *ъ* и затѣмъ по общему закону отпалъ въ формѣ повел. наклоненія во 2-мъ лицѣ множ. числа, напр., несѣт' вм. несѣте. Срв. малор. форму несіт'; везіт' вм. везѣте и под. Это конечное *е* было въ чередованіи съ такимъ же *е*, но только *ударяемымъ*, въ тѣхъ же формахъ, напр., *спитѐ* и под., гдѣ ударепіе находилось на конечномъ звукѣ *е*.

Звукъ *о* неударяемый въ конечномъ положеніи, тоже перешедши въ слабое ирраціональное *ъ*, отпалъ, между тѣмъ какъ ударяемое *о* въ томъ же положеніи оставалось. Напр., *тамъ*, *такъ*, откуда: *там*, *так* изъ *тамо*, *тако* древне-русскаго языка.

4) Въ эту эпоху далѣе совершился *переходъ звука е въ положеніи послѣ смягченной согласной + і̯ въ открытомъ конечномъ слогѣ въ звукъ ӓ*. Напр., прежнее ли́стіе, оставшееся относительно своего конечнаго *е* неизмѣненнымъ въ произношеніи еще въ предшествующую эпоху общерусскаго единства, когда звукъ *е* во всѣхъ прочихъ положеніяхъ уже замѣнился звукомъ *ӧ* вслѣдствіе развитія лабіализаціи въ ранней эпохѣ общерусскаго языка, теперь, наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія, перешедши въ ли́стіе вслѣдствіе общаго закона объ исчезновеніи слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ, каковымъ въ данномъ словѣ является звукъ *и* передъ і̯ въ словѣ ли́стіе, дало въ эту эпоху, по исчезновеніи слабаго ирраціональнаго *и*, произношепіе ли́стіӓ. Равнымъ образомъ: лю́діӓ вм. лю́діе изъ болѣе ранняго лю́діе. Въ памятникахъ письменности: людіе, людіе, причемъ конечное *е* стало произноситься открыто, какъ *ӓ*, что̀ видно изъ указаній русскихъ нарѣчій, гдѣ мы находимъ въ слѣдующую затѣмъ эпоху, *послѣ распаденія*, такія произношенія, какъ

лйстья, ко́лья, ко́мья и проч. съ конечнымъ звукомъ *а* (*ja*, *я*), который только и могъ развиться при посредствѣ звука *ā* изъ болѣе ранняго и доказаннаго памятниками (см. выше) звука *е*, и въ конечномъ положеніи въ словѣ послѣ *j*.

5) Въ это же время *j въ положеніи послѣ согласной* въ словахъ, разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущемъ пунктѣ, *обратилось въ j*; такимъ образомъ получилось: людjа, листjа, братjа, откуда: братja и т. д. Но *если это неслоговое j, стоявшее послѣ согласной, находилось* въ то же время *въ положеніи передъ и* въ словѣ, *то это неслоговое j исчезало*. Напр., произношеніе *козій* получилось изъ болѣе ранняго: козjиj, откуда козиj, т. е. орѳографическое козій. Такъ же: третій, птичій и под. изъ: третjиj, птичjиj. Срв. косвенные падежи, гдѣ ясно происхожденіе формы имен. падежа, т. к. *j* въ этихъ падежахъ находится *не въ положеніи* передъ *и*: козjаго, третjаго и проч., изъ болѣе раннихъ: козиjего, третиjего, въ которыхъ слабо-иррацiональное *и* передъ *j* исчезало согласно общему закону, такъ что получилось: козjего, третjего или орѳографическое: козьего, третьего и под. (Написанія: *козьяго*, *третьяго* и под. заимствованы изъ церковнославянскихъ книгъ. См. выше). Срв. родительные падежи: *козьяго* и *синяго*, а не *синьяго* и не *козяго* и т. п.

6) Далѣе въ эту эпоху произошло *отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ передъ слабымъ ъ* въ конечномъ слогѣ, т. к. такое *ъ* исчезало. Этому закону могла препятствовать только какая-нибудь *аналогія*. Примѣры: твор. п. ед. ч. *народом* изъ *народом'*, т. к. ранѣе было: *народомъ*. Мѣстный пад. ед. ч. *в том* изъ *въ том'*, т. к. ранѣе было: *въ томъ*. Однако остались съ *мягкими* согласными: *голуб'*, *сем'* изъ болѣе раннихъ: *голубь*, *семь*, т. к. отвердѣнію конечныхъ *б* и *м* въ этихъ словахъ препятствовали тѣ формы, въ которыхъ эти согласные оставались по закону мягкими въ эпоху отвердѣнія полумягкихъ согласныхъ передъ слабымъ *ъ* въ конечномъ слогѣ, гдѣ

ъ, какъ слабый звукъ, исчезалъ. Такія формы съ мягкими согласными были, напр., формы: *голуби*, *семи*, вліяніе которыхъ отразилось и на формахъ имен. падежей *голуб'*, *сем'*. Однако въ отдѣльной жизни русскихъ нарѣчій, напр., въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, и эти формы имен. пад. ед. числа стали впослѣдствіи произноситься съ *твердыми* согласными: *голуб*, *сем*, *любов*, *кров* и проч. Но это—факты уже позднѣйшаго періода русскаго языка, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Въ бѣлор. нарѣчіи мы уже увидимъ: *ґо́луб*, *любо́ў*, *кро́ў* и под. съ *бѣлорусскими* звуками *ґ* вм. *г* и *ў* (неслоговое *у*) вмѣсто согласнаго *в*. Точно такъ же отвердѣло въ эту эпоху *т* въ 3 л. ед. и множ. числа наст.—будущаго времени глаголовъ въ окончаніи—*ть*, гдѣ *т* было *полумягкимъ* передъ *слабымъ* ъ въ конечномъ слогѣ слова еще въ предыдущую эпоху русскаго языка. (См. выше). Такимъ образомъ, формы: *говоритъ* или *везетъ*, *течетъ* и под., *текутъ*, *несутъ* уже въ эпоху исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ (Припомнимъ примѣры: *сон*, *знал* и под. въ эпоху общерусскаго языка наканунѣ его распаденія) превратились въ: *говорит'*, *везет'*, *течет'*, *текут'*, *несут'* съ *полумягкимъ т*, которое *отвердѣло* и дало въ памятникахъ уже въ XIII-мъ вѣкѣ написанія съ-*ть* вм.-*ть* съ *полумягкимъ т* въ *сѣверноруссскихъ* памятникахъ. Такое *твердое т* (въ орѳографіи:—*ть*) сохранилось *до сихъ поръ* въ *сѣверновеликорусскомъ* и *сѣверномалорусскомъ* нарѣчіяхъ. Но въ *южновеликорусскомъ*, въ *бѣлорусскомъ* и въ *южномалорусскомъ* нарѣчіяхъ нынѣ мы имѣемъ *т'* мягкое (въ орѳографіи:—*ть*) подъ вліяніемъ древнихъ формъ на-*ти*, которыя *фонетически*, вслѣдствіе ассимиляціи, образовались изъ формъ на-*ть*, стоявшихъ передъ формою вин. падежа ед. числа мѣстоименія и. Напр.. *любити и* вм. *любить и*, *побиюти и* вм. *побиють и*; *моляхути и* вм. *моляхуть и* уже въ Арханг. Ев. 1092 года и друг. Что же касается формы *есть* съ *мягкимъ т'* (-*ть*) въ *сѣверновеликорусскихъ* говорахъ, то она здѣсь-

сохранилась подъ вліяніемъ формъ *ѣсте, ѣсти* для 3-го лица ед. числа. Срв. яросл., казан.-лаишевское *ѣсти, ѣсте*^{a} и др.

7) Вслѣдствіе выпаденія слабо-ирраціональныхъ ъ и ь въ эту эпоху въ серединѣ слова неминуемо должны были оказаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ согласные звуки, между которыми исчезъ ъ или ь. Отсюда возможно было *сосѣдство звуковъ* въ словѣ, *неоднородныхъ по мягкости своей*. Такіе неоднородные по мягкости согласные, по закону полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ, развившемуся въ общерусскомъ языкѣ еще предшествовавшей эпохи, подвергались ассимиляціи, причемъ предшествующіе твердые согласные, послѣ которыхъ исчезъ ъ, ассимилировались слѣдующимъ мягкимъ, если за твердыми слѣдовали мягкіе согласные въ словѣ. Напр., изъ стараго *сълю*, сълѣ—въ Остр. Ев. (Мѳ. XXIII, 34), образовалось *с'лю* черезъ *слю*, которое въ памятникахъ изображается **сьлю : да не сьлѣть тамо**—Слова Григорія Богослова XI вѣка по рукописи Импер. Публ. Библ. въ СПБургѣ. Листъ 155 *г*. А изъ *с'лю* (**сьлю**) получилось *ш'лю*: англи на благоѣ *слеми* бываютъ—Жит. Бор. и Глѣба по списку XIV в.; или: сихъ *слюще* во дно адово—Кормчая Чудова мон. XIV в. и др. *Слн* к брату, дондеже владисѧ—Лавр. сп. Лѣтописи подъ 1096 годомъ, листъ 168. Также получилось: *лег'че* изъ *лыгче* черезъ *легче*. Срв. современныя діалектическія русскія произношенія этого слова: *л'е^{a}хче^{i}* и *л'е^{i}х'че^{i}*, причемъ изъ перваго произношенія образовалось діалектическое *л'ѣкшэ^{a}*; срв. *л'ѣгок* изъ *лыгкъ, лыгкыи, л'ѣгкой, л'ѣхко^{a}й* (въ орѳографіи: *легкій*). Понятно, что въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по исчезновеніи ъ или ъ, встрѣтились въ словѣ согласные, изъ которыхъ второй согласный былъ мягкимъ, а первый согласный, прежде отдѣленный отъ второго звукомъ ъ, теперь сдѣлался мягкимъ по ассимиляціи со вторымъ, съ которымъ онъ встрѣтился, и предшествующій ему гласный, если онъ былъ зву-

комъ *е*, не могъ перейти въ *'о* (*о* со смягченіемъ предшествующей согласной), когда наступилъ въ слѣдующую эпоху законъ измѣненія *е* въ *'о* въ ударяемомъ слогѣ слова въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ или въ концѣ слова въ великорусскихъ говорахъ. Поэтому слово *лег'че* (*лек'че*) до тѣхъ поръ въ говорахъ имѣло ударяемое *е́*, а не *'о́* послѣ *л*, пока слѣдующій согласный *г* оставался въ этихъ говорахъ *мягкимъ* по ассимиляціи съ слѣдующимъ за нимъ *тоже мягкимъ ч* въ слогѣ-*че*. Но когда измѣнилось качество звука *г*, перешедшаго въ этомъ словѣ потомъ въ *х* или *к* (по говорамъ), то произошли новыя сочетанія согласныхъ, уже ассимилированныхъ по-новому, и получилась возможность перехода слога *л'е́-* въ слогъ *л'о́-* передъ отвердѣвшимъ уже по новой ассимиляціи впослѣдствіи звукомъ *х* или *к*. Кромѣ того, и произношеніе *лёхко*^{а}*й* въ этихъ говорахъ вліяло и на произношеніе формы сравнит. степени, которая стала звучать здѣсь *лёкшэ*^{а} или *лёхшэ*^{а}. Срв. также *шёпчешь* изъ стараго *шьпъчешь*, однако *шо́пчиш* въ рязанской губ. скопин. уѣзда и друг. Срв. *шо́потъ* изъ *шьпътъ* и проч. Въ древнихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ: **брѣмя мое льгъко ѥсть**—Остр. Ев. (Мѳ. XI. 30). Въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г.: **льгъчае бодеть содомоу**—Мѳ. XI. 22. Въ Синод. Кормчей 1282 г: аже терезви, то легъчаѥ и проч. Въ этихъ примѣрахъ ъ имѣетъ чисто графическое значеніе, т. к. онъ, на основаніи изложеннаго выше фонетическаго закона объ исчезновеніи слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ, долженъ былъ исчезать и потому не произносился: *лег'чае* и проч. Срв. также: *шли* князю великому—Новгор. Лѣтоп. по Синод. сп. XIV в. подъ 1376 годомъ. Или: *шлющимъ* же имъ межи собою и цѣловавшимъ крестъ, веснѣ приспѣвши, миръ створиша и воротишася...—Лавр. сп. Лѣтописи 1377 г. подъ 1149 годомъ. Между тѣмъ какъ въ другомъ спискѣ лѣтописи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читаемъ: **слюцн**^{ж} же имъ; это,

именно, въ Радзивиловской Лѣтописи XV вѣка, листъ 185 об. (По изданію Общ. Люб. др. письмен. 1902 года). Такимъ образомъ, форма *шлю* отъ гл. *слати*, сълати, существовала еще долгое время одновременно съ формою слю изъ сълѭ—сълю—слю—*с'лю*.

8) Въ эту же эпоху, вслѣдствіе тѣхъ-же явленій въ области звуковъ *ъ* и *ь*, произошелъ *переходъ группы чн въ шн*, такъ какъ между *ч* и *н* исчезъ *ь*. Напр., великор. *помошник*, *ношной*, *лавошник* и под.; бѣлор. *памошник*, малор. *смашний* и др. Такое произношеніе обозначалось даже въ нашихъ литературныхъ *печатныхъ* журналахъ конца XVIII и начала XIX-го вѣка, гдѣ, какъ и въ автографахъ нашихъ знаменитыхъ писателей того времени, мы нерѣдко находимъ: *табашникъ*, *скушно*, *булошная*, *помошникъ* и друг. Древнерусскія: *помочь* при старославянскомъ помощь, откуда стрсл., перешедшее къ намъ черезъ церковно-славянскую письменность,—*помощникъ*, др. русское *помочьникъ*, откуда—*помочник* и т. д. Также: *ночьной—ночной—ношной*, въ ювр. говорахъ: *нашной* и под.

9) Въ эту же эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, произошло *измѣненіе звуковъ ӓ, ӧ, ӥ въ а, о, у въ положеніи послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ*, не бывшихъ извѣстными русскому языку въ твердомъ видѣ, т. е. въ положеніи послѣ согласныхъ: *j, ж, ч, ш, и* и проч. (См. выше). Припомнимъ, когда получились въ русскомъ языкѣ звуки: *ӓ, ӧ, ӥ*. Всѣ эти звуки получились въ общерусскую эпоху ранняго періода и отличаютъ собой эту эпоху отъ эпохи общеславянской: *ӓ* получилось въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е* вслѣдствіе утраты палатальности гласнымъ *е* въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ; далѣе звукъ *ӓ* мы видимъ въ разсматриваемую нами эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е* послѣ смягченной согласной + j, а сама эта смяг-

ченная согласная получилась вслѣдствіе исчезновенія послѣ нея слабаго ирраціональнаго *и* передъ *j*, причемъ *j* позже въ этомъ положеніи перешелъ въ *j*. Такимъ образомъ, изъ *jeste* постепенно получалось: *jest'ä*, затѣмъ *jes't'a*. Срв. соврем. форму *éстя* для 3 л. ед. ч. въ свр. говорахъ. Равнымъ образомъ изъ *людиje* постепенно получалось: *людjе*, *людjä*, *людja*. Или: *колиjе—колjе—колjä—колjä—колja* (наше: ко́лья).

Звукъ *ö*, какъ мы уже знаемъ, получался въ раннюю эпоху общерусскаго языка изъ звука *ä* общеславянскаго діалектическаго въ *начальномъ* слогѣ слова вмѣсто *je-*, *jе*—передъ слогомъ съ гласнымъ *i* или *e*. Затѣмъ звукъ *ö* въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ въ словѣ въ положеніи сначала передъ слѣдующей согласной *лабіализованной*, а потомъ—передъ всякой согласной *не палатализованной*, этотъ же звукъ въ эпоху развитія лабіализаціи въ русскомъ языкѣ занялъ новыя фонетическія положенія, вытѣснивши собой звукъ *e* послѣ издревле *смягченныхъ* согласныхъ и въ конечномъ открытомъ слогѣ; наконецъ, въ разсматриваемую нами эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, звукъ *ö* появился вмѣсто *сильнаго* ирраціональнаго *й*. Звукъ же *й* былъ извѣстенъ намъ въ положеніи передъ *лабіализованной* согласной изъ *сильнаго* ирраціональнаго *ъ* въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ въ словѣ. Такимъ образомъ, теперь мы получаемъ: *лиц'о́* изъ ранняго *лиц'о́*, *лиц'е́*; *твojо́* изъ *твojо́*, *твое́*; *княж'о* изъ *княж'о́*; *княж'е*—зват. пад.; *ж'она́* изъ *ж'о́на́*, *ж'ена́*; *jому́* изъ *jо́му́*, *jему́*; *пш'оно́* изъ *пш'о́но*, *пш'ено*; *ч'отыре* изъ *ч'о́тыре*, *ч'етыре* и проч. Или: *мужу*, *ношу*, *лицу*, *шучу* и проч. изъ: *мужю—мужй*, *ношю—ношй*, *лицю—лицй* и проч. См. выше. Срв. также: діал. *жальзо* изъ *ж'ельзо* черезъ *ж'а́льзо*. Срв. сѣв. великор. *жользо*, ювр. *жальзо*, малор. *залізо*. Припомнимъ при этомъ, что звукъ *й* былъ *полученъ общерусскимъ языкомъ изъ общеславянскаго языка вообще въ положеніи по-*

елѣ общеславянскихъ смягченныхъ согласныхъ, что доказывается тѣмъ, между прочимъ, что начертаніе ю старославянскаго алфавита нерѣдко обозначаетъ собой звукъ *й* (греч. *υ*) тѣхъ словъ, которыя заимствованы изъ греческаго языка, напр., **кюрилъ, кюпарисъ, кюръ, кюрие елинсонъ**=*Κύριε ἐλέησον*— Житіе Бор. и Глѣба по сп. XIV вѣка и др. Такимъ образомъ **любити** или **моужю** (такъ всегда въ др. рус. рукописяхъ) звучало не: *л'убити, муж'у*, но: *лйбити, мужй* и под. Нашъ звукъ *ю*=*ју* появился значительно позже, какъ видно изъ предыдущаго.

10) Наконецъ, въ эпоху наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія въ области явленій, *общихъ* всему русскому языку, *произошла также утрата древнихъ отношеній въ количествѣ и удареніи гласныхъ: долгіе гласные исчезли, а въ связи съ этимъ исчезли и разные виды ударенія на этихъ гласныхъ*. Припомнимъ тѣ явленія, которыя предшествовали развитію *полногласія* въ общерусскомъ языкѣ, и указанія прочихъ славянскихъ языковъ выше.

Лекція XXIII.

§ 44. Діалектическія явленія эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію русскаго языка.

Въ области звуковъ. 1) Какъ мы знаемъ, *стремленіе къ палатализаціи* началось еще въ общерусскую эпоху ранняго періода; кромѣ того, мы знаемъ, что изъ всѣхъ согласныхъ звуковъ *только задненебные* согласные были унаслѣдованы общерусскимъ языкомъ изъ общеславянской эпохи *въ лабіализованномъ видѣ*, и до разсматриваемой нами теперь эпохи

они не могли палатализоваться, т. е. не сочетались съ палатальными, передненебными гласными. Вотъ почему эти согласные задненебные—*г*, *к*, *х*—въ раннее время встрѣчаются только въ сочетаніи съ *лабіализованными*, *задненебными*, *твердыми* гласными. Напр., въ древнихъ памятникахъ письменности и старославянскаго и русскаго языка мы находимъ только сочетанія: *гы-*, *кы-*, *хы-*, но не находимъ сочетаній: *ги-*, *ки-*, *хи*. Эти послѣднія сочетанія вмѣсто первыхъ *появляются* лишь въ разсматриваемую нами теперь эпоху общерусскаго языка, да и то *діалектически*, какъ результатъ палатализаціи звуковъ *г*, *к*, *х*, стремленіе къ которой мы замѣтили еще въ предшествующую эпоху, и которая тогда еще не коснулась только этихъ звуковъ *г*, *к*, *х*, извѣстныхъ искони лишь въ лабіализованномъ, твердомъ видѣ. Процессъ измѣненія этихъ звуковъ заключался въ слѣдующемъ: палатальныя *г*, *к*, *х* повліяли и на средненебное *ы*, измѣнивъ его въ *и*; такъ возникли уже въ XII вѣкѣ написанія: *великии*, *паки* и под. вмѣсто прежнихъ: великыи, пакы и под. Однако *діалектически* сочетанія *кы*, *гы*, *хы* держались до XV—XVI вѣка въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Да и донынѣ эти сочетанія довольно явственно слышатся въ говорахъ въ такихъ примѣрахъ, какъ: *потя́гывать*, *пома́хывать*, *опла́кывать* и проч. Въ памятникахъ др. русскаго языка мы находимъ: въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г.: *великии*—173. Въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: *никии*, *въскисе*, *секира*; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по списку Моск. Успен. Собора XII вѣка: *великии*—л. 41. столб. d., *паки*—ib., хотя часто и *пакы*. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по тому же списку: *великии*—л. 17. столб. a. Въ Смоленск. Грамотѣ 1229 г.: *латинескии*, *княгини*. Въ Кормчей 1282 г.: *въ Кыєвѣ*—574. Въ Новгород. Лѣтоп. XIV в.: *другии*, *заморьскии* и мн. др. Такимъ образомъ, говоря вообще, древніе русскіе памятники письменности уже съ XII-го вѣка предлагаютъ намъ примѣръ палата-

лизованныхъ звуковъ *г*, *к*, *х*, но это явленіе охватило собой не весь составъ русскаго языка, не во всѣхъ мѣстностяхъ употребленія русской рѣчи, да притомъ и не сразу: долгое время въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ письменности встрѣчается параллельное употребленіе *ки* и *кы* и проч. Съ этимъ явленіемъ палатализаціи задненебныхъ *г*, *к*, *х* и перехода послѣдующаго звука *ы* въ *и* подъ вліяніемъ предшествовавшихъ палатализованныхъ *г'*, *к'*, *х'* не надо смѣшивать другого явленія, явленія не фонетики русскаго языка, а его морфологіи, и притомъ явленія, обусловленнаго *не фонетическими* измѣненіями задненебныхъ *г*, *к*, *х*, а новообразованіями *по аналогіи* съ формами другого состава. Такъ, напр., мы еще въ XI вѣкѣ находимъ въ Изборникѣ Святослава 1073 года примѣры непосредственнаго сочетанія задненебнаго *к* съ слѣдующимъ ѣ въ ꙁолобѣ женьскѣ—174 об., или: въ чловѣчьскѣи доуши—132. Въ Записи Минеи 1096 года: рабу своѥму дъмъкѣ; въ Словахъ Григор. Богослова XI вѣка: воскѣ—188 об. Въ Сборникѣ XII в. Моск. Успен. Собора, въ Житіи Ѳеод. Печ.: въ селѣ манастырьскѣ—25 об. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: въ княжении пиньскѣ. Въ Кормчей 1282 г.: въ Изборьске—573 об. и мн. др. Такія и подобныя формы, образованныя по аналогіи съ формами, въ которыхъ звуки *к*, *г*, *х* оставались фонетически (напр., въ формахъ род. ед. муж. р., дат. ед. муж. р., твор. ед. муж. р., вин. ед. жен. р., твор. ед. ж. р. и проч., гдѣ не было еще общеславянскаго смягченія *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с* подъ вліяніемъ *j*), встрѣчаются въ памятникахъ все чаще и чаще съ теченіемъ времени, хотя, съ другой стороны, и *донынѣ* въ цѣломъ рядѣ русскихъ народныхъ говоровъ звучатъ старыя формы съ фонетически законнымъ переходнымъ смягченіемъ. Таковы говоры: малорусскій, бѣлорусскій и часть сильно акающихъ южновеликорусскихъ говоровъ. Напр., при ў даро́зя (=при дорогѣ)—Тул. губ., жінці (=жонкѣ дат.

ед.)—малорос. Полтавск. губ., ў руцѣ́—бѣлор. Витебск. губ., въ вусі́ (=въ ухѣ́)—малорус. Кіевск. губ. Канев. у. и мн. др. Срв. въ пѣснѣ „во лузяхъ, во зеленыхъ во лузяхъ“ вмѣсто „въ лугахъ“ изъ стараго лѵꙁѣхъ.

2) Въ эту эпоху *діалектически* обнаружился *переходъ звука в въ ў* (неслоговое), благодаря лабіализованному характеру звука *в*. Это явленіе было извѣстно во многихъ древнерусскихъ говорахъ. Въ др. р. памятникахъ мы часто встрѣчаемъ, съ одной стороны, оуселеннаꙗ вм. въселеннаꙗ, вселеннаꙗ (Изб. 1073 г. и др.), съ другой,—въгодьника вм. оугодьника (Жит. Ѳеод. Печ. и др.). Въ Странникѣ игум. Даніила по сп. XIV вѣка читаемъ: Болдвинъ вм. Балдуинъ. Въ Грамотѣ 1229 г.: ѹздѹмалъ князь смольнескыи,.... та два была послъмь оу Ризѣ и мн. др. вмѣсто *в*здумалъ, *въ* Ризѣ и проч. Въ Русской Правдѣ по Синод. списку XIII в.: а оже оубьють кого оу клѣти вм. *въ* клѣти и мн. др. Срв. чередованіе оу и в въ Изборникѣ Свят. 1073 г.: пьрвыи съборъ бысть оуселеныꙗ въ никеи — л. 23. b. вьсеꙗ оуселеныꙗ—27. a. Но: въчинена—14. c. въгодьно бѫдетъ бо̑у—35. b. въчьнемъ—38. b. вм. *учнемъ*, *начнемъ* и др. Такое чередованіе звуковъ *в* и *ў* вслѣдствіе перехода звука *в* въ *ў* въ различныхъ говорахъ еще въ XI—XII вѣкѣ повлекло за собой смѣшеніе въ тѣхъ же говорахъ др. русскаго языка предлоговъ *у* и *въ* (*в*). Такой переходъ *в* въ *ў* характеризуетъ собой и донынѣ говоры южновеликорусскаго нарѣчія (въ Тульской, Рязанской, Калужской, Тамбовской и др. губерніяхъ), гдѣ мы слышимъ: дѣ́ўка, ўо́ўся (=вовсе), ла́ўка и др. вмѣсто: дѣвка (дѣфка), лавка (лафка), а также говоры бѣлорусскаго и нѣкоторыхъ малорусскихъ нарѣчій. Срв. смѣшеніе предлоговъ: ў ха́ті—малорус. въ Галиціи; карбованьці *в* мене е—малор. Полтав. губ., гдѣ *в мене* вмѣсто *у мене*, *у меня*; иди́тя *ув* ы́збу вм. ў ы́збу въ Рязан. губ. и друг.

3) Въ эту же эпоху произошелъ *діалектическій переходъ звука л* (ł) *въ ў* (*неслоговое*). Это явленіе до сихъ поръ извѣстно во многихъ говорахъ малор. и сѣверновеликорусскаго нарѣчій: воўк, ўзя́ў, бы́ў, даў. Это извѣстно и въ бѣлорусскихъ говорахъ, напр., Могилевской губерніи.

4) Въ эту эпоху мы видимъ также *діалектически ассимиляцію j предшествующей согласной*; въ малорус., бѣлорус. и въ ювр. говорахъ, въ западной ихъ части это явленіе наблюдается и понынѣ. Въ сѣверно-великор. говорахъ это встрѣчается крайне рѣдко. Срв. современные: свиння́—малор. изъ свинја, а это изъ свиниі̯а, откуда, на основаніи вышесказаннаго, свині̯а, а затѣмъ—свинја. Сочетаніе *нј* по ассимиляціи дало *н'н'*, откуда. *свин'н'а́*. Срв. также: пла́т'т'я, трет'т'яго, суд'д'я́, суд'д'ю; зілля, весілля вм. зелье, веселье—въ украинскомъ малороссійскомъ произношеніи изъ ꙁєлиѥ, вєсєлиѥ и т. д. Срв. въ Орлов. Брянск.—но́ч'ч'ю; въ Ряз. нал'л'ю́ и друг. изъ ноучию, налию, налью и под.

5) Въ эту же эпоху произошелъ *діалектическій* переходъ звука *а* между двумя смягченными согласными въ звукъ *е* закрытое. Напр., *пе́ть*, *де́дя* – въ сѣв.-влкр. говорахъ, hре́зь, пуправле́ють и под.—въ южновеликор. говорахъ. Это явленіе перехода замѣчается въ положеніи звука *а подъ удареніемъ*.

Въ древне-русскомъ языкѣ это явленіе перехода звука *а* въ звукъ *е* было обусловлено лишь фонетическимъ положеніемъ этого *а* между смягченными согласными, но не стояло въ зависимости отъ ударенія. Это явленіе перехода *а* въ *е* объясняется *ассимиляціей* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Такъ, въ Псковскихъ памятникахъ XIV вѣка мы наблюдаемъ, напр., написаніе: въ стьклѣници—Прологъ 1383 г. вмѣсто: въ стьклꙗници; въ Параклитикѣ 1386 г.: потресеся вмѣсто потрꙗсєсꙗ и др. Въ Новгородской рѣчи это явленіе извѣстно уже въ XI вѣкѣ, какъ показываютъ памятники. Напр. сугражeнинъ—Минея 1095 г. 222. дивѣщесꙗ—Минея

1097 г. 380. Путятина Минея XI вѣка: болѣщиимъ—98. Въ Кормчей 1282 года: освѧщеѥть—462 об. и др. Тоже мы находимъ и нынѣ въ говорахъ Новгородской губерніи: потере́ли, хозе́инъ, но уже *подъ удареніемъ*. Это же явленіе мы наблюдаемъ и въ Рязан. губерніи и въ бѣлорусскихъ, хотя не такъ часто. Слѣдовательно, явленіе это діалектически восходитъ еще къ общерусской эпохѣ. Въ южновеликор. говорахъ (Рязан., Тул., Калуж. губ. и друг.) мы слышимъ: *апе́ть*, *пътяре́ли* (=потеря́ли), *пъкаче́ли* (=покача́ли), *γле́дя* (=глядя), *пъкае́нья* и мн. др. Въ памятникахъ западнорусскаго языка мы тоже находимъ это явленіе въ Четьѣ 1489 г.: непреетелю—206 и друг. Наконецъ. и въ малорусскихъ говорахъ (въ Галиціи) мы встрѣчаемъ: *жєль*, *тєж'ко* и нѣк. друг. Но вездѣ уже выступаетъ это явленіе нынѣ *подъ удареніемъ*. Такое *е* закрытое по ассимиляціи съ предыдущимъ смягченнымъ согласнымъ въ нѣкоторыхъ говорахъ появляется не только изъ стараго звука *а*, но и изъ стараго звука *о* въ положеніи послѣднихъ послѣ *мягкой* согласной и *даже передъ слѣдующей твердой* и *при неударяемости*. Такъ, сѣверновеликорусское *взеⁱла́* изъ *вз'ала́* изъ въꙁѧлѧ; *неⁱсу́* изъ н'öсу́, несу́ несǫ—въ эпохахъ общерусскаго языка: прарусской и наканунѣ распаденія, а также и въ общеславянской эпохѣ. (См. выше). Надо думать, что *еⁱ* закрытое въ формахъ *неⁱсу́*, *взеⁱла́* и др. въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ появилось подъ вліяніемъ фонетически происшедшаго еще въ предыдущую эпоху общерусскаго языка закрытаго *еⁱ* въ положеніи передъ слѣдующими *палатализованными* согласными въ эпоху полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ слова, напр., въ формахъ: *н'еⁱс'ѝ*, *н'еⁱс'л'и́*, *в'еⁱл'и́*, *в'еⁱд'и́* и проч. Срв. общерус. п'а́ть въ эпоху полной ассимиляціи и потери при этомъ палатальности и род. ед. п'ат'и́, откуда—*п'еⁱт'и́*, а затѣмъ и *п'еⁱт'*, *з'еⁱт'* и проч.—въ им. п. ед. ч. вмѣсто: *пять*, *зять* и под.

6) Въ эту же эпоху совершился *переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе въ конечномъ слогѣ и передъ глухими согласными*—тоже *діалектически*. Напр., въ великорус., бѣлорус. и западно-малорусскомъ мы имѣемъ: *сут*, вм. *суд*; *вос* вм. *воз* и проч. Но діалектически звонкіе сохраняются: напр., въ украинскомъ малор. нарѣчіи: *віз*, *хліб*, *суд* и проч. Слѣдуетъ думать, что въ тѣхъ южновеликорусскихъ говорахъ, гдѣ мы нынѣ находимъ въ конечныхъ слогахъ слова неслоговое *ў* вмѣсто *в*, этотъ, именно, ранній переходъ *в* въ *ў* воспрепятствовалъ переходу звонкаго *в* въ глухой *ф* (или глухой *х* черезъ *ф*) въ конечномъ положеніи въ словѣ, какъ это было съ прочими звонкими согласными въ означенномъ положеніи въ южновеликорусскихъ говорахъ. Напр., почему мы при ясномъ: *вос*, *сут*, *рып*, *нош* и проч. такъ же ясно слышимъ въ говорахъ южнорязанскихъ, тульскихъ, калужскихъ, орловскихъ: *лоў*, *домоў*, *мужыкоў*, *роў* и проч.? Между тѣмъ какъ въ другихъ говорахъ, тоже южновеликорусскихъ, мы слышимъ: *домоф*, *мужыкоф* и др., а отсюда, при чередованіи въ нихъ *ф* и *х*: *домох*, *мужыкох* и наоборотъ: *добрыф* и проч. вм. *добрых*.

§ 45. Въ области формъ произошли въ эту эпоху слѣдующія явленія.

1) Замѣна формы именительнаго падежа мн. числа муж. рода формою вин. падежа множ. числа. Причина этой замѣны лежала въ совпаденіи этихъ формъ имен.—вин. падежа множ. числа въ именахъ женскаго и средняго родовъ. Напр., им.—вин. мн. ч. *воды*, *земль* (изъ *земля*) и *села*, *поля* и под. Отсюда, подъ вліяніемъ бывшаго уже въ языкѣ совпаденія этихъ падежныхъ формъ въ жен. и средн. родѣ, развилась *замѣна формы им. падежа мн. числа формою вин. падежа мн. числа и въ мужескомъ родѣ*. Такъ, въ великорус. нарѣчіяхъ мы имѣемъ: *столы*, *сады*, *грибы* и проч. Это—формы собственно *вин. падежа*. мн. числа, а имен. падежъ имѣлъ до этого

окончeніе *-и*: *столи*, *сади*, *гриби*, *раби*, *волки* (изъ *волци*) и проч. Но формы вин. падежа стали въ это время служить и формами имен. падежа во множ. числѣ. Въ малорус. нарѣчіяхъ мы имѣемъ: *паны*, *коні* (изъ *конѣ*, а въ малор. нарѣчіи *ѣ=і*), *вітці* (=отцѣ—отці—вотці—вітці по фонетическимъ законамъ, имѣвшимъ мѣсто въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ всякое начальное *о* получало передъ собой согласный *в*, а само, если только оно было *основнымъ о*, т. е. если только оно не произошло изъ *сильнаго* ирраціональнаго *ъ* и стояло въ закрытомъ слогѣ, переходило въ украинскомъ малорусскомъ нарѣчіи въ *ь* черезъ цѣлый рядъ звуковыхъ промежуточныхъ ступеней: у͡о, у͡э, у͡эⁱ, у͡і, ц̯і, і; такимъ, образомъ, отьць—от'ець—вотэць—вотця—вітця. Въ имен. падежѣ это *о* въ словѣ *отець* было въ *открытомъ* слогѣ, т. к. слогъ съ гласнымъ *о* не оканчивался на согласный звукъ, а въ род., дат., твор., предложн. падежахъ, т. е. въ тѣхъ падежахъ, гдѣ *е* изъ *ь сильнаго* смѣнилось звукомъ *ь слабымъ* и впослѣдствіи исчезло, звукъ *о* основы очутился въ *закрытомъ* слогѣ и потому въ укр.-малор. нарѣчіи перешелъ въ *і*. Срв. великор. *окно*, малор. *вікно*; великор. *онъ*, малор. *він*; *овца—вівця* и т. п.) и проч. Тоже явленіе мы наблюдаемъ и въ им. пад. мн. ч. именъ прилагательныхъ: великор. *добрые* вм. стараго *добрии*, т. к. *добры+ѣ=добрые* есть форма стараго вин. падежа мн. числа, а *добри+и=добрии*—форма стараго имен. падежа мн. числа муж. рода. Въ др. р. памятникахъ мы находимъ такія явленія уже въ XIII вѣкѣ: въ житіи Нифонта 1219 г.: *чины* раставлени быша—113. Въ Прологѣ 1262 г.: *звери* снедають—108. Въ Паремейникѣ 1271 г.: *рабы*—14. Въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *посылаемы* суть—254. *рабы* ражаються—313. Въ Духовной грамотѣ вел. князя Ивана Ивановича: отци мои *душевныѣ*. Въ Лаврент. спискѣ лѣтописи: придоша *рязаньскыѣ* князи. Въ Двинской рядной XIV—XV вѣка: *виноваты* ль ѥсте, *посадники* спросиша (изъ *посадникы*). Въ Новгор. лѣтописи XIV вѣка: *вьрхы* огорѣша—206. Подъ

1217-мъ годомъ. (*Вьрхы – вьрхи.* Срв. выше: *посадники.* Наши: *враги, посадники, верхи* и под. изъ старыхъ: *врагы, посадникы, верхы* послѣ измѣненія *гы, кы, хы* въ *ги, ки, хи,* въ эту же эпоху. См. выше). Нерѣдко въ др. русскихъ памятникахъ мы наблюдаемъ и обратную замѣну: вин. падежа именительнымъ, напр., въ Лавр. Лѣтописи 1377 года: нача *вои* совкупляти вм. *вонъ* и мн. др. Или: собра *вои* многи и храбры—ibid. подъ 946 годомъ.

2) Замѣна формъ им.-вин. мн. ч. средняго рода именъ прилагат. и мѣстоименій на-*а* и-*ѧ* формами соотвѣтственныхъ падежей женскаго и мужескаго родовъ. Напр., вм. добрѧ появилась *добрыѧ*; вмѣсто та появилось *тѧ.* Такъ что мы встрѣчаемъ вмѣсто старыхъ *села старая* въ вин. мн. *ссла старыѧ*; вмѣсто *села та—села тѧ* и под. Если мы припомнимъ старое склоненіе имени прилагательнаго, то увидимъ, что имен. п. мн. ч. былъ для муж. р.: *старии,* для жен. рода: *старыѧ,* для средн. рода: *старая.* То же для мѣстоименія тъ, та, то во множ. числѣ: *ти, ты, та* и проч. При этомъ сама форма *тѧ* для имен.-вин. п. мн. ч. образовалась подъ вліяніемъ мягкихъ основъ на твердыя вмѣсто *ти* и *ты* въ муж. родѣ; примѣры этого вліянія мы имѣемъ уже въ XIII—XIV вѣкѣ въ др. р. памятникахъ.

3) Замѣна въ именахъ муж. и ср. рода формъ дат., твор. и мѣстнаго падежей мн. числа на-*омъ,—ы,—ѣхъ* формами соотвѣтственныхъ падежей именъ женскаго рода:—*амъ,—ами,—ахъ.* Такая замѣна произошла, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ формъ средняго рода на-*а: села,* откуда: *селамъ* и, кромѣ того, подъ вліяніемъ склоненія именъ прилагательныхъ, въ которыхъ всѣ три рода имѣли для этихъ падежей общія окончанія. Срв. *добрымъ, добрыми, добрыхъ* или *синимъ, синими, синихъ* для всѣхъ трехъ родовъ. Эту замѣну мы находимъ въ памятникахъ тоже уже съ XIII вѣка: по крайней мѣрѣ, въ Паремейникѣ 1271 года мы уже читаемъ: мати-

горьцамъ въ Записи; ѣгуптянамъ—9. съ клобуками—214 и др. Въ грамотахъ и договорахъ XIV вѣка уже довольно часто въ разныхъ мѣстностяхъ.

4) Замѣна формы род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-ъ,—ь формою на-*овъ*,—*евъ*. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что окончанія-*овъ*,—*евъ* въ род. п. мн. числа именъ муж. рода принадлежатъ именамъ съ основою на-*й* въ балтійско-славянскую эпоху. Такимъ образомъ, въ общеславяскомъ языкѣ эта основа на-*й* должна была рефлектироваться основою на-ъ, и къ этой основѣ въ эпоху стрсл. памятниковъ принадлежали по преимуществу имена: сынъ, медъ, колъ, полъ, домъ и нѣкр. др. Но уже въ общеславянской и, стало быть, въ общерусской эпохѣ ранняго періода стало замѣчаться смѣшеніе основъ на-*ŏ* и на-*й*; это смѣшеніе основъ эволюціонировало въ русскомъ языкѣ до того, что непосредственно передъ распаденіямъ общерусскаго языка на нарѣчія замѣчается уже *не смѣшеніе основъ, а замѣна формъ*, такъ что формы старыхъ основъ на-*ŏ* были почти совершенно вытѣснены въ род. п. множ. числа именъ сущ. муж. рода, и въ *современномъ* русскомъ языкѣ въ его нарѣчіяхъ мы почти совсѣмъ уже не имѣемъ въ род. п. мн. ч. именъ муж. р. формъ отъ старой основы на-*ŏ*, а вмѣсто нихъ имѣемъ формы род. п. мн. ч. отъ основъ на старое-*й*, т. е. окончанія-*овъ* и-*евъ*. Тотъ фактъ, что эти формы на-*овъ* и-*евъ* извѣстны нынѣ большинству русскихъ нарѣчій, говоритъ намъ о томъ, что эта замѣна формъ принадлежитъ еще *общерусской эпохѣ, хотя и діалектически*. Напр., *въ малорус.* мы имѣемъ *часів*; *панів*—род. п. мн. ч. отъ сл. *часъ*, *панъ*—изъ *пановъ*, гдѣ *о* въ *закрытомъ* слогѣ въ украинскомъ-малороссійскомъ нарѣчіи перешло фонетически въ *і* (см. выше), т. к. это *о этимологическое*, т. е. *не произошло изъ сильнаго* ирраціональнаго ъ, а изъ *о*, ибо, въ противномъ случаѣ, какъ мы уже знаемъ, на малорусской почвѣ не могло бы образоваться-*і* изъ-ъ. Равнымъ обра-

зомъ мы имѣемъ *въ бѣлор. и великор.* парѣчіяхъ: *садовъ, рабовъ, столовъ, волковъ, роговъ* и проч. Послѣ этихъ примѣровъ очевидно *общерусское происхожденіе замѣны* формъ род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-*ъ* формами на-*овъ*. Срв. *краевъ, обычаевъ, покоевъ, разбоевъ, ульевъ, воробьевъ* и под. Въ современномъ русскомъ языкѣ мы уже можемъ считать лишь *единичными* остатки формъ род. п. мн. ч. именъ сущ. муж. рода отъ старой основы на-*ŏ*, т. к. почти всѣ эти формы *замѣнены* формами на-*овъ* и-*евъ*. Срв. наши современныя формы: *глазъ, разъ, солдатъ, аршинъ*. У нашихъ писателей XVIII—XIX вѣка, даже у Крылова и Пушкина, да въ пословицахъ, можно еще найти слѣды старыхъ формъ: *зубъ, рогъ* при формахъ *зубовъ, роговъ* и под. Срв. въ пословицѣ: „бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ“ и под. Въ др. р. памятникахъ языка мы находимъ эту замѣну формъ род. п. мн. ч. уже въ XII вѣкѣ въ большомъ количествѣ, хотя есть примѣры уже и въ XI вѣкѣ. Такъ, въ Изборникѣ Святослава 1076 года мы имѣемъ: *вождевъ*-7. Въ Житіи Ѳеод. Печерскаго по Сборнику Москов. Успенскаго Собора XII вѣка читаемъ: *ірѣховъ*—л. 29, d. *манастыревъ*—л. 32. a. *бѣсовъ*—л. 44. b. и др. Въ Договорѣ Смоленска съ Ригою 1230 г.: *розбойниковъ* Въ Договорѣ Новгорода съ Тверью 1265 г.: *купцевъ*. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *хлѣбовъ, убороковъ, послуховъ*. Въ Рязан. Кормчей 1284 г.: *образовъ*—6 об. *трудовъ*—7 и друг. Въ Духовной Ивана Калиты ок. 1327 г.: *бортниковъ, судовъ, поясовъ*. Въ Лавр. лѣтописи 1377.: *сторожовъ, пріятелевъ* и др. Въ Новгород. Лѣтоп. XIV в.: *дворовъ, кораблевъ, коневъ, злодѣевъ*. Само собой разумѣется, что въ XIV вѣкѣ и позже нѣкоторое время еще встрѣчаются и формы отъ старыхъ основъ на-*ŏ*, но все рѣже и рѣже.

5) Замѣна формы род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-*ъ* формами на-*ій*, т. е. начавшееся издавна, еще въ доисторическую эпоху, *смѣшеніе основъ* на-*ŏ* съ предыдущимъ *j* или

мягкимъ согласнымъ съ основами на-ѣ (стрсл. и русское—ь) окончилось въ разсматриваемую нами эпоху общерусскаго языка наканунѣ распаденія тѣмъ, что *діалектически* въ русскомъ языкѣ произошла полная замѣна старыхъ формъ отъ основы на-*jŏ* въ род. п. множ. числа муж. рода формами род. п. мн. числа муж. рода отъ основъ на-ѣ (-ь). Такимъ образомъ, къ этому времени получилось въ русскомъ языкѣ: *князей*—род. п. мн. числа въ великорусскихъ говорахъ, и *коній*—въ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Что касается звука *е* въ формѣ *князей* изъ старой формы кънязьи—книзии, какъ *гостей* изъ *гостьи*, *гостии*, то объ исторіи звука *и* въ положеніи передъ і, какъ звука *сильнаго* ирраціональнаго, подвергшагося измѣненію въ *сильное* ирраціональное ъ, откуда—*е*, мы говорили уже выше, т. к. это было явленіемъ *не діалектическимъ* данной эпохи, а *общимъ*. Срв. *гусиі* подъ вліяніемъ *гусьмъ*, *гусьхъ* и проч.—*гусьі*, откуда: *гусеі*—*гусей*. Такъ же: *гостии*—*гостьи* (подъ вліяніемъ: *гостьмъ*...)—*гостей*. Такъ же: *князии*—*князьи*—*князей*, хотя сама по себѣ форма *князии* вм. *князь* въ род. п. мн. ч. обязана вышеуказанному *смѣшенію* основъ, за которымъ послѣдовала *замѣна* формъ. Въ др. р. памятникахъ это явленіе замѣны означенныхъ формъ мы видимъ тоже съ XIII вѣка: въ Рязанской Кормчей 1284 года: мужии—178. Въ грамотѣ кор. Казимира 1361 г.: князии. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г.: князии—265 и мн. др. Въ южнорусской грамотѣ еп. Даніила 1398 г.: коній. Въ Служебникѣ препод. Сергія XIV—XV в.: *князей*—22 об. Въ Ипатскомъ сп. лѣтописи князѣй—391. мѣсяции—384. Въ зап.-русской Четьѣ 1489 г.: мѣсяцеи—16 об. и мн. др. Какъ видимъ, въ памятникахъ и южнорусскихъ, и сѣверно-русскихъ, и западно-русскихъ. Слѣдовательно,—явленіе *общерусское*. Срв. современныя формы: *рублей*, *князей*, *мужей*, *ножей*, *товарищей*, *плащей*, *мечей* и под. Срв. въ говорахъ: *рублёвъ*, *ножóвъ* и под.

6) Въ предыдущихъ пунктахъ мы видѣли замѣны формъ род. п. мн. ч. именъ муж. рода основъ на-*ŏ* и на-*jŏ* формами род. п. мн. ч. именъ муж. рода основъ на-*ŭ* и на-*ĭ*. Такимъ образомъ, мы отмѣтили вторженіе формъ склоненія на-*ŭ* и на-*ĭ* (т. е. ъ и ь) въ склоненіе основъ на-*ŏ* и на-*jŏ* (т. е. тоже ъ и ь, отождествившіе собой еще въ общеславянскомъ языкѣ по фонетическимъ причинамъ формы имен. падежей ед. числа муж. рода двухъ различныхъ основъ. См. законъ конца словъ—выше). Тождество формъ им. пад. ед. числа по окончаніямъ: **сынъ** и **рабъ**; **конь** и **зять** и под. отчасти обусловили собой смѣшеніе этихъ основъ и въ другихъ падежахъ, затѣмъ замѣну однѣхъ формъ другими, закрѣпленную сначала за род. падежомъ множеств. числа, а затѣмъ, какъ слѣдствіе этой закрѣпленной въ род. падежѣ замѣны,—*смѣшеніе указанныхъ основъ во всемъ процессѣ склоненія по падежамъ*. Такъ, род. ед. числа сталъ извѣстенъ не только въ формѣ **сыноу**, но и въ формѣ **сына**; род. ед. числа не только **гости**, **зяти**, но и: **гостя**, **зятя**. Отсюда и мѣстный падежъ ед. числа основъ на-*й*, т. е. мѣстный падежъ на-**оу**, вытѣснилъ собою мѣстный падежъ на-**ѣ**, особенно въ положеніи послѣдняго *послѣ согласныхъ задненебныхъ*: др. рус. *торжку*, современное малорус. *чоловіку*, бѣлор. *жырабёнку*, на *Нвóздику* и друг. Въ словахъ съ *подвижнымъ* удареніемъ, т. е. въ такихъ, гдѣ удареніе мѣняетъ свое мѣсто въ косвенныхъ падежахъ сравнительно съ мѣстомъ ударенія въ имен. падежѣ, окончаніе *у* въ мѣстномъ пад. ед. числа вытѣснило собой *ударяемое* ѣ этого падежа *въ углѣ—въ углу́* и проч. Такъ какъ судьба *ударяемаго* ѣ въ мѣстномъ падежѣ ед. числа разсматриваемыхъ основъ была такова, т. е. этому ѣ пришлось уступить свое мѣсто окончанію *у́*, то *въ древнемъ русскомъ языкѣ уже мы замѣчаемъ въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ* ѣ *въ мѣстномъ пад. ед. числа всегда не ударяемое*: срв. *на низу́*, *на дубу́*, *на бору́*, *въ логу́*, *на лугу́*, *въ пологу́*, *въ рову́*,

(*во рву́*), *въ саду́*, *на току́*, *на полу́*, *въ зобу́* и мн. др. примѣры изъ нашихъ писателей и живыхъ современныхъ великорусскихъ говоровъ.

Далѣе, изъ основъ на-*й* взяты въ склоненіе на-*ъ* и формы имен. п. мн. ч. на-*ове*: др. рус. *попове*, сѣв. великор. діалект. *столове*, малорус. *панове* и др. Такъ же изъ основъ на-*й* проникъ род. ед. ч. на-*у* особенно въ склоненіе именъ сущ. неодушевленныхъ предметовъ: *песку́*, *ро́му*, *пе́рцу*, *са́хару*, *по́роху*, *ква́су* и друг.—у Пушкина и въ современныхъ русскихъ говорахъ. Въ др. р. памятникахъ уже съ XI-го вѣка: въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: отъ льноу—218 об.; въ Русск. Правдѣ по сп. 1282 г.: гороху—22. Въ Новгород. грамотѣ 1305 г.: ис Торъжку; въ Полоцкой грамотѣ около 1331 г.: отъ воску, отъ хмѣлю. Въ Волынской вкладной 1376 г.: обаполъ Бугу. Въ Лавр. лѣтописи: роду княжа—22 стр. подъ 882 годомъ, гдѣ читаемъ рядомъ: „вы нѣста князя, ни *рода княжа*, но азъ есмь *роду княжа*“. Въ Новгородской лѣтоп: просяце пълку, с мосту и с моста—подъ 977 годомъ; съ пълку подъ 1136 годомъ; с Торжьку—подъ 989 г.; с Нового Торгу-ibid. Срв. на Новемь търгу—подъ 1147 годомъ и подъ 1158-мъ годомъ и друг. Въ Коломенской Палеѣ 1406 г.: отъ мозгу—46. съ холъму—190 об. Въ дат. п. ед. ч. мы имѣемъ въ грамотѣ Мстислава 1130 г.: Георгиєви; въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ 1300 г.: мостови, манастыреви и мн. др. То же мы имѣемъ и въ галицкихъ грамотахъ, въ Волынской лѣт. по Ипат. списку: холмови, ледови, цареви и проч. Срв. въ современномъ малорус. нарѣчіи: *панови*, *хлопцеви* и друг.

Въ мѣстн. п. ед. ч. мы имѣемъ въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII вѣка: *на бору*—4 об., въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г. *въ пиру*, *на търгу* и др. Въ Рязан. Кормчей 1284 г.: *на воску*—194. Въ Духовной Ивана Калиты XIV в.: *на шелку*. (Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ. I). То же

мы встрѣчаемъ и въ зап.-русскихъ памятникахъ: въ Полоцкой грамотѣ 1407.: у Полоцку; въ Лѣтоп. Переяславля Суздальскаго: въ Смоленску, у Курьску и др. То-же въ грамотахъ московскихъ XVI—XVII в.: *въ Можайску* и др.

Въ имен. п. мн. ч. мы имѣемъ—*ове* и-*еве* въ Новгород. грамотѣ 1300 г.: пословѣ; въ Духовной Ив. Калиты: татарове; въ записи Евангелія 1355 г.: попове; въ Лавр. сп. лѣтописи—воробьеве—58 и др.—подъ 946 г.: дат. п. ед. ч. *воробьеви* и имен. п. мн. числа—*воробьеве*. Изъ всѣхъ этихъ формъ, существовавшихъ въ древнемъ русскомъ языкѣ, формы на-*ови*,—*еви* и формы на-*ове*,—*еве* нынѣ уже исчезли изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, но въ малорусскомъ онѣ сохранились довольно въ широкомъ употребленіи, хотя въ языкѣ великорусскихъ былинъ мы находимъ формы им. п. мн. ч. на-*ове*: *татарове* и др., но вообще не часто. Въ говорѣ Курской губ. въ Путивл. уѣздѣ показана форма *цареве* у проф. Халанскаго, а въ Бѣлорусскомъ Сборникѣ Романова мы находимъ и форму: *сватове*, но вообще эти формы въ этихъ говорахъ сохранились въ незначительныхъ остаткахъ, тогда какъ въ др. р. языкѣ мы ихъ видѣли на всемъ пространствѣ русской письменности, а формы род. п. мн. ч. на-*овъ*,—*евъ*, наоборотъ, вытѣснили собой формы на-ъ и ъ и до сихъ поръ господствуютъ во всѣхъ говорахъ.

7) Въ эту же эпоху мы замѣчаемъ полное объединеніе склоненій съ основами согласными на-*ес* и на-*ŏ* средняго рода. Съ одной стороны, еще въ стрсл. памятникахъ мы замѣчаемъ род. п. ед. ч. тѣла, дѣла, нєба вм. тѣлесе, дѣлесе, нєбесе и проч., а, съ другой стороны, даже въ *русскихъ* памятникахъ и еще въ XII вѣкѣ, въ Житіи Ѳеод. Печерскаго мы читаемъ: оукрашенъ добрыими дѣлесы—л. 26. с. по списку Моск. Усп. Собора и проч. Далѣе, наши прилагательныя *древесный*, *словесный*, *небесный*, *тѣлесный*, *чудесный*, и проч.; наши формы; *небеса*, *чудеса*, *древеса* (даже у Пушкина) и под. доказываютъ,

что согласныя основы частично долго сохранялись и вошли въ различныя образованія, но вообще въ процессѣ склоненія основы ср. рода на-*ес* почти совсѣмъ исчезаютъ въ разсматриваемую нами эпоху, уступая свое мѣсто основамъ на-*ŏ*: срв. склоненіе слова *небо*, *тѣло*, *дѣло*, *слово* и проч. во всѣхъ русскихъ говорахъ, слѣд., это явленіе принадлежитъ еще общерусской эпохѣ, хотя и діалектически. Наше слово *колесо* есть новообразованіе изъ основы *колес*—по аналогіи съ основами на-*ŏ*. Срв. др. русское *коло—колесе—колеси* и т. д. Но и это послѣднее слово уже встрѣчается въ формахъ на *гласную* основу, какъ *небо*: въ Лавр. сп. лѣтописи подъ 1015 г. читаемъ: „възложивше на *кола* повезоша и“; или под. 1097 годомъ: „поидоша с нимъ вскорѣ на *колѣхъ*“ и др. Древне-русское *кола=колеса* означаетъ *повозка*. Срв. польск *koło* (кругъ, кружокъ) и наши: *о-коло*, *о-кол-ьн-ый*, старин. литерат. *коловратный* и под.

8) Равнымъ образомъ въ эту же эпоху русскаго языка замѣчается сближеніе окончаній основъ на твердыя гласныя съ окончаніями основъ на мягкія гласныя, т. е. по образцу окончаній-*овъ* мы находимъ и окончанія-*евъ*. Такъ, мы видѣли уже примѣры: *рублевъ* вм. древняго *рубль* или по основѣ на-*ĭ*: *рублей*. Вмѣсто *конь* или *коней* мы находимъ *коневъ*. Въ дат. п. ед. ч. мы видѣли: *монастыреви* вм. *монастырю*. Срв. окончанія-*овъ* и-*ови* отъ основъ на-*й*, гдѣ эти окончанія являются морфологически *законными*.

9) Наконецъ, въ эту же эпоху появляются окончанія-*и* въ род. п. ед. ч. *землѝ*, въ имен.-вин. п. множ. числа жен. рода мягкаго склоненія—*зе́мли* вмѣсто стараго, древне-русскаго ѣ въ этихъ формахъ, въ соотвѣтствіи со старославянскимъ ѧ. (См. выше). Это окончаніе-*и* появилось подъ вліяніемъ окончанія-*ы* твердыхъ основъ женскаго рода, т. е. подъ вліяніемъ формъ: *воды́* и *во́ды*, *кни́гы*, *жены́* и *же́ны* и проч. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ эту эпоху начало нашего совре-

меннаго склоненія въ род. ед. *братіи* вм. *братиѣ*, *души* вм. *душѣ*, *овци* вм. *овцѣ* и проч. такъ же, какъ и въ имен.-вин. п. мн. числа этихъ и подобныхъ именъ существительныхъ. Припомнимъ, что *общимъ* явленіемъ этой эпохи было появленіе *гі*, *кі*, *хі* вм. *гы*, *кы*, *хы*; стало быть, прежде всего основы на задненебные согласные передъ основнымъ *а* жен. рода въ твердомъ склоненіи должны были фонетически измѣниться въ формахъ род. ед. ч. и имен.-вин. мн. числа, гдѣ мы должны получить вмѣсто *книгы*, *наукы*, *сухы* и проч.—*книги*, *науки*, *сухи* и проч. Отсюда прежде всего развивается и въ мягкомъ склоненіи жен. рода: *души*, *кожи*, *свѣчи* и проч., затѣмъ и: *земли*, *воли*, *бури* и проч. вмѣсто древнихъ: *душѣ*, *кожѣ*, *свѣчѣ*, *землѣ*, *волѣ*, *бурѣ* и проч. Мы уже выше видѣли примѣры: из ыноіе *земли* и проч. Срв. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. Моск. Успен. Собора XII в. л. 25. столб. b. отъ вьсеѣ роуськы ꙁемлѣ; но въ Минеѣ 1095 г. мы уже видимъ: изъ отроковичи—45. Въ Житіи Ѳеод. Печ. по тому же списку Успен. Соб. XII вѣка: отъ судіи и др. Въ Духовн. Ив. Калиты 1327 г.: княгини моіеіе. Въ Духовной Симеона Гордаго: у овци, своее купли и мн. др. примѣры какъ въ сѣв.-русскихъ, такъ и въ южнорусскихъ памятникахъ. Въ говорахъ малорусскихъ, гдѣ на мѣстѣ древняго *ѣ* мы имѣемъ *і*, эти формы еще сохраняются, но въ великор. и бѣлор. говорахъ старыя формы на *ѣ* уже почти утрачены и замѣнены формами на-*и*.

Такимъ образомъ, въ области морфологіи мы за эту эпоху видимъ полное проникновеніе формъ склоненія именъ отъ различныхъ основъ другъ другомъ: формы склоненія именъ отъ разныхъ основъ взаимно перекрещиваются и переплетаются. Старой правильности въ смыслѣ выдержанности формъ въ склоненіи отъ соотвѣтственныхъ основъ именъ мы уже не видимъ, и въ общемъ мы замѣчаемъ преобладаніе формъ отъ основъ на-*й* и на-*ї* въ муж. родѣ, вытѣсненіе

формъ муж.-ср. рода формами жен. р. на-*амъ*,—*ами*,—*ахъ* и полное вымираніе старыхъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ, процессъ смѣшенія основъ, начавшійся еще частью въ общеславянскій періодъ, частью продолжался въ прарусскій періодъ и наканунѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія этотъ процессъ можно считать діалектически законченнымъ: формы склоненія именъ, какъ показываютъ говоры русскаго языка, устанавливаются послѣ взаимной борьбы основъ за свое существованіе въ русскомъ языкѣ.

Лекція XXIV.

§ 46. Явленія въ области синтаксиса за эту эпоху.

1) Прежде всего мы должны отмѣтить *вытѣсненіе формы вин. п. ед. числа* именъ сущ., означающихъ предметы одушевленные, муж. рода, тождественной съ формою имен. п. ед. числа этихъ именъ *формою родительнаго падежа ед. числа*; а отсюда и *во множ. числѣ* эта форма вытѣснена формою род. п. мн. числа отъ именъ, означающихъ лица муж. рода. Т. е. вин. п. ед. ч. вмѣсто: *волкъ, сынъ, рабъ, учитель, конь* и проч. сталъ: *волка, сына, раба, учителя, коня* и проч.—по формѣ родительные падежи; такъ же и во множ. числѣ: *волковъ, сыновъ, рабовъ, учителей, коней* и под. Это явленіе мы имѣемъ и въ памятникахъ др. русскаго языка, независимо отъ ихъ происхожденія.

2) Утрату формы вин. п. ед. ч. муж. р. мѣстоименія н (Срв. въ Житіи Ѳеод. Печер. *моляхути и, укаряхути и, пѣхашети и, моляше и, сътворяти и, поущашети и* и мн. др.), вмѣсто котораго появился *родительный падежъ*: *его.*

Позднѣе эта форма *его* стала употребляться и для означенія *неодушевленныхъ* предметовъ.

3) Начало утраты *двойственнаго числа* въ склоненіи и спряженіи. Вмѣсто двойств. числа начинаетъ употребляться множественное. Этотъ процессъ закончился полной утратой двойств. числа, формы котораго сохранились въ ничтожномъ количествѣ для означенія *парныхъ* предметовъ: *очи*, *уши* (множ. число было бы *очеса*, *ушеса*, вмѣсто которыхъ, послѣ потери согласныхъ основъ склоненія на-*ес*, были бы формы основъ на-*ŏ*: *ока*, *уха*), или остатки формъ различныхъ падежей двойств. числа, какъ напр., *двою*-родный, *дву*-главый и под., или, наконецъ, формы именъ при числительномъ *два*, *двѣ*, какъ: два *брата*, двѣ *сти* (откуда при энклитическомъ употребленіи формы *сти*—дв. число отъ *сто*—получилось *ѣ* въ словѣ *стѣ неударяемое* и фонетически въ говорахъ великорусскаго нарѣчія перешло въ *и*: *двѣсти*.) и нѣкр. другіе.

4) Теперь произошла утрата и *аориста* и *имперфекта* въ глаголахъ, а вмѣсто нихъ стало употребляться исключительно прошедшее сложное: форма прич. несклоняемаго прош. вр. на-*лъ* со вспомогательнымъ глаголомъ: вм. *ведохъ*— *велъ есмь*; вм. *ведѣахъ*—*велъ есмь* и проч.

5) При этихъ формахъ прошедшаго сложнаго сталъ опускаться вспомогательный глаголъ *есмь* сначала въ формѣ 3-го лица ед. и множ. числа, т. к. само подлежащее при этихъ глагольныхъ формахъ указывало на лицо глагола, а потомъ и въ прочихъ формахъ, т. е. и въ 1-мъ и во 2-мъ лицѣ. Такъ получились наши формы: *велъ*, *вели* или *вела*, *вело* для всѣхъ лицъ. Этимъ объясняется, что наше прошедшее время: *несъ* изъ *несль*; *велъ* изъ *ведль* и проч. измѣняются *не по лицамъ*, а *по родамъ* и *числамъ*, какъ имена прилагательныя, т. к. эти формы и есть, именно, отглагольныя прилагательныя, т. е. *формы причастія*. Опущеніе формы 3-го лица ед. числа *есть* при причастіи на-*лъ*, т. е. *ходилъ* вм.

ходилъ есть и под., въ образованіяхъ прошедшаго сложнаго было извѣстно уже *общеславянскому* языку, какъ показываютъ славянскія нарѣчія. Слѣдовательно, русскому языку этой эпохи принадлежитъ *опущеніе вспом. глагола* при формахъ прич. на-*лъ во всѣхъ лицахъ и числахъ.*

6) Въ это же время появляются обороты, въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ извѣстные донынѣ: *бывало ходилъ, бывало гуляю* и проч., восходящіе къ формамъ древняго русскаго языка *давнопрошедшаго* времени — plusquamperfectum.

7) Въ связи съ утратой формъ вспом. глагола въ наст. времени при причастіи на-*лъ* для образованія формъ прошедшаго сложнаго времени стоитъ вообще *утрата формъ вспом. глагола, какъ связки,* въ настоящемъ времени. Такимъ образомъ, старый оборотъ: ты земля *еси*, Богъ *есть* добръ и проч. замѣнился оборотомъ: ты—земля, Богъ добръ и проч.

8) Старая конструкція числительнаго *пять*, которое по формѣ есть имя сущ. съ основою на-*ĭ*, какъ *гость, путь* и проч., и потому соединялось съ глаголомъ *въ единств. числѣ*, распространилась на числительныя: *два, три, четыре*, которые по формѣ не походили на имена въ единств. числѣ. Конечно, числительное *пять* по формѣ тождественно съ числительными: *шесть, семь, восемь* и проч., т. ч. сказанное о конструкціи числительнаго *пять* относится и къ прочимъ числительнымъ подобнаго образованія. Нынѣ въ нарѣчіяхъ *бѣлорусскомъ* и *великорусскомъ* возможны такіе обороты (конструкціи), какъ: *прошло два* лѣта, *летѣло два* лебедя вмѣсто: *прошли, летѣли* и под. Срв. у Пушкина: „ужъ *много* лѣтъ *прошло* съ тѣхъ поръ“, гдѣ сказуемое согласовано *по формѣ* съ словомъ *много*. Формально было бы правильно согласовать: „*пять* лѣтъ *прошло*“, т. к. слово *пять* по формѣ есть единств. число, но: „*три, четыре, два* лѣта *прошло*“ обязано своимъ появленіемъ вліянію конструкціи „*прошло пять,*

шесть“ и т. д. Само собой разумѣется, что этой конструкціей *по формѣ* не исключается конструкція *по смыслу* по способу согласованія сказуемаго съ подлежащимъ *по значенію* подлежащаго, какъ напр., при подлежащихъ—именахъ *собирательнаго* значенія, которыхъ форма—единств. число, а значеніе—собраніе многихъ лицъ или предметовъ. Срв. въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: *рекоша дружина* Игореви. Такъ точно сохранился оборотъ и „*прошли два* года“ или „*прошли пять* лѣтъ“. Срв. у Пушкина: „Ужъ *десять* лѣтъ *ушло* съ тѣхъ поръ“ и под. Отсюда стало возможнымъ и *употребленіе род. п. мн. числа при именахъ въ имен.-вин. п. мн. числа въ качествѣ опредѣленій именъ, стоящихъ при этихъ числительныхъ: два, три, четыре.* Такимъ образомъ, по слѣдамъ такихъ оборотовъ, какъ: „пять *молодыхъ усачей*“, гдѣ род. п. „*усачей*“ стоитъ въ зависимости отъ числительнаго *пять*, которое *по формѣ* тождественно съ именемъ существительнымъ, образовались такія соединенія, какъ: „два *молодыхъ* усача“, „двѣ *красныхъ* коровы“, „три *черныхъ* ворона“ и проч. Это мы имѣемъ въ великорусскихъ говорахъ, это же и въ малорусскихъ: „три дошчі *добрих*“ и под. Или въ др. русскомъ языкѣ: „по два гроши *польскихъ*“. Срв. при этомъ въ млр. *три дошчі*, а въ великор. нынѣ: *три дождя*; въ древнемъ русскомъ языкѣ возможно было сочетаніе: *два гроши*, а нынѣ: *два гроша, стола* и проч. Однако въ великор. говорахъ и донынѣ: *два рубли, три рубли* и проч. вмѣсто литературнаго: *два, три рубля.* Впрочемъ, у Гоголя есть и *два дни, три дни* и проч., какъ въ народныхъ говорахъ и въ древнемъ русскомъ языкѣ этого періода, когда формы двойств. числа стали исчезать.

§ 47. Теперь приведу примѣры изъ др. русскихъ памятниковъ на эти явленія въ области синтаксиса др. русскаго языка и его отраженій въ современныхъ русскихъ па-

рѣчіяхъ. *Род. падежъ вм. винительнаго п. ед. ч. въ основахъ на-ŏ*: въ Остр. Ев. 1056 г.. **ѹтѣ отца моєго, живота вѣчьнаго имате** и мн. др. вмѣсто: **отьць мон и животъ вѣчьныи.** Въ Словѣ о полку Игоревѣ: поостри *сердца своего*. Въ Прологѣ 1262 г.: старець *трупа* бьяше—93. Рязан. Кормчая 1284 г.: въсхытиста *святительскаго сана* и мн. др. Въ Лавр. Лѣт. XIV в. подъ 1216 г.: *мира* просяще. *Не* даси *мира* (при отрицаніи—ibid.). Ни *мира* емлю, ни отступаю—ib. подъ 1216 г. *Не* заимаючи *полковъ*—ib. (при отрицаніи и род. п. на-*овъ* отъ основы на-ŏ). *Мои люди* к *боеви* не дерзи—ib. (*люди*—вин. вм. именит. падежа *людиѥ*; *боеви*—дат. п. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ*). Зряще *на креста честнаго* и на правъду—ib. (вм. *на крестъ честный*). Срв. однако въ Остр. Ев. же: **прослави сынъ твои** и проч. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: отдасть за *конь* или за *волъ*; аже кто переиметь чюжь *холопъ*. Срв. современное: возьму *за́-мужъ*, пойду *за́-мужъ* и под. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г.: *мужа* твоего убихомъ—подъ 945 г.; поиди *за князь нашъ за Малъ*—ib. Посла *по гости*—ib. княгини наша хочеть *за вашь князь*—ib. Копье летѣ сквозѣ *уши коневи*, удари въ *ноги* коневи—ib. подъ 946 г. (*коневи*—дат. п. ед. ч. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ*). Творихъ трызну *мужеви*—ib. Дадите ми отъ двора по 3 *голуби* да по 3 *воробьи*—подъ 946 г. (согласованіе числительнаго *три* съ имен. п. множ. числа по-старому). Раздая воемъ *по голуби* комуждо, а другимъ *по воробьеви*—ib. (дат. ед. ч. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ* и дат. ед. ч. на *и* отъ осн. на-*ĭ* муж. рода. Срв. выше) и мн. др. Это же употребленіе род. п. вмѣсто вин. п. перешло и во множ. число: въ Грамотѣ Ивана Калиты XIV в.: пожаловалъ *есмь соколниковъ печерскихъ*; въ Лавр. сп. Лѣт.: *страньствующихъ* убиваху—14. прочая люди *овыхъ* изби, а другия работѣ предасть—58. созва *боляръ* и *кыянъ*—250 и мн. др. Однако въ Духовной Семена Гордаго и въ другихъ памятникахъ XIV—XVI в. мы еще находимъ

и вин. п. мн. ч.: приказываю *дѣти свои* своей княгинѣ и мн. др. под. „Приказываю“ означаетъ „отказываю“, „отдаю“ по завѣщанію.—Въ Духовной Димитрія Донского. Срв. также въ зап. и южнорус. памятникахъ: въ Ев. Тяпинскаго XVI в. читаемъ: любите *вороги ваши* (вм. *вороговъ*); солнце розсвечаетъ на *лихие* и *добрие* и дожчіть на *справедливые* и др. Въ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ интересные случаи образованія именъ прил. членныхъ: вин. п. мн. ч. образованъ въ первыхъ двухъ случаяхъ (*лихие, добрие*) изъ формъ *им.* п. мн. ч. *имени* и *вин.* п. мн. ч. *мѣстоименія* (члена); въ третьемъ случаѣ (*справедливые*)—изъ формы *вин.* п. мн. ч. *имени* и формы *вин.* п. мн. ч. *мѣстоименія*. Въ современномъ русскомъ языкѣ мы въ орѳографіи до сихъ поръ имѣемъ:—*ые* (*вин.* имени и *вин.* члена),—*іе* (*имен.* имени и *вин.* члена). Окончанія—*ыя*,—*ія* (для жен. и ср. родовъ) въ современной русской орѳографіи не основаны, какъ мы теперь видимъ, на исторіи формъ въ р. языкѣ, т. к. *ы* и *и*—окончанія русскихъ формъ *вин.* и *имен.* п. множ. ч. именъ, но окончаній—*я* не было и нѣтъ въ рус. языкѣ: въ стрсл. яз. было ѧ въ вин. п. и имен. п. мн. ч. мѣстоименія жен. рода (им. ед. ѧ), но въ русскомъ языкѣ этому ѧ, какъ мы знаемъ, всегда соотвѣтствовало въ грамматическихъ падежныхъ формахъ—ѣ. Наше же *я* (ѧ) есть книжное церк.-слав. окончаніе въ русскомъ церковномъ произношеніи, никогда не бывшее въ *живомъ* русскомъ языкѣ, гдѣ мы слышимъ: *добрыи, синіи* для всѣхъ трехъ родовъ; слѣдовательно, сочетаніе *вин.* п. мн. ч. *имени* (*добры*)+*имен.* п. мн. ч. мѣстоименія (*и*) или—*имен.* п. мн. ч. *имени* (*сини*)+*имен.* п. мн. ч. *мѣстоименія* (*и*). *Старый имен.* п. мн. ч. былъ бы: *добрии* и *синии*. *Старый вин.* п. мн. ч. былъ бы: *добрыѣ, синѣѣ*. А въ стрсл. языкѣ было: им. п.: *добриц, синии*. Вин. п. мн. ч.: *добрыѧ, синыѧ* для муж. рода. Слѣдовательно, мы уже поэтому видимъ, насколько старыя дифференцированныя формы склоне-

нія, перемѣшавшись между собой въ различныхъ соотношеніяхъ, подверглись *унифоpмированію*, *однообразію* и обусловили собой въ новомъ видѣ различные новые синтактическіе обороты. (Примѣры здѣсь взяты мною у *Соболевскаго*. Лекціи [3]. Стр. 196 и сл.). Такое же употребленіе род. п. вм. вин. мы видимъ и въ мѣстоименіи: срв. въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта XIV в.: „вамъ бѣ лѣпо глаголати слово Божье, но вы отрѣваете *его*“—68. и др.

Утрату двойств. ч. мы видимъ: въ Житіи Нифонта 1219 г.: помози *рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема* книгы сия—въ Записи. Въ Духовной Дм. Донского: два ковша *золоты*, изъ двою *моихъ жеребьевъ*, *мои* два жеребья. Въ Нов. Завѣтѣ Чудов. мон. XIV в.: *быста други*—40. Въ мѣстоименіяхъ это смѣшеніе чиселъ *дв.* со *множ.* очень часто уже съ XI вѣка. Въ Грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши *польскихъ*. (Срв. выше). Въ Лѣтоп. Переяславскомъ, зап.-русскомъ памятникѣ XVI вѣка: по двѣ кунѣ *чрьныхъ*—12. Въ Библіи Скорины: вделаемъ *два кружки златыхъ*; въ Ев. Тяпинскаго: стрели (встрѣтили) его два *бешаныхъ*. (См. *Соболевскаго*. Лекціи. [3] Стр. 203). Изъ примѣровъ западно-русскаго нарѣчія („два кружки“...) мы видимъ, что здѣсь (какъ и до сихъ поръ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ) формы им.-вин. п. двойств. ч. муж. рода на *а* почти исчезли. Нынѣ въ блр. и млр. говорятъ *два столы*, а не *два стола*; *два кресты*, а не *два креста*, какъ въ великорусскомъ. Въ Ипат. сп. Лѣтописи XV в. (галиц.-волынск. памятн.): *два городы*—257. Но эти же формы *женскаго рода* на старое *ѣ* еще сохраняются здѣсь въ единичныхъ случаяхъ: бѣлор. *дзвѣ нозѣ*, малор. *двi нозi* (съ фонетич. *і* изъ *ѣ*). Проф. Халанскій даетъ примѣры, подобные выше приведеннымъ, и изъ области южновеликорусскихъ говоровъ, въ Путивл. у. Курской губерніи (говоръ „Горюно́въ“): *два дворы*, *три сосѣ* (отъ сл. *сохá*). *Потерю формъ имперфекта и*

аориста мы наблюдаемъ въ др. р. памятникахъ не въ одно время: въ то время, какъ формы имперфекта уже совершенно перестаютъ встрѣчаться въ чисто-русскихъ памятникахъ, изъ которыхъ, напр., *въ грамотахъ мы даже вовсе не встрѣчаемъ формъ имперфекта*, какъ и въ Русской Правдѣ, формы аориста живутъ еще довольно долго и въ чисто-русскихъ памятникахъ по языку и происхожденію. Напр., *въ лѣтописяхъ*, чисто-русскихъ по происхожденію (Лавр. списокъ, Ипатскій, Новгородскія лѣтописи и проч.), *мы очень часто встрѣчаемъ формы имперфекта* потому, что языкъ ихъ *не чисто-русскій*, а *смѣшанный* съ церковно-славянскимъ (см. выше), не говоря уже о памятникахъ церковнаго содержанія и богословскаго, гдѣ формы имперфекта—дѣло обыкновенное; *въ грамотахъ же и формы аориста встрѣчаются не особенно часто.* Изъ этого мы заключаемъ, что эти формы (имперфекта и аориста) вообще въ живомъ разговорномъ русскомъ языкѣ вымерли очень давно, причемъ формы имперфекта, можетъ быть, даже и вовсе не были извѣстны *въ историческое время* разговорному русскому языку. Формы же аориста, вѣроятно, были извѣстны до XIV-го вѣка и дѣловому русскому языку и, кажется, разговорному. Въ грамотахъ мы находимъ: въ Новгород. грамотѣ 1262—1263 г.: *отложихомъ*, *поставихомъ*; въ Смоленской грам. 1284 г.: грамота писана *бысть*; въ Духовной Ивана Калиты: *написахъ*; въ Двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: *заложи*, *позва*, *купи*, *спросиша*, *даща*, *изоиде* та пять лѣтъ и друг. Въ Рус. Правдѣ по списку 1282 г.: *отложиша*, *уставиша* и под. Уже въ этихъ и под. памятникахъ съ XIII вѣка мы замѣчаемъ *паденіе формъ аориста*, которыя замѣняются формами *прошедшаго сложнаго*. Даже въ XII вѣкѣ, именно, въ грамотѣ мы найдемъ такіе случаи замѣны: такъ, въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. (*Новгородской*, а не Кіевской, какъ думалъ *Соболевскій* раньше, и какъ теперь, въ виду разъясненій *Крымскаго*, думать уже нельзя)

нѣтъ уже *ни одной формы аориста*, вмѣсто которыхъ стоятъ *четыре раза формы прошедшаго сложнаго*, именно: *повелѣлъ* ѥсмь, *язъ далъ*, *далъ* ѥсмь, *велѣлъ* ѥсмь. Въ Смолен. Грам. 1229 г.—цѣлый рядъ формъ прош. сложнаго: *умьрлъ*, *уздумалъ*, *прислалъ*, *было*, ѣхали и проч. Въ Грамотѣ Рижанъ въ Витебскъ 1300 г.: *пришли*, *поведали*, *еси отъялъ*, *былъ*, *бывалъ*, *заблудилъ*, *хотелъ* и проч. Тоже и въ Рус. Правдѣ, гдѣ однако встрѣчаются и формы аориста наряду съ формами прош. сложнаго. Въ Новгородскихъ грамотахъ даже и въ XV вѣкѣ формы аориста еще встрѣчаются, но въ другихъ мѣстахъ онѣ уже выходятъ изъ употребленія. Стало быть, можно навѣрное сказать, что въ XIV—XV вѣкѣ формы аориста въ рус. языкѣ вымерли. (См. мою статью: „Русскій глаголъ сравнительно со старославянскимъ“ въ Журн. „Рус. Фил. Вѣстникъ“ за 1891 годъ. Здѣсь, на стр. 24—27, опровергнуто мнѣніе *Соболевскаго* о томъ, что формы „знай“ и „заржай“—остатки русскихъ аористовъ. Во второмъ изданіи своихъ „Лекцій“ Соболевскій уже самъ отказался отъ формы „знай“. А въ третьемъ изданіи (М. 1903 г.), послѣ моей статьи, Соболевскій отказался и отъ формы „заржай“, хотя нигдѣ не упоминаетъ о моей статьѣ. Замѣтимъ, что первое изданіе „Лекцій“ *Соболевскаго* было напечатано въ 1888 году, второе—въ 1891 году, а третье—въ 1903 году.). Про *современный* русскій языкъ относительно формъ аориста можно сказать теперь то приблизительно, что сказалъ проф. *Соболевскій* въ своемъ *послѣднемъ*, третьемъ изданіи (1903 года) своихъ „Лекцій“: именно: *Кромѣ одной формы аориста*, встрѣченной нами въ Онежскихъ былинахъ у Рыбникова: *бысть* князь веселъ и радостенъ,—мы можемъ указать *лишь частицу*, *междометіе чу*: „тише, *чу*, гитары звонъ“.... „да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ“... (Лекціи [3]. Стр. 231). Эта частица *чу* есть остатокъ 2-го лица ед. ч. формы аориста отъ гл. *чути*=слышать—въ значеніи: „слышалъ“?, какъ вводное предложеніе. Срв. наши: „онъ, слышно, туда ужъ не ходитъ“ или: „онъ, слышь, туда уже не

ходитъ“ или: „*чу*, колокола звонъ“! = „*слышалъ*, колокола звонъ“! Такъ говорится *тотчасъ послѣ раздавшагося* звона, причемъ неизвѣстно, повторится-ли еще разъ звонъ, или нѣтъ. Въ виду этого трудно думать, чтобы *чу* имѣло значеніе только *настоящаго* времени (Соболевскій. 231): оно имѣетъ значеніе и прошедшаго—аориста и сохраняетъ это значеніе и до сихъ поръ. Срв. у Пушкина: „Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ. (Русалка. III). Это выраженіе можетъ означать: „*Слышь*, кажется, трубятъ“, т. е. „*слышишь*“? Но можетъ означать и: „*слышалъ*“? (трубный звукъ): „кажется, это звукъ трубы“?! Во всякомъ случаѣ въ русскомъ синтаксисѣ *чаще* извѣстно употребленіе настоящаго времени вмѣсто прошедшаго для живости разсказа, чѣмъ наоборотъ: прошедшее время въ значеніи настоящаго. Что же касается формы *бысть* (единственной) въ былинахъ, то неизвѣстно, *какъ* она попала въ народную пѣсню; во всякомъ случаѣ народъ ея не понимаетъ. Начиная съ XIII—XIV вѣка и въ письменныхъ памятникахъ мы уже наблюдаемъ полное забвеніе правильныхъ формъ аориста: его формы смѣшиваются постоянно съ формами имперфекта и съ формами наст. времени, и это все чаще и чаще, чѣмъ позже памятникъ.

Опущеніе формъ вспом. глагола при прошедшемъ сложномъ времени во всѣхъ лицахъ и числахъ составляетъ отличіе разсматриваемой эпохи русскаго языка, но сокращеніе этихъ формъ прошедшаго сложнаго путемъ опущенія формы вспом. глагола *въ третьемъ лицѣ всѣхъ трехъ чиселъ* мы уже имѣемъ въ эпоху написанія стрсл. памятниковъ, слѣдовательно, въ самомъ *старославянскомъ* языкѣ. Въ *древнерусскомъ* языкѣ мы имѣемъ случаи опущенія формы вспом. глагола въ 3-мъ лицѣ при формѣ причастія прош. времени на-*лъ* уже *въ первомъ* вѣкѣ историческаго періода русскаго языка, періода, засвидѣтельствованнаго письменными памятниками. Такъ, въ надписи на Тмутороканскомъ камнѣ 1068-го года мы читаемъ: „Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду“, причемъ форма *мѣрилъ*

употреблена безъ вспом. глагола *есть*, т. е. вмѣсто ожидаемой формы: *мьрилъ есть*. Въ записи Юрьевскаго Евангелія 1120 г.: Угриньць *псалъ* (вм. *псалъ есть*). Въ Смол. грамотѣ 1229 г. читаемъ: коли Алъбрахтъ владыка ризкии *умьрлъ*,.... или: *уздумалъ* князь смольнескыи... *прислалъ*.... та два *была* у Ризѣ (вм. *была еста*)... изъ Ригы ѥхали (вм. ѥхали *суть*). Въ Новгор. грамотѣ 1262—1263 г. мы имѣемъ: что ся *учинило* тяже. Въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: отецъ ти *умьрлъ*; бысть сѣча зла, яка же не *была* въ Руси; се половци *росулися* по земли (вм. *росулися суть*) и мн. друг. Надо думать, что процессъ сокращенія формъ прошедшаго сложнаго начался, именно, съ опущенія формъ 3-го лица вспом. глагола, т. к. при выше приведенныхъ формахъ 3-го лица *безъ* вспом. глагола мы имѣемъ во многихъ памятникахъ формы 1-го и 2-го лица всѣхъ чиселъ *со* вспом. глаголомъ; но уже въ XII вѣкѣ мы находимъ опущеніе формъ вспом. глагола и въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ прош. сложнаго: такъ, въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. мы читаемъ: *язъ далъ* рукою своѥю (вм. *язъ далъ* ѥсмь) и под. Этому опущенію вспом. глагола способствовало употребленіе *мѣстоименій—подлежащихъ* при формѣ прош. сложнаго. Такъ, напр., въ этой грамотѣ достаточно для ясности смысла было бы сказать *далъ есмь* или *язъ далъ*, но: *язъ далъ есмь* было бы нѣкоторымъ плеоназмомъ, который уже сталъ чувствоваться въ языкѣ при такихъ оборотахъ. Поэтому, съ одной стороны, мѣстоименія—подлежащія при формахъ прош. сложнаго стали употребляться въ особенно важныхъ по мыслу случаяхъ, т. е. или тогда, когда на эти мѣстоименія—подлежащія падало *логическое удареніе*, или,—когда при этихъ мѣстоименіяхъ—подлежащихъ стояло *приложеніе*, удостовѣряющее нерѣдко въ грамотахъ и записяхъ тождество лица, писавшаго грамоту, запись, или приказавшаго писать, съ лицомъ, подписавшимся подъ грамотой, или выдающимъ грамоту. Съ другой стороны, эти же мѣстоименія—подлежащія дѣлали излишнимъ мало-по-малу употребленіе формъ

вспом. глагола при наличности мѣстоименія—подлежащаго. Такимъ образомъ, употребленіе мѣстоименій шло и распространялось за счетъ формъ вспом. глагола при прошедшемъ сложномъ времени, т. к., кромѣ выше указанныхъ важныхъ случаевъ употребленія мѣстоименій—подлежащихъ, эти мѣстоименія стали также употребляться вмѣсто соотвѣтствующихъ по лицамъ формъ вспом. глагола. Срв. въ Лавр. Лѣтописи: аще одолѣеши *ты,* то возмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то возму твое. Или: въ записи Мстисл. Ев. 1128—1130 г. мы читаемъ: *азъ грѣшьныи рабъ* написахъ... Въ Грамотѣ Мстислава 1130 г.: се *азъ Мьстиславъ* повелѣлъ ѥсмь и мн. др. Однако въ этой же грамотѣ уже: *язъ далъ* рукою своєю. А въ грамотѣ Рижанъ 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидѣли* ни *грабили* (вм. *обидѣли, грабили* ѥсмы или ѥсмъ); *ты* его товаръ *узялъ* (вм. *узялъ—взялъ* ѥси); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лавр. сп. Ольга говоритъ: *азъ мьстила* уже обиду; или: *ты* ему добра *хотѣлъ* и мн. др. Надо однако замѣтить, что старыя формы *со вспом. глаголомъ* во всѣхъ лицахъ *на письмѣ* употребляются еще довольно долго, даже въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ живомъ разговорномъ языкѣ онѣ вымерли, конечно, задолго до этого времени, и остатковъ ихъ даже не сохранилось. Указанія на языкъ былинъ не можетъ имѣть значенія, т. к. мы не знаемъ, *откуда* эти формы попали въ пѣсенный языкъ былинъ, пережившихъ и книжныя вліянія, къ которымъ могутъ быть отнесены въ языкѣ былинъ подобныя формы, какъ и вышеуказанная форма аориста *бысть*. Въ *современныхъ* же рускихъ говорахъ мы этихъ формъ не имѣемъ и помину, и это служитъ *доказательствомъ книжности* такихъ рѣдкихъ формъ въ былинной пѣснѣ: въ бытовыхъ пѣсняхъ такихъ формъ мы не находимъ.

Въ исторіи нашего синтактическаго оборота: *пошелъ было, взялъ было, взяла было, пошли было, жилъ былъ,* (въ народн. сказкахъ) и под. надо различать нѣсколько стадій раз-

витія. Въ былое время причастіе на-*лъ* для образованія *давнопрошедшаго* времени (plusquamperfectum) вступало въ сложеніе съ прошедшимъ сложнымъ типа: *былъ есмь*, и получалось: *пошелъ былъ есмь*, *жилъ былъ есмь*, *еси*, *есть*... *жили были есмъ*, *есте*, *суть*. Однако въ этихъ образованіяхъ уже скоро, какъ мы знаемъ, глаголъ *есмь* и проч. опускался, т. ч. получалось: *жилъ былъ*, *жила была*, *жило было*, *жили были* и под. Это и служило формою давнопрошедшаго времени глагола рядомъ съ формами: *жилъ бѣхъ* или *жилъ бѣахъ* и т. д., которыя вымерли, какъ только прекратили свое существованіе формы аориста (*бѣхъ*) и имперфекта (*бѣахъ*), и остались формы перваго типа. Съ теченіемъ времени однако и въ формахъ перваго типа (болѣе позднихъ вообще) вторая часть сложенія (*былъ* безъ *есть*) превратилась въ частицу *было*, которая стала употребляться независимо отъ рода, лица и числа *энклитически* въ сложеніи съ формами причастія на-*лъ* отъ спрягаемаго глагола: я́ было пошелъ,.. ты́ было пошелъ,.. о́нъ было пошелъ,.. мы́ было пошли,... вы́ было пошли,... они́ было пошли,... и под. А затѣмъ, кромѣ формы *былъ*, стало возможно сочетаніе прич. на-*лъ* и съ формой другого вида отъ глагола *быть*: *бывало*; напр., *бывало ходилъ*, *бывало ходили*. Особенностью этого оборота служило то, что въ немъ возможно было сочетаніе и формы *настоящаго* времени спрягаемаго глагола; напр., *хожу бывало*, *иду бывало*, *читаю бывало*, *пойду бывало*, „*прочту бывало* страницъ пять и больше ужъ не могу“, *пройдемъ бывало*, *бывало ходимъ*, „*ходятъ бывало* по грибы, и дѣла имъ нѣтъ ни до чего“ и проч. под. Этотъ оборотъ надо понимать такъ: „*бывало*“ стало особымъ эллиптическимъ предложеніемъ вводнаго характера: „бывало (есть) такъ: лежу и читаю“, откуда: „*бывало* лежу и читаю“, т. е. лежу и читаю неоднократно, какъ бы *обычно*. (См. *Потебни*. Изъ записокъ по русской грамматикѣ). Въ др. р. памятникахъ мы находимъ: Смолен. договоръ съ Ригою 1229 г.: ишлъ былъ = изошло было; Смолен. Грам. 1284 г.: ищьло было = изошло бы-

ло, прошло; Рус. Пр. 1282 г.: Ярославъ былъ уставилъ; Лавр. сп. Лѣт.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя—363. Въ Москов. грам. 1455—1462 г.: язъ велѣлъ былъ ихъ судити; въ грам. арх. Геннадія 1490 г.: которые еретикы были покаалися. Въ печатной книгѣ о ратномъ строеніи 1647 года: ему же не *довелося было* и мн. др. Пока формы аориста и имперфекта были хоть въ письменномъ языкѣ, мы находимъ: въ Житіи Ѳеод. Печ. XII вѣка: *бѣ* въ искушении *былъ*; *приведоша* разбоиникы, ихъ же *быша яли* въ селѣ.. и др. Въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: еще бо не *бяху* ся *утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; срв. въ этой же лѣтописи обычное еще прошедшее сложное: „и не свѣмы, на небѣ ли *есмы были*, ли на земли“ и мн. др. Не надо смѣшивать съ вышесказанными оборотами *давнопрошедшаго* (plusquamperfectum) времени изъ прич. на-*лъ* съ глаголомъ *былъ*, при которомъ опущены формы *есмь* и проч., тѣхъ оборотовъ *прошедшаго условнаго*, которые дали начало нашему *условному* (*NB*. сослагательному) наклоненію, и которые образовывались изъ прич. на-*лъ* спрягаемаго глагола въ сложеніи съ аористомъ *быхъ*, *бы*, *бы*, *быхомъ*, *бысте*, *быша*: пріялъ (а, о) быхъ, бы, бы; пріяла (ѣ, ѣ) быховѣ, быста, быста; пріяли (ы, а) быхомъ, бысте, быша. Изъ этихъ формъ мало по малу остались только въ употребленіи формы съ 3-мъ лицомъ ед. числа глагола *быти* въ аористѣ: *бы*, и эта форма аориста 3-го лица ед. числа—*бы*, обратившись въ *частицу*, стала соединяться съ формами всѣхъ лицъ и чиселъ спрягаемаго глагола въ причастіи на-*лъ*: *я* пришелъ *бы*; *ты* пришелъ *бы*; *мы*, *вы*, *они* пришли *бы* и под. Въ этомъ видѣ получилось наше условное наклоненіе. Срв. уже въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: „аще бы лихъ законъ гречьскый, то не *бы* баба твоя *приняла*, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“—подъ 987-мъ годомъ.

Въ связи съ утратою формъ наст. времени *есть* и проч. при причастіи на-*лъ* стоитъ вообще утрата этихъ формъ, ког-

да онѣ служили въ предложеніи *связкою*. Формы наст. времени глагола *есмь* въ роли *связки* вообще во всѣхъ языкахъ изрѣдка опускались; это же явленіе мы имѣемъ и въ др. русскомъ языкѣ: въ записи Изборника Святосл. 1073 года читаемъ: оже ти *себѣ не любо*, того и другу не твори. Срв. въ Грамотѣ Смолен. 1229 г.: *товаръ* его *свободенъ* на водѣ и на березѣ; ся *грамота утвьржена* пьчатию и друг. (Эта грамота 1229 г. орѳографически крайне неряшлива, что̀ зависѣло отъ плохого писца, который почти вездѣ ставилъ въ ней ъ и ь вмѣсто *о* и *е* и наоборотъ, а также *ѣ* вм. *е* и наоборотъ. Мы не передаемъ этого правописанія въ своихъ примѣрахъ, т. к. оно имѣетъ значеніе лишь *графики*, а не *фонетики языка*). Срв. въ Лавр. Лѣт.: *добра ли* вы *честь* и друг. Однако: *люба* ми *есть рѣчь* ваша и мн. др. Въ наше время эти формы, *какъ связка*, совсѣмъ неизвѣстны, а если употребляется форма „*есть*“, то въ значеніи глагола существительнаго: „есть деньги“; „и *ноты есть* у насъ и инструменты“ и проч. въ смыслѣ: „существуетъ“, „имѣется“. Связка *есть* потеряна была раньше формъ связки въ другихъ лицахъ, какъ и въ формахъ прошедшаго сложнаго. Срв. въ Лавр. Лѣтописи: *мы недужи* (безъ *есмы*) противу вамъ стати; се *язъ готовъ* (безъ *есмь*); *ты господинъ* (безъ *еси*) и мн. друг. Нынѣ уже языку *связка* вообще неизвѣстна въ формѣ наст. времени глагола *быть*. Остатки ея надо признать *книжными*.

Такъ, напр., былинное воззваніе: „охъ, *ты* гой *еси*“ и под., во-первыхъ, вовсе *не* современное, а донесенное до насъ съ неизвѣстныхъ временъ въ пѣснѣ, выраженія которой всегда передавались по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, путемъ устной передачи, а, во-вторыхъ, мы не можемъ рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при изученіи народной пѣсни былиннаго характера, подъ какими вліяніями—книжными туземными и при какихъ условіяхъ культурнаго заимствованія международныхъ сношеній росла и развивалась данная пѣсня на мотивъ изъ родной старины. Что касается

языка нашихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ народныхъ, то въ этомъ отношеніи простое сравненіе языка данной былины или исторической пѣсни съ языкомъ народа нашего времени соотвѣтствующей мѣстности или на всемъ пространствѣ современной народной русской рѣчи представляетъ собой самый надежный методъ, рѣшающее значеніе котораго въ вопросѣ о составѣ языка даннаго народнаго произведенія уже обнаружилось по многимъ вопросамъ языка нашихъ былинъ и пѣсенъ. Въ данномъ случаѣ, сравненіе такихъ оборотовъ нашихъ пѣсенъ, какъ: „ужъ, *ты* гой *еси*“ или: „*вы* дочери *есте* купецкія“ или малор. „добре *еси*, мій кобзарю“ и под. выраженій съ формами *еси*, *есте*, исключительно извѣстными великорусской и малорусской пѣснѣ съ данными современныхъ великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ показываетъ намъ, что нынѣ въ *разговорномъ* русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ этихъ формъ др. русской связки, слѣдовательно, глаголъ *быть*, какъ *связка*, въ формахъ наст. времени исчезъ изъ русскаго языка такъ давно, что даже не сохранилъ нигдѣ воспоминанія о себѣ, т. е. прочно и навсегда повсюду забылся.

Лекція XXV.

§ 48. Теперь я перехожу къ III-му отдѣлу своего курса.

Характеристика эпохи послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія.

Въ этомъ отдѣлѣ мы займемся изученіемъ судьбы звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его трехъ нарѣчіяхъ: южнорускомъ, среднерусскомъ и сѣверноруссномъ. И здѣсь, какъ и раньше, мы прежде всего должны замѣтить, что каждая эпоха жизни языка смѣнялась новою эпохой не сразу, а по-

степенно, при чемъ старый составъ языка во всѣхъ отношеніяхъ, какъ мы уже видѣли неоднократно при смѣнѣ эпохъ и при изученіи русскаго языка по эпохамъ въ его исторіи, продолжалъ бытовать въ языкѣ долгое время параллельно съ развивающимся новымъ составомъ, новымъ строемъ. Мы уже не разъ видѣли, что новыя явленія языка развивались на почвѣ стараго наслѣдства, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ кореннымъ образомъ измѣнялось, но въ другихъ случаяхъ продолжало цѣликомъ переходить изъ эпохи въ эпоху. Такъ и въ данную эпоху, когда русское племя (около XI-го вѣка по Р.Х.) внутри своего многочисленнаго состава успѣло дифференцироваться соотвѣтственно новымъ потребностямъ, новымъ нуждамъ времени и новымъ условіямъ жизни на новыхъ мѣстахъ, соотвѣтственно слагавшимся новымъ взаимоотношеніямъ сосѣдей и соотвѣтственно перемѣнамъ, происходившимъ въ новой сферѣ хозяйства и культуры, то это русское племя разнесло въ лицѣ своихъ общественныхъ группъ свое общее достояніе, которое слагалось изъ стараго наслѣдства и новыхъ пріобрѣтеній, по разнымъ мѣстамъ русской территоріи, на пространствѣ которой это общее достояніе продолжало развиваться и видоизмѣняться уже при новыхъ условіяхъ, прежде всего отличавшихся отъ старыхъ тѣмъ, что развитіе и видоизмѣненіе общаго достоянія совершалось не совмѣстнымъ содѣйствіемъ *всѣхъ членовъ* русскаго племени, а лишь только совмѣстнымъ содѣйствіемъ *тѣхъ членовъ* этого племени, которые составили теперь болѣе мелкую общественную единицу, группу людей, связанныхъ на новыхъ мѣстахъ и въ новыхъ условіяхъ жизни, во-первыхъ, общими старыми связями *діалектическаго* представительства, конечно, бывшаго уже въ извѣстной *зачаточной* формѣ и въ старыхъ условіяхъ совмѣстной племенной жизни, (т. к. мы не знаемъ ни одного языка ни въ одну эпоху его жизни безъ всякаго діалектическаго дробленія внутри своего хотя бы и замкнутаго сплоченнаго, но многочисленнаго по числу говорящихъ лицъ на этомъ языкѣ

состава, и можемъ себѣ *представить идеальное единство языка лишь только въ отдѣльной, одной говорящей особи*), во-вторыхъ, общими интересами культурно-экономической жизни, родомъ занятій и проч. А затѣмъ это общее достояніе, и полученное готовымъ и пріобрѣтенное продолжительной совмѣстной жизнью на старыхъ мѣстахъ, продолжало видоизмѣняться и развиваться при новыхъ условіяхъ не только измѣнившихся *количественно*, но и *качественно* въ зависимости отъ степени участія въ этомъ новомъ процессѣ новыхъ элементовъ и въ зависимости отъ зарожденія новыхъ потребностей, развивающихъ вмѣстѣ съ собой и новыя понятія, отражающіяся въ формахъ жизни и въ языкѣ. Поэтому мы и въ этой эпохѣ должны сперва отмѣтить:

А) Діалектическія звуковыя явленія до утраты единства языка, общія всему языку рядомъ съ *мѣстными* звуковыми явленіями. Именно:

а) Явленія въ *южнорусскихъ* говорахъ:

1) Появленіе дифтонгическихъ сочетаній *у͡о, ӥ͡ӧ, і͡е* въ этихъ говорахъ въ то время, когда еще въ общерусскомъ языкѣ существовали *долгіе гласные*: *ō, ȫ, ē*. Слѣдовательно, эти *долгіе* гласные *діалектически распались* на вышеприведенныя дифтонгическія сочетанія *раньше*, чѣмъ наступила во всемъ русскомъ языкѣ потеря долготы гласныхъ, а эта потеря, какъ мы знаемъ, произошла въ общерусскомъ языкѣ въ эпоху наканунѣ распаденія послѣдняго. Такимъ образомъ, объединенію части русскаго племени въ южнорусскую группу содѣйствовало, помимо всего прочаго, между прочимъ и то, что уже наканунѣ распаденія общерусскаго языка мы замѣчаемъ діалектическое образованіе дифтонгическихъ сочетаній изъ долгихъ гласныхъ, которые *вообще* въ это же время еще продолжали существовать въ языкѣ. Такое діалектическое образованіе дифтонгическихъ сочетаній изъ долгихъ гласныхъ въ южнорусскихъ говорахъ въ эпоху, когда еще не были

эти говоры *южнорусскими* (въ узкомъ смыслѣ), доказывается дальнѣйшей судьбой старыхъ долгихъ гласныхъ, именно, въ *современныхъ* южнорусскихъ (малорусскихъ) говорахъ и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ письменности. Въ самомъ дѣлѣ, звуки: *ō*, *ē̄*, *ē* были получены общерусскимъ языкомъ изъ общеславянскихъ *ō* и *ē*, но въ общерусскомъ языкѣ они замѣнили собой и краткіе *ŏ*, *ĕ*, вслѣдствіе перехода *ъ* и *ь* въ сосѣднемъ слогѣ въ *слабые* и *неслоговые* ирраціональные, которые потомъ исчезли, т. ч. эти *ŏ* и *ĕ* очутились въ закрытыхъ слогахъ, оканчивавшихся на согласную. Вотъ въ этомъ то положеніи эти *ŏ* и *ĕ* замѣнились въ общерусскую эпоху звуками *долгими*, а послѣдніе въ южнорусскихъ говорахъ перешли въ дифтонгическія сочетанія указаннаго типа. Такимъ образомъ, въ южнор. говорахъ мы имѣемъ дуо͡м изъ до̄м изъ до̆мъ; мо͡д; изъ м'о̄д изъ мӗдъ; п'ie͡ч' изъ п'е̄ч' изъ пӗчь. Къ XII вѣку этотъ процессъ уже закончился: въ памятникахъ этого времени южнорусскихъ по языку и написанію мы имѣемъ: печь и дѣти съ одинаковымъ начертаніемъ ѣ, хотя эти два слова восходятъ къ разнымъ типамъ относительно звука *е*: слово *печь* имѣетъ *ĕ*, а слово *дѣти*—*ē*. Ясно, что *ĕ* въ словѣ *печь* и под. въ южнорусскихъ говорахъ къ этому времени стало *долгимъ* вслѣдствіе утраты конечнаго *ъ*, ставшаго *слабымъ*, *неслоговымъ* звукомъ. Такъ какъ начертаніе и звукъ ѣ мы имѣемъ вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ издревле были долгіе звуки *ē*, а иногда и тамъ, гдѣ доказанъ основной звукъ—дифтонгъ (см. выше, напр., въ мѣстн. п. ед. ч. основъ на-*ŏ*, въ формахъ 2-го лица ед. и мн. ч. повел.-желат. наклоненія и проч.), то—ясное дѣло, что ѣ слова печь и под. въ *южнорусскихъ* памятникахъ, гдѣ *нынѣ* мы имѣемъ *піч* или *пieч*—въ малорусскихъ говорахъ, свидѣтельствуетъ о древнемъ переходѣ въ южнорусскихъ говорахъ *ĕ* въ *ē*, *которое* въ разсматриваемую нами эпоху русскаго языка *перешло въ дифтонгическое сочетаніе ie͡*, откуда и получилось совре-

менное *піч'* или *печ'* по говорамъ съ различными оттѣнками въ послѣднемъ случаѣ. При этомъ, конечно, въ дифтонгическомъ сочетаніи *i͡e* необходимо предположить то первую, то вторую его часть слоговою или неслоговою, т. е. *i̯͡e*, откуда—*е*, или *i͡e̯*, откуда—*і* по говорамъ. Ниже мы увидимъ, что, *въ сѣверно-малорусскихъ* говорахъ до сихъ поръ сохранились дифтонги: *у͡о*, *ю͡о*, *і͡е*: *к'у͡онь*, *м'ю͡од*, *п'і͡еч'* и др. Срв. въ др. южнор. памятникахъ: **шѣсть**, **камѣнь** и проч. рядомъ съ: **сѣсти**, **горѣти** и проч. и при этомъ современное малорусское: *ш'іст'*, *камін'* (*кам'ін'ня*) и проч.

b) Явленія *среднерусскихъ* говоровъ.

1) Появленіе такъ называемаго *аканья*, которое было связано съ судьбой ударенія. Судьба же ударенія въ русскомъ языкѣ въ общихъ чертахъ сложилась къ этому времени въ слѣдующихъ главнѣйшихъ стадіяхъ: удареніе къ этому времени пріобрѣло *силу*, которой раньше не имѣло; эта сила ударенія сдѣлала ударяемый звукъ болѣе яснымъ и сильнымъ въ произношеніи, а *въ связи съ этой силой ударяемаго слога* произошло въ общемъ *ослабленіе неударяемыхъ слоговъ* слова, причемъ гласные не вполнѣ закрытые: *и*, *у*, *ы* *переходили* въ этихъ неударяемыхъ слогахъ, вслѣдствіе ихъ ослабленія *въ гласные неполнаго образованія*, а также такіе неударенные *а* и *о* перешли въ звукъ *ŏ* (неполнаго образованія), гласные: *е*, *ö*, *ä* перешли въ звукъ *ĕ* (неполнаго образованія). Напр., вŏдá, сĕлó, цвĕты́, плĕсáть, пĕстухá, пĕтухá, горŏдŏ, у́мрĕтĕ и под. изъ: во-да, се-ло, цве-ты, пля-сать, па-сту-ха, пе-ту-ха, го-ро-да, у-мре-те и под. Здѣсь мы обозначаемъ *черточками условно* самостоятельное и ясное звучаніе каждой части изъ приведенныхъ выше словъ въ эпоху до усиленія ударяемаго гласнаго, который, пріобрѣвъ силу, стянулъ около себя прочія ча́сти (звуковыя) слова, подчинивъ послѣднія своей силѣ и заставивъ прочіе гласные слова

ослабнуть и потерять самостоятельное звучаніе при полномъ образованіи *ясно* слышимаго звука, каковое было до этой эпохи. Затѣмъ въ судьбѣ ударенія по отношенію къ гласнымъ звукамъ наступило *усиленіе слога*, ближайшаго къ ударенію, въ положеніи этого слога *непосредственно передъ ударяемымъ* и съ гласнымъ неполнаго образованія. Такимъ образомъ, при произношеніи получалась градація въ силѣ звука гласнаго по мѣрѣ приближенія послѣдняго къ ударяемому гласному слова; напр., если мы обозначимъ условно числами силу каждаго гласнаго звука въ словѣ, то *трехсложное* слово съ ударяемымъ гласнымъ на концѣ (слово съ *тремя* гласными) по силѣ этихъ трехъ гласныхъ звуковъ слова получитъ слѣдующее числовое обозначеніе: 1-2-3; при этомъ числомъ 3 мы обозначаемъ наибольшую *силу* звука гласнаго въ данномъ словѣ и, слѣдовательно, обозначаемъ и *мѣсто* ударенія. Примѣръ: хŏро^{2}шá. Если мы обозначимъ относительную силу гласныхъ звуковъ этого слова не цыфрами, а буквами, принимая *ъ* за выраженіе слабѣйшаго изъ гласныхъ звуковъ этого слова, то въ фонетической транскрипціи этого слова послѣ наступившаго закона объ измѣненіи гласныхъ въ зависимости отъ ударенія мы получили бы его графическое изображеніе такое: хърŏшá. При этомъ еще проф. Потебня установилъ отношеніе по силѣ гласныхъ звуковъ между собой въ зависимости отъ положенія гласныхъ звуковъ слова относительно ударенія, причемъ оказалось, что сила звука, непосредственно стоящаго послѣ ударяемаго равна силѣ звука, находящагося въ слогѣ третьемъ передъ удареніемъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ предударному слогу. Такимъ образомъ, если слово *четырехсложное*, т. е. заключаетъ въ себѣ *четыре* гласныхъ звука, и удареніе въ немъ стоитъ *на третьемъ слогѣ отъ начала*, на третьемъ гласномъ, то *четвертый* гласный по силѣ своей оказывается равный *первому* гласному слова, а *второй* гласный (преду-

дарный) будетъ сильнѣе перваго и четвертаго, но слабѣе *ударяемаго* (третьяго). Значитъ, по формулѣ проф. Потебни отношеніе гласныхъ въ четырехсложномъ словѣ по ихъ силѣ другъ къ другу при удареніи на третьемъ слогѣ отъ начала слова выразится слѣдующимъ образомъ:—1 : 2 : 3 : 1. Цыфрою *три* обозначенъ *ударяемый* гласный слова. Напр., *пйрŏгáмй*, или при обозначеніи силы гласныхъ буквами: *пь*^{i}*ро*^{a}*гáмь*^{i} и под. Вслѣдствіе разсматриваемаго закона объ измѣненіи гласныхъ звуковъ въ зависимости послѣднихъ по положенію относительно ударенія, мы замѣчаемъ что *гласные неполнаго образованія* въ положеніи непосредственно передъ ударяемымъ гласнымъ въ *двусложныхъ* словахъ *переходятъ въ гласные полнаго образованія* при положеніи этихъ гласныхъ въ *трехсложномъ* словѣ непосредственно передъ ударяемымъ гласнымъ. Такимъ образомъ, гласный *о* въ словѣ *гŏдá неполнаго* образованія, и тотъ же гласный *о* въ словѣ *пŏго*^{a}*дй* будетъ уже *полнаго* образованія. Или сравните: *гŏдá* и *гŏрадá*, *пŏгадй*; *вŏдá* и *пŏвадá*; *сĕлó* и *в'ĕс'алá*, *вĕснá* и *прŏв'адý*, *с'ĕр'абрó* и проч. Эти два ряда произношеній существовали рядомъ и параллельно въ языкѣ вслѣдствіе наступившаго новаго закона въ *среднерусскихъ* говорахъ объ измѣненіи качества гласныхъ въ зависимости отъ измѣненія характера ударенія, къ этому времени пріобрѣвшаго *силу* и ставшаго *сильно экспираторнымъ* (основаннымъ на силѣ выдыханія) взамѣнъ утраты прежней *музыкальности* и *качества*, сохранившагося еще донынѣ отчасти въ сербскомъ языкѣ (см. выше). Въ этомъ и заключался фонетическій процессъ *аканья*.

Однако уже въ скоромъ времени этотъ гласный *а* (пŏвадá), находившійся въ слогѣ, ближайшемъ отъ ударенія *передъ* ударяемымъ слогомъ и *послѣ* слога съ гласнымъ неполнаго образованія (пŏвадá), появился и тамъ, гдѣ ему не предшествовалъ слогъ съ гласнымъ неполнаго образованія, а гдѣ онъ самъ находился въ слогѣ, ближайшемъ къ ударяе-

мому, а именно, *передъ* этимъ ударяемымъ слогомъ, т. е. въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова съ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала слова. Такъ, появилось произношеніе: *вадá* вм. бывшаго *вŏдá* при *пŏвадá*. Появилось произношеніе: *с'алó* вм. бывшаго *сĕлó* при *в'ĕс'алá* и под. (Шахматовъ). Но при этомъ обнаружилось также и обратное явленіе, т. е. обнаружилось вліяніе предшествовавшаго гласнаго неполнаго образованія въ *предшествующемъ* слогѣ на гласный *слѣдующаго* слога, ближайшій къ ударенію и притомъ полнаго образованія, такъ что гласный полнаго образованія передъ удареніемъ сталъ гласнымъ неполнаго образованія подъ вліяніемъ гласнаго неполнаго образованія въ предыдущемъ слогѣ. Напр., получилось рядомъ съ *гŏрадá* и *гŏрŏдá*, рядомъ съ *в'ĕс'алá* и *в'ĕс'ĕлá*. Таково фонетическое состояніе среднерусскихъ говоровъ въ общихъ чертахъ было въ разсматриваемую эпоху, разграниченіе же этихъ гласныхъ неполнаго образованія *ŏ*, *ĕ* и гласнаго *а* принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ и произошло *въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ*.

Наконецъ, если мы теперь возьмемъ во вниманіе слоги (гласные звуки), стоящіе въ словѣ *направо* отъ ударяемаго слога, т. е. послѣ ударенія, то замѣтимъ, что перевѣсъ въ силѣ получилъ тотъ слогъ, который былъ *наиболѣе удаленъ* вправо, къ концу слова, отъ ударяемаго слога. Именно, изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ въ сосѣднихъ слогахъ послѣ ударяемаго здѣсь *ŏ* и *ĕ* переходили въ *а*: напр., *слóвŏ*, но рядомъ: *óлŏва* (им. п. ед. ч.); *нарóд'ĕ*, но рядомъ въ то же время: *гóрŏд'а* (мѣстн. падежи ед. числа). А отсюда далѣе—по аналогіи и: *слóва* (им. п. ед. ч.), *нарóд'а*, съ одной стороны,—а: *óлŏвŏ*, *гóрŏд'ĕ*—съ другой стороны. И въ этомъ ряду звукосочетаній разграниченіе этихъ *послѣ-ударныхъ* звуковъ *ŏ*, *ĕ* и звука *а* въ этихъ случаяхъ (послѣ ударяемаго слога) принадлежитъ уже *отдѣльнымъ среднерусскимъ говорамъ* въ ихъ отдѣльной жизни.

с) Явленія *сѣверноруссkихъ* говоровъ.

1) Совпаденіе звуковъ *ч* и *ц* въ одномъ звукѣ, причемъ *позднѣйшіе два* звука *ч* и *ц* въ своемъ употребленіи не соотвѣтствовали первоначальному различію.

Мы знаемъ, при какихъ условіяхъ перешелъ въ общерусскій языкъ звукъ *ц* *изъ общеславянскаго* въ смягченномъ видѣ; знаемъ также, при какихъ условіяхъ получился звукъ *ц* въ самомъ общеславянскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго средненебнаго *к*; наконецъ, знаемъ и то *ц*, которое образовалось на почвѣ общеславянскаго языка *позже* и перешло и въ общерусскій языкъ. Такимъ образомъ, на основаніи предыдущаго мы знаемъ, что слова: *цѣна*, *церковь*, *чело*, *цѣлый*, *вѣнецъ*, *число*, *ночь*, *дочь*, *печь*, *свѣча* и проч. уже были получены общерусскимъ языкомъ съ такими звуками *ц* и *ч*, причемъ слова: *чело*, *червь* и под. имѣли еще въ *общеславянскую* эпоху звуки *ч* и съ такими звуками были получены *изъ этой эпохи* и *общерусскимъ* языкомъ, слова же: *ночь*, *дочь*, *печь*, *свѣча* и под. развили этотъ звукъ *ч* уже на *русской* почвѣ, однако еще въ *общерусскую* эпоху *до* распаденія. Стало быть, современное *сѣверноруссkое* (новгородское, вятское-котельнич. и друг.): *чена*, *чарь*, *чело*, *челый*, *черковь*, *вѣнечь*, *отроковича*, *дочь*, *свѣча* и под. развились уже на почвѣ отдѣльной жизни сѣверноруссkихъ говоровъ, и въ этихъ сѣверноруссkихъ говорахъ звуки *ч* и *ц* этихъ словъ, какъ и другихъ подобныхъ, не соотвѣтствуютъ въ своемъ употребленіи *первоначальному различію* ихъ въ этихъ словахъ. Это, конечно, произошло оттого, что сѣверноруссkіе говоры пережили *совпаденіе* первоначальныхъ звуковъ *ч* и *ц*, *смягченныхъ искони*, стало быть, *мягкихъ* по своей славянской природѣ, каковыми они были извѣстны и прарусскому языку, въ одномъ звукѣ, среднемъ между *ч* и *ц*: звукѣ $ч^{ц}$ или $ц^{ч}$. Необходимо допустить, что *діалектически* эти звуки совпадали въ одномъ среднемъ звукѣ *свистяще-шипящемъ* уже въ общерусскомъ языкѣ *на-*

канунѣ его распаденія, причемъ самое распаденіе на извѣстныя діалектическія группы было, между прочимъ, обусловлено и этой фонетической особенностью той діалектической группы общерусскаго языка, которая является въ общерусскій періодъ жизни русскаго языка прямымъ *предкомъ* современныхъ сѣверорусскихъ (сѣверновеликорусскихъ) говоровъ. Это предположеніе становится неопровержимымъ фактомъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что смѣшеніе звуковъ *ц* и *ч* засвидѣтельствовано *письменными* памятниками *новгородской* области уже *въ первый вѣкъ* существованія русскаго языка, засвидѣтельствованнаго письменными памятниками. Именно, въ Минеяхъ 1095—1097 г., не смотря на то, что это—памятникъ *церковной* письменности, хотя и *Новгородскій*, мы уже имѣемъ цѣлый рядъ написаній, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о томъ, что въ новгородской рѣчи уже въ XI-мъ вѣкѣ было развито явленіе *цоканья* и *чеканья*. Если это явленіе извѣстно даже изъ памятниковъ *церковной* письменности отъ XI вѣка, *памятниковъ, не оригинальныхъ* по языку и содержанію, то о памятникахъ оригинальныхъ и свѣтскихъ, каковыми являются новгородскія грамоты, и говорить нечего: въ нихъ живое народное произношеніе выступаетъ гораздо рѣзче. Весьма вѣроятно, что такое *свистящешипящее* („шепелеватое“) произношеніе этихъ звуковъ *ц* и *ч* восходитъ *не только діалектически къ общерусскому періоду*, когда это произношеніе было извѣстно, вѣроятно, *не одной*, а *нѣсколькимъ* діалектическимъ группамъ русскаго племени, *но и къ общеславянскому*, хотя *тоже діалектически*. (См. мое изслѣдованіе: „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“. Казань. 1896 г.). Это предположеніе основывается на томъ фактѣ, что въ русскихъ говорахъ, разсѣянныхъ *и на сѣверъ, и въ центръ, и на югъ*, мы встрѣчаемъ *спорадически* (не сплошь) слѣды совпаденія звуковъ *ц* и *ч* въ одномъ *среднемъ*, т. к. мѣна *ц* и *ч* и обратно сохраняется діалектически и донынѣ и въ бѣлорусскихъ, и въ южновеликорусскихъ, и даже въ

малорусскихъ говорахъ. Что же касается западно-славянскихъ и южнославянскихъ нарѣчій, то и здѣсь языки: польскій, словацкій, сербскій и друг. являются языками, которымъ въ большей или меньшей мѣрѣ знакома мѣна звуковъ *ц* и *ч*. (Срв. выше о рефлексахъ—отраженіяхъ общесл. сочетаній *č't'* и *d'ž'd'* въ славянскихъ языкахъ и объ отраженіи звука *к'* средненебнаго индоевропейскаго въ литовско-славянскую, общеславянскую эпохи и въ отдѣльныхъ слав. языкахъ).

2) Переходъ дифтонгическаго сочетанія *i͡e* (ѣ) въ *и* и въ *e*ⁱ закрытое. Это фонетическое явленіе, какъ и первое, извѣстно по памятникамъ *сѣвернорусской* письменности уже съ XI-го вѣка. Здѣсь мы имѣемъ нерѣдко: *тило* моѥ; к *жени*; *тьрьпиниѥ*; *претьрьпилъ* ѥси; *лицемирьствовавъ* и мн. др. въ памятникахъ новгородскихъ и псковскихъ. Срв. современное новгородское, вятское и др.: *си́но*, *хли́бъ*, *ди́ло* и под. (См. у Шахматова въ „Изслѣдованіи въ области русской фонетики", особенно данныя изъ Олонецкаго говора, гдѣ отмѣченъ звукъ *e*ⁱ передъ *твердымъ* слогомъ).

d) Западная часть *среднерусскихъ* говоровъ, какъ видно изъ данныхъ діалектологіи, пережила общія явленія съ польскими говорами. Именно:

1) Звуки *д'* и *т'* пріобрѣли здѣсь *свистящій* оттѣнокъ: бѣлор. *дзя́дзя*, *тсё́тся*, *дзѣ́тси*, *хадзи́ц'*, *несё́и'* и проч. Срв. польскія: *działo*, *dziady*, *rodzica*, *pic'*, *jes'c'*, *vidzę*, *kuc'*, *kochac'*, *pięc'*, *chodz'* и проч.

2) Мягкій *р* здѣсь утраченъ. Бѣлор. *рака́* (=рѣка), *тра́пка*, *пара́докъ* и проч. Срв. польскія: *rz* вмѣсто *r'*, причемъ *rz* произносится *твердо*: *porządek*, *rzec'* (=рѣчь), *przyjemnie* (пріятно) и проч. (См. мое изслѣдованіе: „Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи" въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь проф. В. Ѳ. Миллера).

Теперь мы переходимъ къ діалектическимъ звуковымъ явленіямъ *послѣ утраты единства р. языка.*

Лекція XXVI.

§ 49. Б) Діалектическія звуковыя явленія *послѣ утраты единства* русскаго языка, *общія нѣкоторымъ частямъ русскаго языка.*

а) Явленія, общія южнорусскимъ (малорусскимъ) говорамъ и западно-среднерусскимъ (бѣлорусскимъ).

Въ области звуковъ.

1) Распространеніе произношенія *в* какъ *ў* (*w*) въ концѣ словъ и передъ согласными. (Срв. выше діалектическія явленія въ области звуковъ, въ эпоху непосредственно *передъ* распаденіемъ русскаго языка). Напр., украин.-малор. *сынїw*, бѣлор. *сынóў*. Этимъ фонетическимъ явленіемъ обусловлено распространеніе и случаевъ смѣшенія предлоговъ *въ* и *у* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. Въ этихъ нарѣчіяхъ почти неизвѣстенъ звукъ *ф*, вмѣсто котораго мы слышимъ здѣсь *хв* и *х*. Напр., малор. *Хвéдор*, *Хвéдь*; бѣлор. *хвартук* и *хартук*, *хвортка*, *Хвилип* и др. Это совпаденіе въ фонетикѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій въ томъ, что оба они почти не знаютъ конечнаго *в*, вмѣсто котораго въ большинствѣ случаевъ является *ў*, а въ связи съ этимъ и вообще почти полное отсутствіе глухого, беззвучнаго *ф*, вмѣсто котораго является *х* или *хв*, ясно свидѣтельствуетъ намъ о пережитой совмѣстной жизни въ прошломъ этихъ двухъ нарѣчій, которыя, очевидно, не знали измѣненія конечнаго согласъ-

наго *звонкаго* въ *глухой* и обращенія *звонкаго* согласнаго передъ глухимъ въ глухой. Срв. великор. *сыно́ф* и малор. *сыни́w* при бѣлор. *сыно́ў*: звукъ *ў* или *w* во всякомъ случаѣ—*звонкій*, а не глухой; звукъ же *ф*—*глухой*, почему его мѣсто и занялъ звукъ *х* въ указанныхъ нарѣчіяхъ въ эпоху измѣненія звонкихъ въ глухіе передъ глухими. См. выше.

2) Распространеніе произношенія *л* какъ *ў* въ концѣ словъ и передъ согласными. Напр., малор. *воўк*, *вошк*, *ходыў*, *ходыw* и проч.; бѣлор. *воўк*, *спаў*, *даў*, *взяў*, *ходиў* и проч.

3) Переходъ *сильно-иррацiональныхъ и* и *ы* (См. выше—эпоху наканунѣ распаденія), образовавшихся изъ древне-русскихъ *ъ* и *ь*, въ тѣхъ положеніяхъ, гдѣ послѣдніе *не могли выпасть*, въ *и* и *ы полнаго образованія*. Напр., *крывавий*, *улытаты*, *улытай*, *дрыжаты*—въ малор. нарѣчіи; *дрыжы́ть*, *тривво́а*, *блисти́ть* и др.—въ бѣлор. нарѣчіи. Срв. древнее русское: *кръвав*, откуда *крывав* черезъ *крвав*, но: *кръвь*, откуда по исчезновеніи конечнаго слабаго *ъ*—*кров'*. Ср. древнее: *глотати* изъ *глътати* черезъ *гътати*—*глытати*. Срв. *дръжати*—*држати*—*дрыжати*, но: *дрож'*. Или: *тревога*—*трьвога*—*тръвога*—*тривога*. Срв. также: *бльскъ*, *блъстѣти*—*блстѣти*—*блистѣти*... Это же измѣненіе старыхъ *ъ* и *ь* въ *ы* и *и* мы имѣемъ и въ положеніи ихъ передъ *й* (*j*): *ший*, *бий* и др., хотя *діалектически* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *извѣстно* и другое измѣненіе сильно-иррацiональныхъ *и* и *ы*. См. ниже.

4) Отвердѣніе звуковъ *ж*, *ч*, *ш*: *жыть*, *слышыш*, *чын* и проч. въ малор. и бѣлор. нарѣчіи.

5) Появленіе звукового сочетанія *дж* вмѣсто *ж* изъ общесл. *d'ž'd'* изъ *dj*. Напр., *роджу*, *суджу*, *меджа*, *ходжу* и друг. Срв. малор. *виджу*, *роджу*; бѣлор. *урыджай* (*урожай*), *праваджаць* (*провожать*) и под.

6) Ассимиляція *j* предшествующимъ согласнымъ, напр., *з*+*j*=*з'з'*, *лj*=*л'л'* и под., гдѣ *j* уподобляется согласному, стоящему передъ нимъ или, что то же, *j* переходитъ въ такой

же согласный, какой стоялъ передъ нимъ въ соотвѣтствующихъ словахъ другихъ нарѣчій и другой, болѣе ранней эпохи. Напр., малор. *зілля* изъ *зелье—зелјä—зелі̯е—зелиѥ*. (См. общія явленія эпохи непосредственно передъ распаденіемъ—выше). Или: малор. *ніччу=ночью=ночию=ночјю*. *Ночь* по малорусски: *ніч*. См. выше. Такъ же: *суддя́*, *бо́жжа*, *свиння́* и под. Бѣлор. *суддзя́*, *свиння́*, *ко́ззя*, *наллю́* и под.

7) Отвердѣніе *губныхъ б, в, м, п, ф* передъ *мягкими* согласными и въ концѣ словъ. Напр., въ малор. *сім* вм. *семь*; *восім* вм. *восемь*; *зэмлю*, *любов*, *кров* (или: *любоў*, *кроў*—по говорамъ), *γолуб*, *сып* (=*сыпь*); *пъю*, *бъю* (=*пъју—пју*), *мъясо* (діалектически: *мнясо*). Въ бѣлор. *сем*, *восем*, *землю*, *пъю*, *γолуб*, *сып*, *любов* (*любоў*, частью и *любоф*) и под.

8) Переходъ неударяемаго *и* послѣ гласнаго и въ началѣ словъ въ *й* (і̯): млр. *йму*, *ймеш*, *наймую* и проч. Вслѣдствіе этого въ малор. нарѣчіи начальное неударяемое *й* (і̯) часто отпадаетъ тамъ, гдѣ оно должно было бы оставаться: *γрати* изъ *йγрати* изъ *играти* или: *γолка* изъ *йγолка* изъ *иголка* и друг. Въ бѣлор. *йрваць (рвать)*, *нейдзѣ* (*не иде*, *не идетъ*), *за йзвозчика*, *пайскаць (поискать)* и под.

9) Появленіе приставочныхъ *в* и *г* передъ начальными *у* и *о*. Напр., малор. *вусениця* вм. *усеница* (срв. *заусеница*), *вутка*, *γорати* и *ворати* (орать=пахать; оратай=пахарь), *не вміла=не умѣла*, *вумний=умный*. Вслѣдствіе этого здѣсь—чередованіе *в* и *γ*: *воробей* и *γоробець*, *вусли* и *γусли*, *вус* и *γус* (=*усъ*) и под. При этомъ надо замѣтить, что вышеприведенное *не вміла* (въ пѣснѣ), вѣроятно, изъ *не ўміла*, а, можетъ быть, черезъ *не вуміла*. Въ бѣлор. такъ же: *вутка*, *вусы́*, *γораць*, *γострый* и *вострый* изъ *острый* и проч.

Изъ этого общаго обзора фонетическихъ явленій, пережитыхъ вмѣстѣ и южнорускими (малорусскими—впослѣдствіи), и бѣлорусскими (впослѣдствіи) нарѣчіями, т. е. западной частью среднерусскихъ гововоровъ, мы заключаемъ, что эти

говоры въ прошедшемъ были долгое врѣмя связаны другъ съ другомъ *общею судьбою*, переживали *общую исторію* и, слѣдовательно, предполагаютъ собой *эпоху единства южнорусскихъ и западно-среднерусскихъ говоровъ*, т. е. *эпоху малорусско-бѣлорусскаго единства*. Это же подтверждаетъ и морфологія, и синтаксисъ, и удареніе этихъ говоровъ.

Въ области формъ.

1) Сохраненіе падежныхъ формъ со звуками *з*, *ц*, *с* въ именахъ съ основами на задненебные (гортанные) согласные. (*Новые основы* послѣ утраты конечныхъ *ъ* и *ь*. Напр., основою слова съ *исторической* точки зрѣнія въ словѣ *порогъ* была основа на-*ŏ*, общерусское и общеславянское *ъ*, а основою этого слова *порогъ* въ *современномъ* русскомъ языкѣ является уже основа на *г*: *порог-*, т. к. мы теперь уже забыли представленіе о старыхъ основахъ, къ которымъ присоединялись падежные суффиксы, и разсматриваемъ часть слова этого *порог-*, какъ часть, *неизмѣняемую* при перемѣнѣ падежныхъ окончаній, т. е. какъ *основу* этого слова въ склоненіи его). Напр., въ малор. *ў боци* (=*въ боки*, *въ бокá*), *руцй* (=*рукъ*), *на порози*, *ў страси* (*въ страхъ*) и под. Бѣлор. *на парозъ*, *ў боцихъ*, *ў вусъ* (*въ ухъ*), *дзъўцъ* (*дѣвкъ*), *жоницъ* (*жонкъ*). Срв. въ млр. дат. п. ед. ч. *жінці* (*жонкъ*), но род. ед. *жінки* и проч. Слѣдовательно, звуки *з*, *ц*, *с* въ падежныхъ формахъ въ этихъ нарѣчіяхъ сохраняются тамъ, гдѣ эти звуки были и въ древнемъ русскомъ и въ старосл. языкѣ, т. е. въ мѣстн. и дат. ед. ч. и въ имен. и мѣстн. п. мн. ч.: срв. древне-русское и старославянское склоненіе: рѫка, род. рѫкы, но дат. и мѣстн. рѫцѣ, им. п. мн. ч. рѫкы, но въ муж. родѣ: оучєнци и мѣстн. мн. ч. оучєнцѣхъ, т. е. *г*, *к*, *х* переходятъ въ *з*, *ц*, *с* передъ *ѣ* и *и* дифтонгическаго происхожденія изъ *оі*. См. выше: вълци, вълцѣхъ, вълцѣ или: нозѣ; врѫзи, врѫзѣ, врѫзѣхъ; стрѫси, стрѫсѣ, стрѫсѣхъ

и под. Или: дат. и мѣстн. ед. ч. жен. рода: кинzѣ и под. Въ этомъ, конечно, заключается *архаизмъ* данныхъ двухъ нарѣчій русскаго языка, и въ другихъ нарѣчіяхъ его мы этого архаизма нынѣ уже не имѣемъ, кромѣ единичныхъ и вообще очень рѣдкихъ случаевъ.

2) Сохраненіе формы *зват.* падежа на *е, о, у*, причемъ окончаніе *у* имѣется не только въ мягкихъ основахъ муж. рода, но и въ основахъ на гортанный (задненебный) звукъ. Напр., въ млр. *сы́нку* (у Гоголя), *снігу, во́вку* (но и: *вовче*: „кусь мене, вовче"), *жінко, Оксано, голубонько, хлопче, козаче, „Боже жъ мій", свате, ку́ме, ко́ню* и под. Въ бѣлор. *сынку, батько, Науме* и др.

3) Сохраненіе нѣкоторыхъ единичныхъ формъ *двойств.* числа въ именахъ жен. рода. Напр., въ малор. галицкомъ (въ Австріи) нарѣчіи: *дві нозі, дві руці, три дорозі* и др. Въ бѣлор. *тры бядзѣ.*

4) Распространеніе окончанія 1-го лица мн. ч.—*мо* вмѣсто *мъ*(*м*): малор. *ведемо́, мы їмо́* (мы ѣдимъ), *хвалымо́, пи́шемо* и под. Въ бѣлор. *спимо́, дамо́, бяжымо́* и под.

5) Появленіе окончанія *пов.* наклоненія: *ѣм*(*ъ*), *ѣте* вм. *им*(*ъ*), *ите* въ глаголахъ съ примѣтою *и* типа *хвалити.* Напр., малор. *хвалім, хваліте*, гдѣ *ім, іте*, какъ показываетъ звукъ *і* = въ малор. нарѣчіи ѣ, образовались изъ *ѣмъ, ѣте*, которыя въ сущности могли быть окончаніями повел. наклоненія только отъ глаголовъ съ *согласною* основой типа: *нести, везти* и под., откуда пов. накл.: *несѣмъ, несѣте; везѣмъ, везѣте.* Такимъ образомъ, малор. *хвалім, хваліте*, какъ видно, *не фонетическое* явленіе, а явленіе *морфологіи*, т. е. занесеніе окончанія пов. наклоненія глаголовъ I-го класса типа *нести* въ пов. наклоненіе глаголовъ IV-го класса типа *хвалити,* вѣроятно, подъ вліяніемъ произношенія ѣ какъ *і* (мягкое), съ одной стороны, и *ы* какъ *и* (среднее),—съ другой, откуда возможно было смѣшеніе двухъ видовъ *і* средняго и

мягкаго. Срв. въ малор. *ми́ло*=великор. *мы́ло* и *ми́ло*, причемъ малор. *мило* произносится съ среднимъ *и*: *и*^{ы} или *ы*^{и}: *мы́*^{и}*ло*, *ми́*^{и}*ло*. Въ бѣлор. также, напримѣръ, *да хадзя́ць*, малор. *ходи́м*, а не: *ходи́м*, наше: „пойдёмъ“!—отъ другой основы. Срв. въ древне-бѣлор. *хвалѣте* и друг.

6) Исчезновеніе формъ *причастія* (=дѣепричастія) на *а*, *я*: *ведя* изъ *веда*, *неся* изъ *неса*, *уча* изъ *уча* (орѳ. *уча*), *хваля* и под., вмѣсто которыхъ стали употребляться формы на: *учи*, *ючи*, *ячи* (морфологически-русскія формы имен. п. ед. ч. жен. рода краткаго окончанія), т. е. *си́дючи*, *гля́дючи*, *пишучи*, *ходючи*, *играючи*, *ждучи* и под., причемъ *си́дючи* и под. уже имѣютъ *ючи* вм. *ячи* по особенности произношенія рус. говоровъ, въ которыхъ окончанія 3-го лица мн. ч. наст. времени *атъ* и *ятъ* II-го спряженія въ произношеніи, *при неударяемости гласнаго звука этихъ окончаній*, переходятъ въ *утъ*, *ютъ*, т. е. въ I-ое спряженіе: *ходют*, *носют*, *возют* и проч. Срв. *сидя́т*, но: *си́дючи* и под. выше.

7) Сохраненіе окончаній *ем*, *ех* древнихъ основъ на *ь* (*ѣ*). Напр., въ др. русскомъ языкѣ: костьмъ, костьхъ, дьньмъ, дьньхъ и под. Въ малор. и бѣлор.: *костем*, *костех*; бѣлор. *сянёх*, *лошадёх*, *костёх* и др. Вмѣстѣ съ этимъ начинается распространеніе этихъ окончаній *ем*, *ех* и даже *ох* (изъ основъ на *й*: домъхъ, сынъхъ) на другія основы. Млр. *людёх*, *лісох*, *конёх*; блр. *кораблёх*, *калачо́х*, *ў нутро́х*, *рублёх* и др.

8) Появленіе стяженныхъ формъ въ именахъ прилагательныхъ.

Напр., въ малор. вмѣсто *молодая дѣтина* мы имѣемъ: *молода́ дити́на*; вм. *доброе—добре*, вм. *бѣлыји—билы*; вм. *добрѣи*—въ дат. п. ед. ч. жен. рода—мы имѣемъ: *добрíи*, откуда *добри* и проч. Въ бѣлор. мы имѣемъ: *бѣла*, *сѣра* (*утица*), *синю*, *чистѣ* вм. *чистое*; *вясёлы* вм. *веселые* и друг. под. Въ им. п. ед. ч. вмѣсто *ый*, *ій* мы находимъ и въ малор. и въ бѣлор.—*ы*, *и*: *сини*, *уолы*, *святы́*, *ма́лы* и под.

9) Употребленіе, почти исключительное, окончанія *у* въ мѣстн. п. ед. ч. словъ муж. и ср. рода, въ особенности въ словахъ на задненебную (гортанную) согласную. Млр. *в у́ху, хло́пцю, весіллю, чоловіку* и др. Бѣлор. *ў полю, ў у́ху, на коню́, при каню́, на ко́нику, на рынку, на рыно́чку* и др.

10) Появленіе окончанія *е* вмѣсто *и* въ 3 лицѣ ед. ч. наст.-буд. времени глаголовъ типа *хвалити*, т. е. во II спряженіи съ основой на-*и*. Малор. *говóре, лю́бе, хóде*... Бѣлор. *косе, хóдзе, кýпе*...

Въ области синтаксиса.

1) Общее малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ образованіе описательной формы будущаго времени глаголовъ при посредствѣ присоединенія глагола *і́му, і́меш, і́ме* (*т*)... (наст. время отъ гл. *имѣти—имати*) къ формѣ неопр. наклоненія спрягаемаго глагола: малор. *звати+иму= зва́тиму, зва́тимеш, зва́тиме, зва́тимуть* и под. *Зна́тиму, знатимуть*... *писа́тиму, хвалитимеш*; бѣлор. *рабі́цыму* и друг.

2) Вытѣсненіе древнихъ формъ *двойств.* числа имен.-вин. падежа формами множ. числа въ именахъ муж. рода. Напр., малор. *два сыны, два козаки*... Бѣлор. *два браты, два паны́, два ваўкі́*....

3) Сохраненіе различія между формами родительнаго и винительнаго п. мн. числа въ названіяхъ животныхъ. Млр. род. *конів*, винит. *коні*; род. *рыб*, вин. *рыбы*. Бѣлор. *ко́няй* и *ко́ни, саба́к* и *саба́ки*.

4) Распространеніе мѣстоименной основы *як-* на счетъ *как*: млр. *якій-то, як-небудь*; бѣлор. *якійся, яка́сь, яку́сь*, какъ и въ малорусскомъ.

5) Употребленіе предлога *за* съ вин. падежомъ при сравненіяхъ вм. нашего великорусскаго *чѣмъ* съ имен. падежомъ:

малор. *„земля бильша за місяць“*; бѣлор. *„паме́ній за яго“* = поменѣе, чѣмъ онъ; или: поменьше его.

6) Измѣненіе предлога *съ* въ *зъ* подъ вліяніемъ фонетическихъ причинъ и вызванное этимъ смѣшеніе предлога *съ* съ предлогомъ *изъ*. Напр., малор.-бѣлор. *з тых часів, з того року, з того разу; из нами, из вами; що с того, що из того* и под.

Въ области удареній.

1) Частый переносъ ударенія *съ предлога на зависящее имя*: по лѣ́су, под но́ги, на сто́роны—въ бѣлор., на зе́млю, під го́лову, на бе́ріг, до мо́сту, за ду́шу и др.—въ малор.

2) Формы женскаго рода въ причастіи на-*лъ* нерѣдко принимаютъ удареніе *средняго* рода. Напр., малор. спа́ла, бра́ла, жда́ла, взя́ла, да́ла, пода́ла, віддала́ и др. Бѣлор. спа́ла, зва́ла, бра́ла, ўзя́ла и друг. При предлогахъ удареніе съ предлога переносится *на корень во всѣхъ родахъ*: млр. порва́ла, наня́в, наня́ла, піднесла, поме́р, ўме́р и под. Въ бѣлор. уме́р, адда́ли, падня́ли, приня́ли, заня́ў и под.

Лекція XXVII.

§ 50. б) Явленія, общія сѣверноруссκимъ (сѣверновеликорусскимъ) и среднерусскимъ (бѣлорусскимъ и южновеликорусскимъ) говорамъ. Т. е. явленія *всего* будущаго великорусскаго нарѣчія. Уже изъ этого видно, что общія явленія всей великорусской (*будущей*) рѣчи предполагаютъ собой продолжительную совмѣстную жизнь *въ прошломъ* у тѣхъ нарѣчій, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ такъ называемой Великороссіи и великорусскаго языка въ отличіе его отъ всей

массы говоровъ такъ называемой Малороссіи и малорусскаго языка. Ясно, что, различая явленія, общія свр., ювр. и блр. нарѣчіямъ, съ одной стороны, и явленія, общія малорусскому и бѣлорусскому нарѣчію,—съ другой, мы тѣмъ самымъ отмѣчаемъ *общую судьбу* въ исторіи, въ жизни этихъ связанныхъ между собою общими явленіями нарѣчій, изучаемъ исторію этихъ говоровъ или эти говоры въ ихъ исторіи. Такимъ образомъ, мы строимъ *лингвистическія эпохи:* сѣверно-и среднерусскаго единства, съ одной стороны, и эпоху южно-западно-среднерусскаго единства,—съ другой. Только при такомъ построеніи, которое вытекаетъ само собой изъ данныхъ русской діалектологіи при сравнительно-историческомъ изученіи этихъ данныхъ, становятся понятными и объяснимыми сходныя и тождественныя діалектическія явленія въ области различныхъ русскихъ говоровъ. Чѣмъ болѣе близокъ одинъ говоръ къ другому, тѣмъ болѣе продолжительная была ихъ совмѣстная жизнь въ ихъ исторіи, въ ихъ прошломъ. И, наоборотъ, чѣмъ менѣе близокъ одинъ говоръ къ другому, тѣмъ менѣе продолжительна была ихъ совмѣстная жизнь въ прошломъ, тѣмъ ранѣе они отдѣлились другъ оть друга и начали независимую жизнь. Эти выводы историко-сравнительнаго изученія русскихъ говоровъ подтверждаются и фактами русской политической и культурной исторіи, въ которой мы находимъ указанія на различныя политическія комбинаціи древнихъ русскихъ областей и племенъ въ періодъ отъ удѣльной Руси и вплоть до образованія центральнаго Московскаго Государства въ XVI-мъ вѣкѣ съ его видоизмѣненіями, наступившими въ XVII-мъ вѣкѣ. Не надо только смѣшивать близость нарѣчій, образовавшуюся эволюціонной исторіей этихъ нарѣчій, съ близостью вслѣдствіе позднихъ колонизаціонныхъ насильственныхъ переселеній: послѣдняго рода близость всегда выдаетъ себя тѣмъ несоотвѣтствіемъ даннаго говора съ его сосѣдними говорами, какое замѣчается нерѣдко въ различныхъ областяхъ въ

поздніе періоды русской исторіи, въ эпоху крѣпостной зависимости крестьянъ отъ воеводъ и помѣщиковъ.

Въ области звуковъ.

1) Переходъ дифтонгическаго сочетанія *ie͡* (ѣ) въ *е закрытое передъ мягкими* согласными и въ *е открытое въ другихъ случаяхъ*, т. е. передъ твердыми согласными и въ концѣ слова и фразы. Срв. сѣверноруссное и среднерусское произношеніе слова: ме́ра и ме́рить, де́ло и въ де́ле, се́ла и се́ли, на стале́ и „на стале́ лечь“ и проч. Фонетически слѣдовало бы изобразить эти различія въ произношеніи вышеприведенныхъ словъ и выраженій приблизительно такъ: *м'е́ᵃрă* и *м'е́ⁱр'ĭт'*, *д'е́ᵃлŏ* и *вд'е́ⁱл'ĕ*, *с'е́ᵃлă* и *с'е́ⁱл'ĭ*, *нă стал'е́ᵃ* и *нă стал'е́ⁱ л'е́ⁱч'*. Срв. также *м'е́ᵃл* и *м'е́ⁱл'*. (Гротъ).

2) Переходъ звуковъ *ă, ŏ, ĭ послѣ мягкихъ* согласныхъ въ *а, о, у*. (Срв. *болѣе ранній* переходъ этихъ же звуковъ *послѣ издревле смягченныхъ* звуковъ—выше, въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка, когда это звуковое явленіе было *общимъ*, а не діалектическимъ. Припомнимъ примѣры *колја* изъ колјă изъ колјă изъ колиje—колнѣ; *жона* изъ žŏna изъ ž'ena; *лицу* изъ licĭ—лицю и друг.). Теперь мы имѣемъ: среднерусское: *уцёк, пёс, нёс* подъ удареніемъ; сѣв.-русское: *нёс, нёсла́, сёло́*. Древне-русскія: *есмя, естя*; свр. и ювр. *меня, тебя*; діалект. сѣвернорус. *да́йтя, грузи́тя, е́стя*—3 л. ед. ч. (Ярослав. Пошехон). *Діалектически* звуки *ŏ* и *ĭ* сохраняются *передъ мягкими* согласными, *особенно между мягкими согласными*: ювр. *т'ŏ́тя, бjŏ́ть, бjĭ́ть, пjĭ́ть*, и под. Срв. выше.

3) Вытѣсненіе (*нефонетическое*) звука *е* изъ ѣ звукомъ *ё*, восходящимъ къ *ŏ*. Напр., сѣвернорус. и среднерус. *вёдра* изъ *в'ŏ́дра* изъ *в'е́дра* изъ вѣдра. Такъ же: *гнёзда, убёг, звёзды* и друг.

4) Появленіе звука *е открытаго передъ твердымъ* согласнымъ, съ одной стороны, и появленіе звука *е открытаго* изъ *е закрытаго* въ положеніи *передъ отвердѣвшею* согласною,—съ другой. Дѣло въ слѣдующемъ: звукъ *е открытый* былъ извѣстенъ въ разсматриваемыхъ говорахъ въ положеніи *передъ твердыми* согласными *и въ концѣ* слова; (См. выше, въ этомъ же отдѣлѣ, пунктъ 1); подъ вліяніемъ этого *е открытаго* въ означенномъ положеніи *передъ твердыми* звукъ *е открытый* появился *и передъ отвердѣвшею* согласною *вмѣсто* звука *е закрытаго*, который былъ здѣсь еще *до отвердѣнія* согласной. Напр., старыя: **коньць, отьць** и под. имѣли ц *мягкое* даже и тогда, когда, въ эпоху наканунѣ распаденія русскаго языка, звукъ ь, какъ *сильный* ирраціональный, передъ этимъ ц, обратился въ звукъ *е* полнаго образованія, а конечный ь, какъ *слабый* ирраціональный, *исчезъ*, т. е. когда получилось: *конéц'*, *отéц'*. Въ эту эпоху звукъ *е* былъ еще *закрытый*, п. ч. звукъ ц *не отвердѣлъ еще*, слѣдовательно, было: *кон'é^{i}ц'*, *от'é^{i}ц'*, откуда въ говорахъ, гдѣ развилось въ связи съ измѣненіемъ характера и силы ударенія *аканье*, получилось: *кан'é^{i}ц'*, *ат'é^{i}ц'* съ *е^{i} закрытымъ*; когда же *ц* отвердѣло, то предшествующій звукъ *е^{i}* закрытое перешло въ *е^{a} открытое* подъ вліяніемъ *е^{a} открытаго* передъ искони твердымъ согласнымъ, напр., *с'е^{a}ло́*, *м'é^{a}ра*; такъ получилось: *кан'é^{a}ц*, *ат'é^{a}ц* и проч. Срв. діалект. *с'é^{a}м*, *в'é^{a}рх* и проч. Кромѣ того, звукъ *е^{a}* открытый появился *по звуковой аналогіи* въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ вмѣсто звука *ё*, который отсюда былъ вытѣсненъ подъ вліяніемъ формъ, гдѣ звука *ё* не было, а былъ звукъ *е^{i} закрытый передъ мягкими* согласными въ грамматическихъ окончаніяхъ. Такъ здѣсь появились формы: ювр. и блр. *б'яр'é^{a}м*, *в'яз'é^{a}м*, *пл'яц'é^{a}м*.

Въ формѣ *пл'яц'é^{a}м* при произношеніи звукъ *ц* еще и до сихъ поръ *мягкій*, т. к. вообще звукъ *ц отвердѣлъ* раньше всего *въ концѣ словъ* (Срв. выше), а здѣсь онъ въ серединѣ слова. Въ сѣверповеликорусскомъ мы имѣемъ, хотя *рѣдко*,

напр, *в'е^{i}д'е^{a}м* и др. Срв. при этомъ въ ювр. и блр. *б'е^{i}р'е^{i}т'*, *в'е^{i}з'е^{i}т'е^{a}* и *в'аз'е^{i}т'е^{a}*, *пл'ащ'е^{i}т'* и под., гдѣ *е^{i} закрытое фонетически* въ положеніи передъ старыми *мягкими* согласными:—*ть* въ 3 л. ед. ч.,—*те* во 2 л. мн. ч. Что касается окончанія—*шь* и-*ши* во 2-мъ лицѣ *единств.* числа, то здѣсь о звукѣ *ш* мы то же можемъ сказать, что выше говорили о звукѣ *ц* такихъ словъ, какъ *отец* изъ *отець* и проч., т. е. звукъ *ш* былъ здѣсь *мягкимъ*, и, пока онъ былъ мягкимъ, формы въ родѣ *пляце^{i}ш'* и под. имѣли передъ нимъ *е^{i} закрытое*, но когда звукъ *ш* отвердѣлъ, то получилось передъ нимъ *е^{a} открытое* подъ вліяніемъ звука *е^{a} открытаго*, стоявшаго передъ твердыми согласными, а частью оно въ этихъ случаяхъ перешло въ *ё* черезъ *ӧ*, такъ что: *пл'яц'е^{i}ш'*—*пл'яц'ёш* и *пл'яц'е^{a}ш* и под. Такимъ образомъ, въ формахъ въ родѣ: *берёмъ* мы имѣемъ *фонетически* образовавшееся *ё* черезъ *ӧ* изъ *е* передъ твердымъ согласнымъ, но въ произношеніи (ювр. и блр.) этой формы: *бере^{a}м* мы уже имѣемъ *не фонетическое е^{a}*, появившееся здѣсь вмѣсто *е^{i}*, бывшаго въ формахъ: *бере^{i}ть*, *бере^{i}те* и под., гдѣ мы имѣемъ *фонетически* образовавшееся *е^{i}* закрытое. Стало быть, въ ювр. и блр. нарѣчіяхъ вытѣснено *ё* звукомъ *е^{a}* подъ вліяніемъ звука *е^{i}*, причемъ этому вытѣсненію способствовали въ разныхъ случаяхъ *отвердѣвшіе* къ этому времени согласные изъ старыхъ мягкихъ. Такъ же образовались въ блр. нарѣчіи *уме^{a}рли*, *прыне^{a}сло* подъ вліяніемъ *е^{i}* въ *ум'е^{i}р'ци*, *прын'е^{i}с'ц'* и под.

5) Появленіе звука *е* вмѣсто *я* въ конечномъ открытомъ *ударяемомъ* слогѣ, развившееся благодаря установившемуся чередованію звука *е* открытаго *ударяемаго* и звука *е* открытаго *неударяемаго*, съ одной стороны, и совершенной единичности чередованія звука *а* (*я*) ударяемаго съ звукомъ *е* неударяемымъ. Напр., въ блр. мы имѣемъ вмѣсто: *спи́ця*, *бяжы́ця* и под. *спице́*, *бяжыце́* подъ вліяніемъ чередованія *е́* и *е* въ *пляце́* и *ѣдзе*, откуда, съ одной стороны, *пляци́це*, *заве́це*,

какъ *ѣдзе*; ст. другой,—*спицé*, *бяжыцé*, какъ *пляцé* и под. Въ свр. нарѣчіи: *хотитé*, *ѣдитé*, *несетé* подъ вліяніемъ формъ *хóдите*, *игрáете* и др. со звукомъ *е* неударяемымъ при формахъ: *ведé*, *берé*, но: *ѣде*, *сóхне*, *стáне*, *бýде* и под. Срв. *бѣлор. діалектическое*: *спíцё*, великор. *хотúтё* вмѣсто: *спиця́*, *хотитя́* подъ вліяніемъ чередованія *ё* съ неударяемымъ *е*. Срв. *пóле* и *пóлё* при *несё* и под.

6) Измѣненіе *сильно*-иррацiональнаго *ы* передъ *й*, въ *ӧ*, *не смягчавшее* предшествовавшей согласной. Такъ образовалось здѣсь: *добрӧй*, *слѣпӧй*, *мӧю* изъ *добрый*, *слѣпый*, *мыю*. Изъ этого звука *ӧ* *въ сѣверноруссномъ и восточномъ среднерусскомъ* образовалось *о*: *доброй*, *слѣпой*, *мою*; а *въ западномъ среднерусскомъ* (и нѣкоторыхъ сѣверноруссныхъ, хотя очень рѣдко) изъ этого *ӧ* образовалось *э*: *добрэй*, *слѣпэй*, *мэю*. Діалектически въ ювр. (среднерусскомъ) сохраняется звукъ *ӧ* изъ *ы*: Калуж. Жиздр. (Шахматовъ)—*мӧю*, *крӧю* и друг.

Въ области формъ.

1) Стремленіе къ еще большему сближенію твердыхъ и мягкихъ основъ въ склоненіи. См. выше діалектическія явленія въ области формъ въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка. Отсюда возникло *вытѣсненіе звука ѣ* въ имен.-вин. п. множ. ч. муж. и жен. рода и въ род. п. ед. ч. жен. рода мягкихъ основъ: *кони*, *ужы*, вм. *конѣ*, *ужѣ*, *мужѣ* и под.; *земли́*, *душы́* вм. *землѣ*, *душѣ*. Рядомъ съ этимъ въ твор. п. ед. ч. жен. рода мы видимъ *ёю* вм. *ею*: *землёю*, *душóю*, *семьёю* и под. Въ блр. даже въ мѣстоименіяхъ: *таёю*, *ўсёю*, *маёю*, *тваёю* и под. Срв. въ твердыхъ основахъ: *горóю*, *водóю*, *тьмóю* и под. Далѣе, вслѣдствіе наступившаго при этомъ совпаденія трехъ формъ въ падежахъ женскаго рода, именно, *земли́*—для *род.*, *дат.* и *мѣстнаго* ед. числа, всѣ эти три падежа получили возможность имѣть и

въ другихъ основахъ женскаго рода *общее окончаніе*: напр., въ великор. и бѣлор. нарѣчіяхъ окончаніе—*ой* именъ прилагательныхъ стало переноситься изъ род. п. ед. ч. женскаго рода въ дат. и мѣстный падежи ед. числа. Такъ получилось: *молодóй* въ род., дат. и мѣстн. п. ед. ч. жен. рода изъ формы первоначально только *род. падежа*: *молодыѣ—молодыѣ—молодóѣ—молодóй—молодой*. (О звукѣ *ó* изъ *ы* см. выше). Эта форма *молодóй* (*молодые—молодыѣ—молодóѣ*) стала формой и дат. и мѣстн. падежа, кромѣ родительнаго. Такъ объясняется появленіе формы *молодэ́й* въ говорахъ, имѣющихъ *э* изъ *ы* передъ *й*. Напр., ювр. *маладэ́й*—Калуж., Тульск., Орловск. губ. Бѣлор. *улупэ́й*, *дурнэ́й*, но: *чюжы́й*. Сѣверновеликор. *сѣрэ́й*, *другэ́й*,—Олонец. губ. Самыя окончанія род. п. ед. ч. жен. рода прилагательныхъ, т. е.-*ый*, откуда-*óй*,—*ой* (см. выше) въ великор. и бѣлор. говорахъ явились *нефонетически* вмѣсто-*ые*,—*ое* изъ-*ыѣ*,—*оѣ* подъ вліяніемъ формъ дательнаго и мѣстнаго п. ед. ч. на-*ой*. (Срв. выше сказанное объ образованіи *членныхъ* прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ въ эпоху общерусскаго единства въ отличіе отъ образованій общеславянскаго періода. *Здѣсь же* необходимо различать распространеніе окончаній-*ой* на формы род. падежа ед. ч. именъ прил. женскаго рода *въ болѣе раннюю эпоху* отъ распространенія окончанія-*эй* (черезъ-*óй* изъ-*ый*—*ыѣ*—*ыѣ*) въ *діалектахъ* среднерусскихъ и сѣверорусскихъ нарѣчій съ родительнаго падежа на дат. и мѣстный п. ед. ч. жен. рода *въ болѣе позднюю эпоху*). Равнымъ образомъ въ этихъ же говорахъ, въ противоположность малорусскимъ говорамъ, окончаніе твор. падежа ед. ч. жен. рода-*ою* перешло въ-*ой нефонетически*, а подъ вліяніемъ *стремленія сблизить по числу слоговъ* форму твор. падежа съ формами другихъ падежей ед. числа. Срв. влр. и блр. *молодой—молодою*. Произносится: *мăладóй*. Или: *травой* (два слога)—*травою* (три слога). Срв. по количеству слоговъ въ этомъ словѣ прочія падежныя формы ед. числа: *трава*, *травы*, *траве*, *траву*,

травъ (во всѣхъ формахъ по *два* слога), но твор. п.—*травою* (*три* слога); вотъ почему сокращеніе одного слога въ формѣ твор. п., именно, въ формѣ-*травой* (*молодой, золотой, доброй* и проч. въ трехъ падежахъ) образовало собой полное *уравненіе всѣхъ падежныхъ формъ* ед. числа жен. рода по количеству слоговъ.

Далѣе, подъ вліяніемъ чередованія окончаній-*ой* и-*ӧй* (-*эй*) въ род., дат. и мѣстн. падежахъ ед. числа въ твор. падежѣ ед. числа явилось также-*ӧй* вмѣсто-*ой* изъ-*ою*. Напр., блр. *старэй бабэй*, ювр. *съ аднэй*, свр. *под плитэй* въ Олонец. губ. (Шахматовъ). Точно такъ же и въ формахъ имен.-вин. п. мн. ч. вмѣсто-*ые фонетически* должно было бы явиться-*ӧе*, но звукъ *ӧ* и въ великор. и въ бѣлор. уступалъ мѣсто звуку *ы* полнаго образованія, который былъ заимствованъ изъ *именного* склоненія; срв. *трáвы, вóды, жóны, дóбры, чúсты* и проч. Однако въ блр. діалектахъ извѣстно и: *нашнэ́я, унилэ́я, мăладэ́я* и проч. при: *нашнíя, мăладíя* и под. (См. *Добровольскаго*. Смоленскій Сборникъ). Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ Поволжскихъ губерніяхъ: *крутэ́я, такéя* и проч.—изъ говоровъ южновеликорусскихъ.

2) Смѣшеніе твор. и мѣстн. падежей ед. ч. въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ муж.-ср. рода. Напр., блр. *ф тíм, на сúвым, ў другíм*; „*номер за ём*“ (=за нимъ, т. е. остался)—въ Казан. губ. Лаишев. у., „*в Лядскúм садйки*“, „*во фторы́м доми*“—Казан. губ, (Срв. *въ трéтьимъ*, гдѣ по условіямъ ударенія формы твор. падежа и мѣстнаго дѣлаются тождественными въ звуковомъ отношеніи въ ювр. говорахъ, откуда и въ Казанскомъ: „*ф трéтьjим доми*“ и „*трéтьjим дóмъм*“ изъ: *третьимъ*—твор. п. и *третьемъ*—мѣстн. п.). Срв. также въ великор. говорахъ: *в ним, ф такúм слýчаѣ*; но: *с нёмъ, за ёмъ, въ тьмъ, въ такéмъ, въ нóвымъ* и мн. др.

3) Мы помнимъ, что еще въ общерусскую эпоху ранняго періода (прарусскаго) звукъ *е* остался *неизмѣненнымъ* отъ

общеславянскаго періода *только* въ положеніи послѣ і̯ въ конечномъ открытомъ слогѣ слова, напр., *доброі̯е*, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи, вслѣдствіе развитія *лабіализаціи* въ русскомъ языкѣ этой эпохи, звукъ *е* обратился въ *ӧ*, откуда потомъ-*о*. Это *ӧ* мы видѣли и въ серединѣ слова и въ концѣ его послѣ новыхъ *палатализованныхъ русскихъ* согласныхъ звуковъ и послѣ *издревле смягченныхъ согласныхъ*, стало быть, и послѣ *j*. Припомнимъ примѣры: *jӧю, jого; лицӧ, лицо, jӧму, jому*, наконецъ, вслѣдствіе уже бывшаго чередованія, а потомъ и смѣшенія звуковъ і̯ и *j* въ русскомъ языкѣ этой отдаленной эпохи, мы видѣли и *твоjӧ—твоjо*. Теперь замѣтимъ, что вотъ это самое *е*, которое долѣе другихъ звуковъ *е* сохранялось неизмѣненнымъ, именно, въ положеніи послѣ і̯ въ конечномъ открытомъ слогѣ, теперь въ формахъ имен.-вин. п. ед. ч. средняго рода замѣнилось окончаніемъ *ё послѣ гласной* въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Напр., *до́броё (до́бројо)*, *моё* (*моjо́*) и друг., чего мы не видимъ въ малорусскомъ, гдѣ продолжаетъ существовать: *моє́, до́бре, твоє́, своє́* и под. Это великорусское *ё* (*jo*) заимствовано изъ именъ, какъ: *лицо́, плечо́, яйцо́* и проч. См. выше. Въ влкр. и бѣлор. мы имѣемъ: *маё* при *діалектическомъ* бѣлорусскомъ *має́, тає́*, и проч. Отсюда и въ формахъ род. ед. ч. жен. рода въ великор. мы имѣемъ: *моеё, своеё* вмѣсто *моеє́, своеє́* и под. изъ древняго: *моеѣ, своеѣ*—моюѣ, своюѣ; стрсл. моюѣ, своюѣ.

4) Такъ же подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ: *лицо́, плечо́* и друг. под. произошло вытѣсненіе ударяемаго *я́* въ им.-вин. п. ед. ч. именъ средняго рода. (Объ этомъ *я* см. выше въ эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ рус. языка). Напр., діалектическое общерусское *житья́*; срв. малор. *життя́* и под. Или: *рытья́*, древ. малор. *вы́рытя* и под. теперь въ разсматриваемую эпоху, перешли въ: *рытьё́*, бѣлор. *жыцьцё́; житьё́* и друг. Отсюда появилось *ё* и въ бѣлорус-

скомъ: *мужьё́, звярјó, жардзьё́* и др. Въ великор. діалект. мы имѣемъ: *кумовьё*, однако при: *кумовья́*.

5) Распространеніе основъ на-*ыва*,—*ива* въ глаголахъ, причемъ коренное *о* въ глаголѣ замѣняется звукомъ *а* (ударяемымъ) при подобныхъ образованіяхъ многократнаго учащательнаго вида глагола въ *великорусскихъ* говорахъ въ противоположность *малорусскимъ* говорамъ, гдѣ это *а* изъ *о* (однократнаго несовершеннаго вида глагола) почти неизвѣстно, а вмѣсто-*ыва*,—*ива* являются въ малор. говорахъ-*ува*,—*юва*. Напр., влр. *зана́шивать* (носить), *поха́живать* (ходить), *отмораживáть* (отморóзить) и др. Въ бѣлор. мы находимъ: *заγáливаць* (заголить), *заγáрнываць* (загорнуть), *улáмливаць* (уломить) и друг. Если въ малор. мы видимъ иногда подобное, напр., *прыγовáруваты*, то это почти всегда подъ вліяніемъ великорусскаго и бѣлорусскаго.

6) Появленіе формъ со звуками *к*, *г*, вмѣсто *ч*, *ж*, въ личныхъ формахъ глагола съ основой на задненебные—гортанные звуки *к* и *г*. Напр., влкр. *пекё́тъ*, *пекё́ть*; блр. *пякéць* и др.

Въ области синтаксиса.

Въ этой области замѣтимъ *потерю формъ рода и падежей въ сравнительной степени*, которая обратилась въ *нарѣчіе*, употребляемое и въ качествѣ *сказуемаго-прилагательнаго*. Напр., въ великор. и бѣлор. „правда *свѣтлѣе* солнца“, „этотъ домъ *свѣтлѣе* того“, „это стекло *свѣтлѣе* того“, „эти дома (окна, двери) *свѣтлѣе* другихъ“ и т. п. Здѣсь мы видимъ форму сравн. степени *свѣтлѣе* въ роли сказуемаго—прилагательнаго, однако безъ всякаго согласованія въ родѣ или числѣ съ подлежащимъ, т. е. въ формѣ неизмѣняемой части рѣчи—нарѣчія. Срв. *добрѣе*, *лучше* и под. Въ роли нарѣчія: онъ сидитъ *крѣпче*, ходитъ *быстрѣе* другихъ и т. под. Такимъ образомъ, здѣсь *сравнительная степень*, потерявъ свое измѣ-

неніе по родамъ, числамъ и падежамъ, *превратилась въ нарѣчіе.*

Лекція XXVIII.

§ 51. в) Явленія, общія сѣвернорусскимъ (сѣверновеликорусскимъ) и восточно-среднерусскимъ (южновеликорусскимъ) говорамъ.

Въ области звуковъ.

1) Переходъ звука *ö*, образовавшагося изъ-*ы* (см. выше), въ звукъ *о*. Напр., свр. и ювр. *мою, крою, ною, вою; доброй, сильной, слѣпой, глухой.* Путь, пройденный этими звукосочетаніями, стало быть, былъ такой: мыю – мöю—мою; добрын—добрöй—доброй. Срв. выше III-й отдѣлъ, пунктъ Б, подраздѣленіе *б*, статья *6* въ области звуковъ.

2) Переходъ сильно-ирраціональнаго *и* передъ i̯ въ *е*. Напр., *пей, шея, бей* и под. изъ болѣе раннихъ: *пий, ший, шия, бий* и под. Срв. древне-рус. пии, шии, шиꙗ, бии изъ *pii̯, *šii̯a (*šíja. См. § 36.), *bii̯ и под. Сравните съ этимъ переходомъ сильно-ирраціональнаго *и* передъ i̯ въ *е болѣе ранній* (см. выше) переходъ сильно-ирраціональнаго *ы* передъ i̯ (=*ый*) въ *ö* (откуда *öй*, а затѣмъ-*ой*). Такимъ образомъ, мы имѣемъ: *добрый*: *бий*=*добрöй*: *бей*= *доброй*: *бей* и под.

3) Переходъ сильно-ирраціональныхъ *ы* и *и*, происшедшихъ изъ древнихъ *ъ* и *ь* (см. отдѣлъ II. а. 1.) въ положеніи ихъ среди группы согласныхъ по аналогіи съ родственными образованіями, еще въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка, въ звуки *о* и *е*. Напр., *блоха, дрожать, крошить, гремѣть, тревога, трезвонъ, слеза* и др.

Въ противоположность малорусскому и бѣлорусскому, гдѣ мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ *ы* и *и полнаго образованія*. См. выше: *блыха*, *дрыжать*, *тривога*, *слиза* и проч. Произношеніе *крышить* извѣстно и въ Новосильск. уѣздѣ Тульск. губ. и въ Орлов. губ. Брянскаго уѣзда. (См. мои изслѣдованія о говорахъ Тульской губ. и о говорахъ Орловской губ. Спб. 1898 г. и Спб. 1904 г., а также мое изслѣдованіе о нѣкоторыхъ говорахъ Тульской и Калуж. губ. Спб. 1897 г.).

4) Отвердѣніе *ж* и *ш*, которое однако произошло *не повсемѣстно*, но, если это отвердѣніе произошло, то въ соотвѣтствующихъ свр. и ювр. говорахъ предшествующій этимъ *отвердѣвшимъ ж* и *ш* звукъ *е* измѣняется въ *ё*. Напр., *лёжа*, *одёжа*, при бѣлор. *адзежа*, *надёжа*, *Мёша* (рѣка въ Тульск. губ.), *мёжы*, *молодёж*, *падёж*, *втерпёж*, *кутёж*, *правёж*, *идёш*, *умрёш*, *Стёша*, *Матрёша*, *врёш*, *орёш*, *Олёша* (*Алёша*—въ акающихъ говорахъ), *жжош* изъ *ж'ж'еш'* (*жгу*—*жъгу*; *жжешь*—*жъжеши*—*жъжешь*. Здѣсь *ъ слабо*-ирраціональный звукъ. См. выше). Срв. *иностранныя* въ родѣ: *манёж* и под. Но: *ёж* и друг.

5) *Болѣе позднее* отвердѣніе звука *и*, но тоже *не повсемѣстное*. Напр., *конёц*, *отёц*, *молодёц*, *овёц*, *рѣзёц* и мн. др. См. выше III. Б. б. 4—*общевеликорусскія звуковыя явленія*: появленіе звука *е* открытаго передъ *отвердѣвшею* согласною, а потомъ, по аналогіи, и передъ *твердою*.

6) Сохраненіе звука *ч мягкаго* вообще; только кое-гдѣ изъ свр. и ювр. говоровъ звукъ *ч* отвердѣлъ. Напр., въ Казанск. губ. говорятъ: *утшы́сь*, *тшысло́* и под.

7) Смягченіе задненебныхъ звуковъ *г*, *к*, *х* въ положеніи ихъ послѣ мягкаго гласнаго или согласнаго. Это явленіе, хотя и очень распространено въ разсматриваемой группѣ нарѣчій, но всетаки оно здѣсь *діалектическое*, а не повсемѣстное. Напр., *чяйкю́*, *ру́ч'кя*, *хозя́йкя*, *Ма́н'кя*, *Ва́р'кя*, *Аку́л'кя*, *ша́йкя*, *О́л'гя*, (*Во́л'гя*), *Ду́н'кя*, *вал'хя́*, (*ольха́*),

свéр'хю, вер'хéм, кáчяр'гёй, сер'гя́ и мн. др. под. Это явленіе извѣстно въ свр. говорахъ Ярославской, Вологодской, Костромской, Вятской, Новгородской губерній. Въ ювр. говорахъ Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Курской губерній. Но *непремѣнное условіе* этого звукового явленія *наличность* предшествующаго *мягкаго* гласнаго или согласнаго звука: этимъ предшествующимъ *мягкимъ* и обусловлено *смягченіе задненебнаго*, вопреки мнѣнію *Соболевскаго*, который до 3-го изданія (1903 г.) своихъ „Лекцій" не признавалъ въ данномъ фонетическомъ явленіи рѣшающаго значенія за предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или j (i̯). Срв. „Лекціи" *Соболевскаго* 1903.[3]. Стр. 130—131 и мое изслѣдованіе: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій". Варшава. 1892 г. Вообще, это фонетическое явленіе у Соболевскаго изложено неправильно (ib. Стр. 130.): др. русскія *легонке, Степанкя, Володже, толке, Наскя, Ивашкя*,—въ грамотахъ, а равно и современные Вологодскіе, въ Кадниковскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ, въ потомкахъ древняго двинскаго говора,—*матушкя, матушкю, наверъхю́*, и друг. предполагаютъ предшествующіе *мягкіе* звуки: *легóнькя, пóлегóнькю, потихóнькю* (Казан. Симбир. Самар. губ.), *Степанькя* срв. *Степáня* и *Степанúда*, срв. *бáнькя, Вáнькя* при *Вáня; Волóдькя—Волóдя, тóлькя, скóлькя*, (далѣе: *тóльки, скóльки*), *Нáськя* срв. *Нáс'т'а, Ивáшькя, Яшькя* (срв. фамилію *Яш'ина* съ рѣзко означеннымъ въ говорѣ Свіяж., Лаишев. у.у. Казан. губ. и въ Котельнич. у. Вят. губерніи звукомъ *ш* мягкимъ). Равно и *матушькя, матушькю* и др. Срв. здѣсь же: *Мáш'я, Сáш'я* почти *Сáш'ш'а* и под. Такимъ образомъ, *независимо* отъ современной орѳографіи, вовсе не передающей часто собой живого произношенія, всѣ *мягкіе, смягченные гортанные* предполагаютъ собой въ указанныхъ выше и подобныхъ случаяхъ предшествующіе имъ *мягкіе* звуки, *подъ вліяніемъ которыхъ* и произошло смягченіе задненебныхъ гортанныхъ со-

гласныхъ въ концѣ словъ. Это смягченіе, очевидно, развилось еще въ то время, когда звуки *ш, ж, ч* были еще *мягкими* въ означенныхъ выше говорахъ. На это же указываютъ и современные Вологодскіе говоры, въ которыхъ мы находимъ: *зимо́рьскёй, молоде́цькёй, купе́цькюю* и друг. (Литературу по діалектологіи означеннаго выше района см. въ концѣ настоящей книги, моего курса). Срв. *ку́чькя* и *ку́цькя, ку́чькю, бо́чкю* и под. Звукъ *ч* остался мягкимъ, а въ цокающихъ говорахъ и звукъ *ц* былъ въ чередованіи съ *ч*.

8) Смягченіе губныхъ звуковъ передъ мягкими заднепебными согласными. Срв. *ла́ф'ки, ла́п'ки, дьф'ки, ша́п'ки, про́п'ки, рюм'ки, су́м'ки* и друг. под.

Въ области формъ.

1) Полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ. Отсюда—утрата мѣстнаго пад. ед. ч. на-*и* и на-*ю* въ мягкихъ основахъ и замѣна его окончаніемъ на-*ь*. Напр., *на конь, въ лицѣ, при концѣ* и друг. Здѣсь лишь въ словахъ на-*ьё* сохранилось окончаніе мѣстн. п. ед. числа—*ьи́* (обыкновенно *только* при *ударяемомъ* окончаніи въ *литературномъ* нарѣчіи и произношеніи). Напр., *въ забытьи́*, но: *въ учёньѣ* и *въ учёньи* и проч. Срв. однако въ бѣлор. *на коні́, ў по́лю, на карабли́, при цару́* и друг.—выше. Однако въ Ряз.-Скоп. *при каньцу́* и др. Отсюда же и переходъ мягкихъ основъ въ твердыя: *у сестрѣ, ăт жанѣ, ăт вадѣ* и др. При отсутствіи ударенія на окончаніи въ этомъ случаѣ слышится на концѣ *и* съ предшествующимъ *мягкимъ* согласнымъ. Напр., „*с Вёр'ди* лёд". (*Вёрда*—рѣка въ г. Скопинѣ Ряз. губ.). Это—изъ: *съ Вёрдѣ*, откуда конечное неударяемое *ѣ=и* вмѣсто: *съ Вёрды*. Срв. *с ы́ви* вм. *с ы́вѣ—съ ы́вы. У звездѣ, ăт зимѣ*; срв. въ дат. ед. *і зи́ми=къ зи́мѣ*. Такому вторженію окончаній мягкихъ основъ ѣ въ твердыя основы (*а*): *у сестрѣ*

вм. *у сестры* по аналогіи съ род. падежомъ ꙁемлѣ, волѣ, дꙋшѣ и проч. содѣйствовало и способствовало тождество окончаній род.-дат.-мѣстн. п. ед. числа въ именахъ прилагательныхъ жен. рода. Сравните бывшую *древнюю* форму род. п. ед. числа жен. рода именъ съ мягкою основою ꙁемлѣ въ то время, какъ дат. и мѣстн. падежи ед. числа отъ этого слова еще были ꙁемли, и эту же форму ꙁемлѣ въ эпоху сближенія твердыхъ и мягкихъ основъ, когда твердыя основы, оказавъ воздѣйствіе на мягкія, при старой еще формѣ родительнаго падежа ꙁемлѣ, дали уже въ дат. и мѣстн. падежахъ этого слова по аналогіи съ водѣ тоже ꙁемлѣ, т. ч. получилось тождество трехъ падежей ед. числа этихъ основъ въ формѣ ꙁемлѣ для род., дат. и мѣстн. падежей ед. числа. Это тождество трехъ формъ для трехъ разныхъ падежей одного и того же имени въ одномъ и томъ же ед. числѣ, вѣроятно, и послужило ближайшей причиной *полнаго* сближенія твердыхъ основъ съ мягкими, въ силу котораго род. падежъ долженъ былъ принять окончаніе *ы* (воды), которое послѣ *г, к, х* уже въ эпоху непосредственно *передъ* распаденіемъ русскаго языка стало замѣняться звукомъ *и*, вслѣдствіе измѣнившагося качества задненебныхъ согласныхъ *г, к, х*, а потому рядомъ съ формою воды мы видимъ род. п. ед. ч. *книги, рѣки, ухи* и под., откуда и въ мягкихъ основахъ: ꙁемли, дꙋши, воли, поꙋжи и проч. при дат. и мѣстномъ п. ед. ч. тоже по твердому склоненію: ꙁемлѣ, дꙋшѣ, волѣ, поꙋжѣ, которыя такъ и остались до сихъ поръ: *землѣ, душѣ, волѣ, нужѣ* (но вмѣсто этого церковнославянское слово—*нуждѣ*). Такимъ образомъ, род. п. ꙁемлѣ *старая* форма, а дат. и мѣстн. п. ед. ч. *землѣ*—уже формы сравнительно *новыя*. Замѣчательно, что *формы род. п. ед. ч.* типа ꙁемли вм. ꙁемлѣ появляются въ памятникахъ письменности *уже съ XI-го вѣка, и въ это же время* появляются въ памятникахъ *и формы дат.-мѣстн.*

п. ед. ч. типа ꙁемлѣ вм. ꙁемли, такъ что памятники даютъ намъ доказательство *параллельнаго* существованія въ русскомъ языкѣ всѣхъ формъ (род.-дат.-мѣстн. ед. ч.) именъ мягкаго склоненія жен. рода по образцу именъ соотвѣтствующихъ твердаго склоненія, но *въ то же время* древній русскій языкъ вплоть до XIV вѣка включительно, какъ видно изъ тѣхъ же памятниковъ письменности, употребляетъ и *старыя* формы отъ этихъ же основъ, т. е. съ XI до XIV в. въ русскомъ языкѣ существовали *параллельно* и *формы* именъ жен. рода мягкаго склоненія въ род.-дат.-мѣстн. п. ед. ч. *стараго образца*: ꙁемлѣ—ꙁемли—ꙁемли, и соотвѣтственныя формы соотвѣтственныхъ падежей *новаго образца*, т. е. по твердому склоненію: ꙁемли—ꙁемлѣ—ꙁемлѣ. Этимъ продолжительнымъ параллельнымъ существованіемъ въ языкѣ формъ типа мягкихъ основъ и типа твердыхъ основъ при склоненіи одного и того же слова съ мягкой основой на-*ja* женскаго рода объясняется и раннее *обратное явленіе*, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на-*ja* жен. рода на твердыя основы, вліяніе, которое извѣстно уже памятникамъ XI вѣка: при формахъ с ꙁемлѣ появились и формы с высотѣ, а при формахъ с ꙁемли появились и формы с рѣки и *с ыви* (=*съ ивы*); при формахъ дат. и мѣстн. ед. ч. (на) ꙁемли появились и формы *к ызбы́*, *на воды́* и проч. А вмѣстѣ съ этимъ существовали и формы въ родѣ *к ызбѣ́*, *на водѣ́*, *на землѣ́*, *в ызбѣ́*, *к водѣ́*, *к землѣ́* и *от земли*, *у воды*, *от ызбы́*, *от души* и под. Вотъ почему мы и констатируемъ *полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ отъ именъ жен. рода въ ед. числѣ*. Такъ, въ Минеѣ 1095 г.: *преподобныя Евфросиніи*—192. Въ Житіи Ѳеод. Печ. по сп. XII в. *отъ судии*—36 об. Въ Прологѣ 1270 г. *не створивъ воли*—80. Но рядомъ съ этимъ мы еще въ Лавр. Лѣт. 1377 г. часто находимъ: ꙁемлѣ, доушѣ и др. Въ той же Минеѣ 1095 г. мы имѣемъ: *въ ветъсѣ одежѣ*—93. *святѣи госпожѣ Богородицѣ*—въ Записи. Въ Милятиномъ Ев.

1215 г. *на земль*—88. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *по нуже*—13. Въ Духовной Сем. Гордаго: *дядь, даю своеи княгинь* и др. Но рядомъ съ этимъ еще въ Духовной Ив. Калиты 1327 г.: *княгини*—форма дат. п. ед. числа. Въ Минеѣ 1096 г. мы находимъ: *съ высотѣ*—64. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *по полу гривнѣ*. Въ Договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *с ыноѥ сторонѣ*. Въ Двинской рядной записи XIV—XV в.: *до женѣ*. Въ Ипат. сп. Лѣтописи XV в. *изъ Москве*—407. При *неудиряемомъ* же *ѣ* мы видимъ въ род. падежѣ *и*, и вліяніе мягкой основы на твердую дѣлаетъ форму род. падежа отъ твердой основы, испытавшей на себѣ вліяніе мягкой, по виду вторично похожей на форму род. падежа *твердой* основы. Напр., сравните: *из Москвѐ—из Москвѝ* (вліяніе мягкой основы), *с ы́вѣ* (вліяніе мягкой основы), откуда при неударяемомъ конечномъ *ѣ—и*: *с ы́ви* (по виду подобно формѣ *земли́*, *во́ли* и проч., т. е. вліяніе твердой основы). Срв. *у ры́би, отъ ма́ми* изъ *у рыбѣ, отъ мамѣ* вм. *у рыбы, отъ мамы* и по аналогіи съ такими формами, какъ *кни́ги, ръ́ки́, ухи́*, а также съ такими, какъ *у няни, у Натальи, для Вани* и проч. При этомъ не надо забывать и тождества трехъ падежей въ склоненіи именъ прилагательныхъ жен. рода въ ед. числѣ: *доброй*—род., дат., мѣстн. п. ед. ч. и *синей*—тоже.

2) Исчезновеніе древнихъ формъ склоненія основъ на задненебные согласные, гдѣ вмѣсто *г, к, х* стояли прежде *з, ц, с*. Напр., *рукѣ, дорогѣ, у́хѣ, лавкѣ, ученикѣ, порогѣ, Богѣ* и др.

3) То же произошло и въ формахъ повел. наклоненія съ такими основами, гдѣ мы видимъ нынѣ средненебные согласные *к, г* вмѣсто старыхъ *ц, з*. Напр., *пеки, береги, стереги, бѣги, теки* и под. вмѣсто старыхъ: *пѣци, берези, стерези, бѣзи, теци* и под. Срв. въ блр. и млр. *печи, стережи* и др.

4) Формы *двойств. ч.* муж. рода на-*а* получаютъ *значеніе множ. числа*, когда отличаются удареніемъ отъ род. п. ед. числа. Напр., *города́* (при род. *го́рода*), *паруса́* (при род. *па́руса*), *глаза́* (при род. *гла́за*), *рога́* (при род. *ро́га*) и друг. У Пушкина въ раннемъ періодѣ однако есть еще и *ро́ги*. Срв. *бока́* (при род. *бо́ка*) и въ поговоркѣ: „руки *въ бо́ки*, глаза́ въ потоло́ки“. (Изъ этой поговорки, между прочимъ, видно, что древнее потолокъ, имѣя послѣ л звукъ *о* полнаго образованія, должно было и въ другихъ падежахъ имѣть это *о*, т. е. когда то измѣнялось такъ: *потоло́къ*,—*потоло́ка*,—*потоло́ку* и т. д., *потоло́ки*, *потоло́ковъ* и т. д. Срв. *ледъ*,—*леда*,—*леду* и т. д. Въ надписи на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: *по леду*. Срв. *ровъ*, *рова*, *рову* и т. д. Вмѣсто этихъ старыхъ формъ нынѣ: *льда*, *льду* и т. д., *рва*, *рву* и т. д. по аналогіи съ *сна*, *сну* и т. д. или *льна*, *льну* и т. д., хотя въ словахъ ледъ и ровъ никогда не было ирраціональныхъ ъ и ъ въ коренномъ слогѣ, между тѣмъ какъ въ словахъ **льнъ**, **сънъ** всегда были ирраціональные ъ и ъ въ коренномъ слогѣ. Это смѣшеніе формъ произошло, какъ слѣдствіе исчезновенія *слабыхъ* ирраціональныхъ и перехода *сильныхъ* въ *о* и *е*, начавшагося еще въ эпоху до распаденія русскаго языка, когда и образовались новые ряды формъ косвенныхъ падежей съ исчезнувшими ъ и ь и съ звуками *о* и *е* при одинаковыхъ формахъ имен. падежа со звуками *о* и *е* изъ сильныхъ ирраціональныхъ ъ и ъ. Срв. *сонъ* и *ровъ* въ им. падежѣ, но *сна* и *рова* въ род. и проч. падежахъ; или: *ленъ* и *ледъ* въ им. падежѣ, но *лна* и *леда* въ род. и прочихъ падежахъ. Отсюда могли образоваться новые ряды: *сона и рва (какъ нынѣ), съ одной стороны, и *лена и льда (какъ нынѣ),—съ другой. То же: *потоло́ка* и *потолка́*, или: *потоло́ки* и *потолки́*). Такимъ образомъ, мы видимъ въ *свр.* и *ювр.* говорахъ имен. п. мн. ч. муж. рода на-*а́* (ударяемое) въ отличіе отъ формы род. п. ед. ч. этихъ именъ съ тѣмъ же окончаніемъ-*а*, только *неударяемымъ*. Совпаденіе этихъ формъ *по удареню* представ-

ляется крайней рѣдкостью въ разсматриваемыхъ говорахъ русскаго языка. Напр., *рукава́* и им. п. мн. ч., и род. п. ед. ч. въ одно и то же время. Въ блр. говорахъ и въ млр. мы не имѣемъ формъ множ. числа именъ муж. рода на *а*. Въ Казанской губерніи, кромѣ обычныхъ и литературныхъ формъ, даже: *вѣтра́*, *мѣсяца́*, *воза́*, *пола́*, *гроба́*, *ситца́*, *двора́*. Въ связи съ разобраннымъ морфологическимъ явленіемъ, съ этимъ окончаніемъ *а* (*я*) въ им. п. мн. ч. муж. р. *простыхъ* именъ вмѣсто *ы* (*и*), находится и то явленіе, что въ именахъ *собирательныхъ* это же окончаніе *а* (*я*) стало тоже служить окончаніемъ имен. падежа *множ. числа* въ муж. родѣ. Такое *а* (*я*) или восходитъ къ *древнему* звуку *а* (*я*) въ именахъ *женскаго рода*, напр., въ словахъ—именахъ собирательныхъ *единств. числа*: *господа*—им. п. ед. ч. имени собирательнаго (зват. падежъ—*господо*), *братия* (*братья моя*—им. п.; *братье*—зват. п. ед. ч.), *зя́тья*, *дя́дья*—им. п. ед. ч. жен. рода имени собирательнаго; срв. „съ *братьею* и съ *дядьею* и съ племянники“—въ Правой Грамотѣ 1584 г.—Акты Юридическіе № 24; или же такое *а* (*я*) восходитъ къ *древнему* звуку *е* въ именахъ *средняго рода*, напр., *листіе*, *колье*, *прутье*, откуда: *листья*, *колья*, *прутья* и проч. Послѣ появленія звука *а* (*я*) въ разсматриваемыхъ говорахъ въ качествѣ окончанія имен. падежа *множ. числа* именъ сущ. *муж. рода* такія формы, какъ древнія: *братья*—им. п. ед. ч. жен. рода, *господа*, *зя́тья*, стали приниматься языкомъ за формы имен. п. *множ. числа* отъ ед. числа *братъ*, *господинъ*, *зять*. А формы имен. ед. средняго рода *листіе* и под., фонетически измѣнившись въ *листіе̯*, *листі̯е*, *листі̯ӓ*, *листі̯ӓ*, *листі̯а* (см. выше), стали въ этомъ послѣднемъ видѣ *листья* (*листі̯а*) тоже приниматься языкомъ за формы имен. п. *множ.* числа отъ ед. числа *листъ* и проч.

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени получилось, что формы: *колья*, *листья* и под. вытѣснили собой формы старыя

ед. числа *колье, листье* и стали служить формами им. п. мн. числа не отъ имен. падежа ед. числа *колье, листье* и проч., которые *фонетически* исчезли, а отъ имен. падежа ед. числа *колъ, листъ* и проч. Формы же именъ собирательныхъ, оканчивающіяся въ им. падежѣ ед. числа на *ударяемое* окончаніе—*ьё*,—*ьё*, такъ и остались формами *единственнаго* числа со значеніемъ *собирательныхъ* именъ: удареніе спасло собой это окончаніе и эту форму, напр., *дубьё* (срв. *дубъ—дубы*) и под. Что же касается формы *господа́*, то уже изъ того, что эта форма, имѣя нынѣ значеніе *множ.* числа, не имѣетъ формы для *един.* числа, т. к. форма *господинъ* совершенно иного образованія: въ ней *суффиксъ единичности—ин* приставленъ къ основѣ *господ-*, которая тождественна съ основою и въ формѣ *господ-а*, ясно видно, что *господинъ* и *господа*—два различныя слова, а древнее склоненіе слова *господа* по образцу *вода* (въ древнихъ грамотахъ), ясно показываетъ, что слово *господа* прежде было формою *единственнаго* числа имени сущ. жен. рода для означенія имени *собирательнаго*. Такъ, въ Правой Грамотѣ Снѣтогорскому монастырю на проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ 1483 года мы имѣемъ: „Да и положили грамоты купчіе *передъ осподою*—Акты Юридич. № 2. Въ Духовной Грамотѣ Двинской области XIV—XV в.: „о *господо*, женѣ своей Оѳимьѣ“ (приказываю....)—Акты Юр. ibid. № 409 и мн. др.

Такъ какъ окончаніе *а* (*я*) въ имен. п. мн. ч. именъ муж. рода получило значеніе флексіи именительнаго падежа *множ. числа именъ собирательныхъ*, восходя частью къ древнему *а* именъ *жен. рода* имен. падежа *един. числа*, а частью къ древнему *е* именъ *средняго рода* имен. падежа *единств. числа* въ обоихъ случаяхъ со значеніемъ *собирательнымъ*, то отсюда произошло склоненіе этихъ словъ, имѣющихъ значеніе *множ. числа*, уже по флексіямъ множественнаго числа. Напр., *друзья, друзьямъ, друзей* и под., гдѣ *друзья* вмѣсто *дружья* подъ

вліяніемъ *друзи*. Въ самомъ дѣлѣ, отъ слова *другъ* им. п. мн. ч. былъ *друзи* (наше позднее—*други*: „Вы, отроки-други, возьмите коня"—у Пушкина. Пѣснь о вѣщ. Олегѣ.), но собирательное имя было: *дружье* (срв. *подружіе*=жена въ Послѣсловіи Остр. Евангелія 1056—1057 г., гдѣ читаемъ: **дан емоу гь бъ блине.... самомоу емоу и подроужню его Ѳеофанѣ и чѧдомъ ею и подроужнемь чѧдъ ею.**), которое ясно видно изъ сложнаго слова *подружіе*, означающаго собственно *другъ*, а затѣмъ и *подруга*, *жена*; изъ *дружіе*, *дружье* фонетически образовалось *дружья* (см. выше), ставшее формою *множ. числа*, а затѣмъ—подъ вліяніемъ формы *друзи* и под. получилось: *друзья*. Форма *дружья—друзья* могла и не предполагать собой формы *дружіе—дружье* въ значеніи собирательнаго имени единств. числа, а просто стать формою множ. числа отъ един. числа *другъ* вмѣсто формы *друзи*, т. к. въ языкѣ уже были извѣстны формы имен. падежа множ. числа на-*я* изъ *е* и отъ именъ *мужескаго рода* (см. выше). Напр., *людья*, *гостья* (въ древности), *дворяня*, *татаровя* (въ болѣе новую эпоху. Въ былинахъ часто.); а отсюда—подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей въ имен. п. мн. числа могло получиться и получилось *дѣйствительно* окончаніе—*а*: *бояра*, *мѣщана*, *татарова* (срв. позднѣйшее собират. *татарва́* и под.). *Неударяемое я* въ такихъ случаяхъ съ теченіемъ времени здѣсь часто исчезало въ великорусскихъ говорахъ, замѣняясь окончаніемъ—*ья́*: *сыновья́*, изъ *сыно́вя*. Срв. старое *сыно́ве*. Это происходило подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ: *князья́* изъ *княжіе—князіе* подъ вліяніемъ *князи*. Срв. *друзья́* выше. Срв. далѣе: *сыновемъ* подъ вліяніемъ древняго *княземъ* въ дат. п. мн. ч.; *сыновехъ* подъ вліяніемъ древняго *зятехъ*. А выше мы видѣли даже: *сѣнехъ* (*сянёхъ*), *рѣчёхъ* (*рѣчохъ*, отъ сл. *рѣчь*). Напротивъ того, *ударяемое а* и *я* распространилось даже на имена женскаго рода: *староста́*, *хлопота́*,

грядá, *податя́*, *зеленя́*, *озимя́*, *вещá*, *пажитя́* и друг.—въ значеніи формъ *множ. числа.*

5) Въ склоненіи именъ числительныхъ вмѣсто окончанія-*ма* (двойств. ч.) подъ вліяніемъ окончанія-*ми* появляется окончаніе-*мя*: *двумя*, *тремя*, *четырьмя*. Діалектически (свр.-вят.) это *мя* переходитъ и въ мѣстоименія: *имя́*=имъ, дат. п. мн. ч., а также: *с ымя́*=съ ними—твор. п. мн. ч.

6) Дѣепричастіе на-*я* получаетъ особенное распространеніе и начинаетъ появляться также и отъ глаголовъ въ *совершенномъ* видѣ: *увидя*, *унеся́*, *спустя́*, *замьтя*, *придя́*, *уведя́* и друг. под., при этомъ въ нихъ сохраняется значеніе *прошедшаго* времени.

7) Окончательно исчезли формы звательнаго падежа.

Въ области синтаксиса.

1) Появленіе формъ *двойств. числа* на *а* въ именахъ муж. рода не только при числительномъ *два*, но также при числит. *три*, *четыре*: *три брата*, *четыре брата* вмѣсто *три браты*, *четыре браты*. При этомъ формы дв. числа *теряли* свое старое *удареніе*, если оно приходилось на окончаніи, и переносили его на то мѣсто, гдѣ оно стояло въ формахъ *род. падежа ед. числа*. Вотъ почему произошло совпаденіе старыхъ формъ дв. числа съ формами род. п. ед. числа въ подобныхъ случаяхъ. Напр., *два гла́за* вм. *два глазá*; *два ро́га* вм. *два рогá*. Срв. у Пушкина: *два шагá* и *два ша́га*. Род. п. ед. ч. *ша́га*, но им. п. мн. ч. *шаги́*, а могло быть и *шагá*, какъ: *стогá*, *бокá* при *сто́ги*, *бо́ки* и *стоги́*. Срв. выше.

Подъ вліяніемъ этого переноса ударенія въ формѣ дв. числа съ окончанія на слогъ, гдѣ это удареніе стояло въ формѣ род. п. ед. числа, форма род. п. ед. ч. замѣняла собой формы им.-вин. множ. числа въ именахъ жен. и сред. родовъ послѣ этихъ числительныхъ. Напр., вмѣсто *двѣ*, *три*

вёрсты стало: *двѣ, три версты*; *два села́* вм. *два сёла*; *четыре губы́* вм. *четыре гу́бы* и проч. Срв. однако: множ. число *ба́бы* и *четыре ба́бы* и род. ед. *ба́бы*. Діалектически это явленіе распространялось и на имена прилагательныя въ значеніи существительныхъ. Напр., *два малаго* вм. *двое малыхъ*, *два ловчаго* вм. *двое ловчихъ* и др.

2) Описательная форма будущаго времени образуется только съ помощью формы *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *несовершеннаго* вида. „Буду дѣлать“, „будешь писать“, „будутъ читать“. Такія выраженія, какъ: „имѣетъ быть“ вм. „будетъ“, „имѣетъ сказать“ вм. „скажетъ“, „имѣетъ представить“ вм. „представитъ“ и под.—пережитки стараго времени, искусственно поддерживаемые въ канцелярскомъ и оффиціальномъ языкѣ актовъ или рѣчей, а также въ объявленіяхъ и афишахъ разнаго рода, и въ живомъ разговорномъ или литературно-художественномъ языкѣ вовсе уже неизвѣстны. Срв. франц. образованіе будущаго времени: *parler* + *ai*=имѣю говорить: j'ai=я имѣю, parler—неопр. п.=говорить, сказать. Срв. выше млр. *казати* + *му*=*казати* + *иму*=имѣю сказать.

3) Имена сущ. одушевленныхъ предметовъ всѣ образуютъ форму вин. п. множ. ч. въ муж. и жен. родѣ, употребляя форму *род. п.* вмѣсто формъ винительнаго. Напр., „я видѣлъ *трехъ лошадей*“, „купилъ *двухъ коровъ*“, „застрѣлилъ *трехъ куропатокъ*“, „нанялъ *двухъ работниковъ*“, „пригласилъ *четырехъ переписчиковъ*“ и под. Но діалектически сохраняется въ такихъ случаяхъ и форма *вин.* падежа: „мужикъ купилъ *двѣ коровы*“, „продалъ *три лошади*“, „поставилъ за себя *три работника*“ и под.

4) При глаголѣ *болѣть* лицо, у котораго что-либо болитъ, обозначается родит. падежомъ съ предлогомъ *у*, а не *вин.* падежомъ, какъ въ млр. и блр. говорахъ. (Гдѣ иногда лицо стоитъ и въ *дат.* падежѣ). Напр., „*у меня* болитъ голова“. Срв. млр. „болыть *мене* ѵоловонька“ или „що *вам* болыть“.

5) Дѣепричастіе прош. времени употребляется въ значеніи прош. времени *изъявительнаго* наклоненія. Напр., „церковь *сгорѣвши* давно“, „Староста еще не *уѣхавши*“, „онъ *ушодши*“, „онъ *выспавшись* и можетъ долго сидѣть“.

6) Тотъ же оборотъ мы видимъ и при глаголахъ *возвратныхъ* на-*ся*: „Лошадь *запряжомши*“, „я *занямши* (*сь*)“, „мостъ *сломившись*“, „онъ *накушавшись*“ и под.

Въ области ударенія.

Въ этой области мы замѣчаемъ *перенось ударенія* на-*ся* въ причастныхъ формахъ на-*лся* подъ вліяніемъ формъ жен. и сред. рода, а также—формы на-*лись* во множ. числѣ. Напр., *взялся́*, *взяли́сь* вм. *взя́лся*, *взя́лись*; „*нанялся́—продался́*“ и т. п.

Лекція XXIX.

§ 52. Перехожу теперь къ IV отдѣлу своего курса, т. е. къ характеристикѣ отдѣльныхъ главныхъ нарѣчій русскаго языка.

До сихъ поръ мы слѣдили за судьбой русскаго языка въ теченіе его исторіи въ слѣдующіе періоды: въ періодъ его выдѣленія изъ общеславянской семьи, въ періодъ его отдѣльной жизни отъ общеславянскаго языка, но въ одномъ цѣломъ единствѣ, и здѣсь мы различали эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка на нарѣчія и эпоху послѣ распаденія, причемъ единство русскаго языка и въ эту эпоху еще не было утрачено, а потому діалектическія явленія русскаго языка могли принадлежать или всему русскому языку, или мѣстнымъ его нарѣчіямъ, а въ самыхъ этихъ нарѣчіяхъ еще чувствовалось единство русскаго языка, которое не было

еще утрачено, хотя и были діалектическія явленія на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ территоріи русскаго языка, отличавшія собой говоръ мѣстностей *діалектически* по отношенію ко всему русскому языку. Однако особенности этихъ діалектовъ русскаго языка еще не были сами по себѣ особенностями, развившимися въ отдѣльной жизни діалектовъ и обусловившими собой отдѣльные діалекты, не связанные общею судьбой, но эти же особенности въ теченіе времени, переставъ существовать, какъ діалектическія особенности всего русскаго языка при общемъ характерѣ его *единства*, стали въ теченіе исторіи объединять различныя группы русскаго языка по ихъ общей исторической судьбѣ и обусловили собой поэтому дальнѣйшія эпохи *единства* болѣе мелкихъ группъ діалектическихъ. Наконецъ, и эти болѣе мелкія группы разъединились и зажили отдѣльной жизнью, которую мы уже можемъ теперь наблюдать въ различныхъ частяхъ русскаго языка отдѣльно, причемъ одна часть нынѣ обособилась въ *малорусское нарѣчіе*, другая—въ *бѣлорусское*, третья—въ *южновеликорусское* и четвертая—въ *сѣверновеликорусское*. Вотъ мы и сдѣлаемъ краткую характеристику всѣхъ этихъ русскихъ нарѣчій и этимъ закончимъ свой курсъ, т. к. полная и подробная характеристика главныхъ русскихъ нарѣчій съ указаніемъ особенностей ихъ говоровъ по мѣстностямъ должна быть предметомъ не курса исторіи русскаго языка, а другого курса моего, *курса русской діалектологіи*, въ которомъ и должны разсматриваться особенности русскихъ *современныхъ* нарѣчій и говоровъ. Равнымъ образомъ въ этотъ *курсъ исторіи русскаго языка* не войдетъ *исторія литературнаго русскаго языка*, которая составляетъ у меня опять особый курсъ.

И вотъ почему. Я различаю языкъ русской *письменности*, памятники которой ни въ стилѣ, ни въ лексикологіи, ни въ синтаксисѣ не отражаютъ сколько-нибудь замѣтно индивидуальности автора и его творчества и потому, какъ матеріалъ, входятъ въ исторію русскаго языка до того исто-

рическаго момента, пока на Руси появились организованныя школы, которыя могли дать то или другое направленіе талантамъ автора, могли дать ему возможность выразить подъ своимъ перомъ свое міросозерцаніе, которое вступаетъ въ извѣстное соотношеніе съ общечеловѣческими идеалами, а это, именно, и начинаетъ проявляться у насъ въ тотъ періодъ, когда русская письменность становится *литературой*, благодаря наступившему сознанію широкаго просвѣщенія подъ вліяніемъ культурныхъ сношеній съ западной Европой. Это и былъ XVIII-й вѣкъ, когда письменность смѣняется литературой, а языкъ начинаетъ искать новыхъ формъ для выраженія новыхъ идей подъ перомъ людей новой молодой культуры. Вплоть до XVII-го вѣка включительно нашъ языкъ въ произведеніяхъ письменности русской не могъ получать необходимыхъ элементовъ литературнаго развитія, т. к. въ самой русской жизни не было тѣхъ понятій, которыя внесла въ нее западная культура, а потому и языкъ нашей письменности до этого времени успѣлъ въ достаточной мѣрѣ исчерпать свои средства, съ одной стороны, въ дѣловыхъ бумагахъ и грамотахъ всякаго рода, съ другой,—въ церковно-богословскихъ сочиненіяхъ и назидательныхъ повѣстяхъ или путешествіяхъ и сказаніяхъ или посланіяхъ религіозно-нравственнаго характера. Другихъ родовъ письменности у насъ и не было до XVIII-го вѣка. Литература же несетъ съ собой самые разнообразные роды прозаической и поэтической мысли: на основахъ общечеловѣческой культуры она становится *дѣйствительно литературой* и требуетъ провѣрки и критики устарѣлыхъ формъ рѣчи. Народный элементъ въ ней получаетъ должное развитіе, а вмѣстѣ съ нимъ появляется цѣлый міръ новыхъ идей и чувствъ, которыми начинаетъ волноваться культурный умъ и культурная душа человѣка вообще: появляется лирика личнаго чувства, въ которомъ всѣ люди сливаются въ одно психологическое цѣлое. Поэтому и исторію русскаго литературнаго языка можно собственно начинать только

съ XVIII-го вѣка, съ эпохи Петра Великаго. Послѣ этихъ руководящихъ замѣчаній я приступлю къ характеристикѣ отдѣльныхъ *главныхъ* современныхъ нарѣчій русскаго языка въ связи съ ихъ предшествующей исторіей, которой мы занимались до сихъ поръ.

МАЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Малорусское нарѣчіе стало рѣзко отличаться отъ другихъ главныхъ русскихъ нарѣчій *послѣ перехода* звуковъ: *и, е, ä, ö, въ средненебные*, передъ которыми *согласныя* по ассимиляціи стали переходить изъ мягкихъ въ *твердыя*:

1) Звукъ *и* перешелъ въ звукъ, близкій къ *ы*, откуда въ однихъ говорахъ—смѣшеніе *и* и *ы* древнихъ въ одномъ звукѣ *и средненебномъ*, въ другихъ—смѣшеніе ихъ въ одномъ звукѣ *ы*: *сы́ла* и *си̫ы́ла*.

2) Звуки *е, ä, ö* совпали въ *одномъ* звукѣ *е средненебномъ*. Это средненебное *е* перешло затѣмъ въ звукъ *е, не смягчавшій предшествующей согласной*, а діалектически, въ неударяемыхъ слогахъ, въ звукъ *и* средненебный: *бэрэ́*, *ви̫зма́* и др. Однако въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ согласная не могла отвердѣть *подъ вліяніемъ аналогичныхъ образованій*, звукъ *ö* переходилъ въ *о*; напр., *л'он* при родительномъ *л'на*, гдѣ звукъ *л мягкій*, какъ и въ прочихъ падежахъ, а потому и въ имен. падежѣ звукъ *л* не могъ отвердѣть, и получилось не *лэн*, какъ мы ожидали бы, а *л'он* съ мягкимъ *л* и съ *о* изъ *ö* вмѣсто средненебнаго звука *е, не смягчавшаго* предшествующей согласной; но здѣсь звукъ *л* уже былъ смягченнымъ и поддерживался въ такомъ своемъ качествѣ формами прочихъ падежей, гдѣ *л* находилось въ положеніи передъ согласнымъ и было *мягкимъ*. Звукъ же *и* въ такихъ случаяхъ сохранялся *безъ измѣненія* въ средненебный *и* или *ы*. Напр., *козий* имѣетъ звукъ *з* мягкій и *и* мягкое, т. к. въ прочихъ паде-

жахъ мы имѣемъ тоже *мягкое з*: *козьему* и проч. Это явленіе началось въ *южномалорусскихъ* говорахъ и оттуда перешло въ остальные говоры малорусскаго нарѣчія. Съ юга же шло измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній: *і͡е, у͡о, й͡ӧ* въ звукъ *і*, но это измѣненіе даже и до сихъ поръ не охватило всей малорусской области. Такъ, на югѣ малорусской территоріи древнее тѣсто, *ті͡есто* стало измѣняться въ *тісто*, а древнее домъ, откуда *дом*, стало измѣняться въ *до̄м*, откуда *ду͡ом*, потомъ *ду͡ӧм, дй͡ӧм, дӣм* и наконецъ *дім*; или *волъ—во̄л, ву͡ол, вуӧ̄л, вй͡ӧл, вӣл—віл* и проч. Или: **нєсъ**, *нє̄с, нѣс, ні͡єс, ніс*. Или: **носъ**, *но̄с, ну͡ос, ну͡ӧс, нй͡ӧс, нӣс—ніс*. Древнее **нєсъ**, откуда *н'ӧс—н'ос—нёс* изъ *нй͡ӧс* черезъ *нӣс*, откуда, въ свою очередь, также *ніс*.

Напротивъ, съ сѣвера идетъ *отвердѣніе р*, которое теперь извѣстно уже на югѣ Украйны и въ Галиціи. Съ сѣвера же идетъ развитіе дифтонгическихъ сочетаній вмѣсто группъ: мягкая согласная + *а*: *сі̯аду* вм. *с'аду*; *і̯а* переходило въ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ—въ *и*: *с'еду, ж'иль, ч'ис* въ *сѣверномалорусскихъ* говорахъ вмѣсто *сі̯аду, ж'аль, ч'ас* южномалорусскихъ, такъ же и въ *угрорусскихъ* говорахъ у горцевъ Австрійской малороссіи.

Подобное измѣненіе сочетаній: мягкая *губная* + *а* оказалось общемалорусскимъ измѣненіемъ. Напр., *пјать, вјану, мјасо* и друг. вмѣсто: *п'ать, в'ану, м'асо*, какъ и выше *сјаду, сі̯аду* вмѣсто *с'аду*. Діалектически въ малорусскомъ извѣстно *стяженіе оа, ое*... послѣ выпаденія между ними *і̯*: они стянулись въ *а, е* и проч. Напр, *ма* вм. *моя* (*мої̯а*), *мэ* вм. *мое* (*мої̯е*), *добра, добрэ, добри*—им. п. мн. ч. (См. выше). А чередованіе формъ: *добрэ* и *доброе* вызывало собой появленіе формы *добрээ*, которая, какъ и форма *добрэ*, стала употребляться въ значеніи *нарѣчія*. Напр., *сильнэ, самэ, хорошэ, вірнэ* и т. п.

Въ именахъ жен. рода окончаніе *ы* въ имен.-вин. п. мн. ч. стало перетягивать *на себя* удареніе, т. е. удареніе стало переноситься въ такихъ случаяхъ на окончаніе *ы*: *жинкы́*, *молытвы́*, *дівкы́* (*дiшкы́*, *дiўкы́*)=*дѣвки* и друг.

Въ области синтаксиса мы отмѣтимъ употребленіе *дат.* падежа *вм. мѣстнаго* послѣ предлоговъ: *в*, *на*, *об*, *по*, *при*. Напр., *пры ёму*, *у нашому роду*, *об тому* и под. Весьма вѣроятно, что это употребленіе дательнаго падежа вмѣсто мѣстнаго при предлогахъ можетъ намъ уяснить и переходъ древняго окончанія дательнаго падежа-*ови* въ окончаніе *овѣ* по образцу мѣстнаго падежа на *ѣ*: мы, напр., имѣемъ дат. п. *сынови* (*сынові*, гдѣ *і* изъ *ѣ*) въ *современномъ* малорусскомъ нарѣчіи вмѣсто ожидаемаго *сыновы* (*сынови*^{ы}), т. к. *ови* въ малорусскомъ должно дать, на основаніи предыдущаго, *овы* или *ови*^{ы}, а вовсе не *ов'и*, *ові*, что̀ могло бы получиться только изъ *овѣ*, т. к. *ѣ* дало въ малорусскомъ *і* (*и*) со *смягченіемъ* предшествующей согласной. Слѣдовательно, надо предположить, что дат.—падежи въ родѣ *сынови* и под. заимствовали у мѣстнаго падежа *ѣ*, т. е. вмѣсто дательнаго сталъ употребляться мѣстный съ окончаніемъ *овѣ*: *сыновѣ*, откуда уже понятно современное малорусское *сынові* и под.

СѢВЕРНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Въ области этого нарѣчія послѣ *окончательнаго* распаденія языка мы замѣчаемъ слѣдующія явленія въ эпоху приблизительно XIII—XIV вѣка.

Въ области звуковъ.

1) Древнее *г*=*h* въ окончаніяхъ *ого*, *его*, а также и въ другихъ случаяхъ, *исчезало* между гласными; при этомъ гласные, оставшіеся послѣ исчезновенія между ними звука *h* (*γ*), т. е. *г*, именно, гласные *оо* и *ео* переходили въ *ово* и *ево*: *тово*, *доброво*, *моево*, но общерусское: *тоγо*, *доброγо*, *моеγо* и

под. (См. выше). Въ южновеликорусскомъ діалектически извѣстно также *ово*, которое заимствовано изъ сѣверновеликорусскаго. Такъ обыкновенно объясняютъ окончанія *ово, ево* изъ общерусскихъ *оγо, еγо* въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи; но почему же въ южновеликорусскомъ нарѣчіи это общерусское *оγо, еγо* такимъ и оставалось, не испытывая исчезновенія звука *γ* между гласными, какъ въ сѣверновеликорусскомъ, и откуда тогда звукъ *в* между гласными, среди которыхъ былъ звукъ *γ*? Это явленіе *свр. ово* при *ювр.* и *блр. оγо* и проч. слѣдуетъ объяснять совсѣмъ иначе, я думаю. Именно, если мы вникнемъ въ то, что звукъ *в* въ окончаніяхъ *ово* и под. мы имѣемъ только въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстенъ звукъ *γ* вмѣсто звука *г*, а также и въ то, что въ окончаніи *оγо* и под. звукъ *γ* былъ уже извѣстенъ (см. выше) въ эпоху общерусскаго языка до его рападенія, то мы поймемъ, что звукъ *γ* въ окончаніи *оγо* и под. или долженъ былъ оставаться (*ювр., блр., млр.*), или переходить въ *в* различнаго качества (см. выше), какъ это мы видимъ въ окончаніи *ово* и под. въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ въ *свр.* нарѣчіи звукъ *г*, единственно здѣсь извѣстный (здѣсь нѣтъ *h*=*γ*), не переходитъ въ звукъ *в*, напр., *огонь, иго, судорога, тревога* и проч. Слѣдовательно, звукъ *г* звонкій мгновенный не переходитъ въ звукъ *в*, а звукъ *γ* звонкій фрикативный могъ переходить въ *в*. На это же указываютъ и тѣ звукосочетанія, которыя извѣстны нынѣ въ говорахъ Рязанской губерніи, въ основѣ которыхъ лежатъ сѣверновеликорусскіе говоры; такъ, здѣсь въ Касимовскомъ уѣздѣ мы слышимъ вм. *в воду—γ воду*, вм. *вядро́—γвядро́* и проч. Срв. также въ малор. *γусениця* и *вусениця* при *усениця* и под. (см. выше). Ясно, что незачѣмъ предполагать сначала *исчезновеніе γ* между *о* и *о* въ окончаніи *оγо*, а затѣмъ новое *появленіе в* между этими же двумя *о* въ этомъ же окончаніи *ово* и под., которое существуетъ въ говорахъ рядомъ съ окончаніемъ *оγо, аγо* и под. Независимо отъ всего, звукъ *γ*=*в* могъ

исчезать между гласными и передъ гласнымъ въ началѣ слова, какъ это мы видѣли въ *млр.*: *усеница*, *ужъ*, *узелъ*, *усъ* и др., какъ это мы видѣли со звуками *i̯* и *w* выше, и поэтому мы должны и въ этомъ звукѣ *γ=в* видѣть не губнозубное *в*, а билабіальное *w*, съ которымъ чередовался звукъ *γ* въ окончаніяхъ *ого* и под. Этимъ же объясняется и выпаденіе этого звука *γ=в*, *w* въ окончаніи *ого*, какъ это мы видимъ иногда (однако довольно рѣдко) и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности. (Срв. мои изслѣдованія: „Къ исторіи великорус. говоровъ“ и „Къ діалектологіи великорус. нарѣчій“. Passim).

2) Замѣна конечнаго *я* черезъ *ё* по вышеуказанной причинѣ (см. III. Б. б. Въ области звуковъ. 5). Діалектическое: *дру́жьё*, *спи́тё*, *за́втрё*, *напи́всё* (=напился), *ко́льё*, *коло́сьё* и друг. Этотъ же звукъ *ё* извѣстенъ здѣсь *діалектически* и вмѣсто звука *е* на мѣстѣ ударяемаго стараго *ѣ*: *телёга*, *колёно*, *крёсла* и под. Этотъ же звукъ *ё* извѣстенъ здѣсь въ окончаніи им.-вин. падежа ср. рода именъ сущ. вмѣсто *я*, и этотъ звукъ *ё* въ этихъ случаяхъ явился *не фонетически* (иначе было бы *я*), а *подъ вліяніемъ* окончанія *о* средняго рода: *селёньё* вм. *селёнья* подъ вліяніемъ *лицо́* и под. Или: *учёньё*, *одо́ньё*, *терпи́ньё* и под.

3) Выпаденіе звука *i̯* между гласными: діалектическое: *дѣ́лаэт*, *игра́эм*, *до́браа*...

4) Группы гласныхъ предшествующаго пункта подверглись здѣсь стяженію послѣ выпаденія среди нихъ звука *i̯* и послѣ ассимиляціи: *игра́ат—игра́т*, *дѣ́лаат—дѣ́лат*, *гуля́т* (*гул'а́т*), *пуска́т* и под. Діалектически (вятск.) здѣсь замѣчается *а долгое* послѣ стяженія, но въ другихъ діалектахъ—*краткое*. Такъ же: *до́бра* съ *а долгимъ*, *уме́т* съ *е* долгимъ (*умѣетъ—умѣэтъ—умѣът—умът—умёт*). Или: *хозя́ва* (*хозяева—хозяэва—хоз'аэва—хоз'аава—хоз'а́ва*).

5) Діалектическая замѣна неударяемаго *а* черезъ *о*: *трова́*. Срв. при этомъ заимствованныя сюда слова изъ южновеликорусскаго, которыя здѣсь поэтому приняли произношеніе: *коре́та*, *моля́ръ*, *торе́лка*, какъ: *корыто*, *моли́ть*, *това́ръ* и проч., между тѣмъ какъ въ *ювр.* эти слова звучатъ: *каре́та*, *маля́ръ*, *таре́лка*.

Въ области формъ.

1) Замѣна окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. окончаніемъ *м* и *мы*: въ именахъ существительныхъ: *с ноги́м*, *доста́ла рука́м*, *сидѣла с людьмы́*, *идём гора́м* (=сухимъ путемъ, берегомъ. Въ Приволж. губ. и въ Вятской). Въ бѣлорусскомъ мы имѣемъ въ этомъ же случаѣ *м*, которое сюда заимствовано изъ *свр.* нарѣчія, проникло и сюда.

2) Замѣна окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій черезъ *ма*: *слезам горющима*, *рукам крѣпкыма* и под. Это окончаніе *ма* проникло изъ *двойств.* числа. Отсюда и *смѣшеніе дат. и твор. п. мн. ч.* также *подъ вліяніемъ двойственнаго числа*, гдѣ оба падежа имѣютъ *одну* форму. Срв. выше: *ноги́м*, *руки́м*, *с кренделя́м*, *за я́йцам* и под. Это явленіе проникло отсюда и въ нѣкоторые *ювр.* говоры.

3) Окончаніе-*ы* род. п. ед. числа именъ жен. рода переносится и въ дат. и мѣстн. п. ед. ч. тѣхъ же именъ: *на травы́*, *к воды́* и под. Срв. выше о сходныхъ явленіяхъ.

4) Сравнительная степень оканчивается на *яя* и *яе* вмѣсто *ѣе*: *полня́я*, *скоря́е*, *глупя́е*, *красня́е*, *бодря́е*, *сильня́е* и под. (Еще у Тредьяковскаго и Сумарокова, которые гордились своимъ *московскимъ* произношеніемъ, а также у Ломоносова, у котораго это было *роднымъ* произношеніемъ. Слѣдовательно, Москва еще въ XVIII вѣкѣ говорила болѣе по сѣверно-великорусски, чѣмъ теперь; а когда-то въ древности она болѣе принадлежала по говору къ *свр.*, чѣмъ къ *ювр.* нарѣ-

чію. См. объ этомъ мои спеціальные труды: „Нѣкоторые выводы изъ трудовъ по діалектологіи“, „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина“ и мой курсъ по исторіи русскаго литературнаго языка XVIII-го и XIX-го вѣка). Эти формы сравн. степени могутъ быть скорѣе объяснены *фонетически*, чѣмъ какъ результатъ вліянія на нихъ формъ дѣепричастія, на-*ая*,—*яя*: *чита́я*, *теря́я* и под. Срв. сравнит. степень въ Лаишев. у. и другихъ Каз. губерніи: „*иди ско*^{у}*р'а̄́*“! Но: *поте́пл'а*^{е}, *ра́ньшэ*^{ы}*і̯е*^{а} и *добрѣ́* изъ *добрѣ́э*. Понятно, что подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *скоря́*, съ одной стороны, и *те́пле*,—съ другой, мы въ формахъ въ родѣ *добрѣ́е* имѣемъ комбинацію *добря́е* и под. (См. говоръ Каз. губ. Лаишев. у. Дер. Кармачи́). Срв. *ювр. лѣвѣ́ючи*, *сѣрѣ́ючи*—сравн. степень подъ вліяніемъ дѣепричастія на-*учи*,—*ючи*. (Шахматовъ).

Въ области синтаксиса.

1) Употребленіе *члена*: *домо-т*, *баба-та*, *бабу-ту*, *бабуй-ту*, *глаза-тѣ*, *глаза́м-тѣ* и друг. (Особенно вятскій говоръ. См. также Житіе прот. Аввакума).

2) Страдательное причастіе употребляется для выраженія прошедшаго времени изъявит. наклоненія съ род. п. *лица* съ предлогомъ *у*. Напр., мы имѣемъ слѣдующіе *описательные* обороты: *у отца на другой жененось*, *у всѣхъ уѣхано изъ дому*, *у меня вездѣ рабо́тывано*, *у ёго въ наймиты было нанятось*, *у меня много бито*, *граблено* и под. Отсюда и обороты, подобные выше изложеннымъ, но только съ дѣепричастіемъ прош. вр. на-*вши*,—*тши* (*тчи*): „*у нёго за коньми ушетци*“ и мн. друг. под.

БѢЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Спеціально бѣлорусскія явленія новѣйшаго сравнительно происхожденія были слѣдующія:

Въ области звуковъ.

1) Діалектическое распространеніе звуковъ *ŏ*, *ĕ*, т. е. звуковъ *неполнаго* образованія (см. выше), на счетъ звука *а* (*я*) и переходъ ихъ въ *ы* и *и*: именно, эти звуки *ы* и *и* появляются *при условіи ихъ неударяемости и слѣдующаго ударяемаго звука а*. Напр., *выдá*, *дычкá*, *гылывá*; однако: *вадé*, *дачкóю*, *гäлавé*. Или: *лисá*, *нислá*, *рикá* при: *ў лясý*, *нясли́*, *рякý* и проч. Это *ы* переходитъ въ *у* въ положеніи *послѣ губныхъ и слога съ у*. Напр., *пупá* вм. *попá*, но: *папý*; *дурукá* вм. *дуракá* (послѣ слога съ *у*) изъ *дурыкá*. Такъ же: *гусукá* вм. *гусакá* (послѣ слога съ *у*) изъ *гусыкá*, гдѣ *ы* вм. *а* вслѣдствіе фонетическаго положенія этого *а* внѣ ударенія, причемъ удареніе стоитъ на звукѣ *а* слѣдующаго за *ы* (*а*) слога. (См. выше). Такъ же: *судукá* изъ *судыкá* вм. *судакá* отъ слова *судóкъ*; въ этомъ словѣ мы имѣемъ собственно *судŏкá* съ *ŏ неполнаго* образованія, вмѣсто котораго должно бы было въ силу *аканья* быть *а* (см. выше): *судакá*, но звукъ *ŏ* перешелъ въ *ы*—*судыкá*, откуда въ положеніи этого *ы* послѣ слога *у* само *ы* перешло въ *у*: *судукá*. Такимъ образомъ, произношенія: *гусукá*, *дурукá*, съ одной стороны, и *судукá*,—съ другой, хотя въ звуковомъ отношеніи по своимъ гласнымъ звукамъ и тождественны, но восходятъ къ словамъ съ *различными* гласными: первые два имѣютъ въ предударномъ слогѣ *а* этимологическое (въ суффиксѣ *ак*) послѣ слога съ *у*, а третье слово имѣетъ въ предударномъ слогѣ *о* этимологическое (если принять діалект. форму *судóкъ*, а не литературную *судáкъ*). Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ мы имѣемъ *ы* изъ *а*, но не изъ *ŏ*, а въ другомъ—изъ *ŏ*, которое могло дать и *а* при *аканьѣ*, въ говорахъ, и *ы* въ бѣлорусскомъ.

Въ области формъ.

1) Потеря различія въ удареніи им. и вин. п. ед. ч. именъ женскаго рода съ подвижнымъ ударéніемъ и замѣна

разнаго удареніе *однообразнымъ* удареніемъ именит. падежа ед. числа этихъ именъ. Такъ, слово *вода́* жен. рода съ *подвижнымъ* удареніемъ (срв. ударе́ніе этого слова въ формахъ: *во́ду*, *во́ды* и проч.), и вин. п. ед. ч. имѣетъ въ немъ *другое* ударе́ніе сравнительно съ имен. падежомъ, именно, *во́ду*, но съ потерею различія въ ударе́ніи въ блр. мы имѣемъ *ваду́*, *душу́*, *зямлю́*, *на ґару́* и под.

2) Подъ вліяніемъ чередованія звуковъ *э* и *ы* въ именахъ прилагательныхъ (см. выше) звукъ *э* вытѣсняетъ собой звукъ *ы діалектическій* и въ окончаніяхъ именъ существительныхъ. Напр., *воз травэ́* (=*воз травы́*), им. п. мн. ч. *валэ́* (=*валы́*), *дварэ́* (=*дары́*) и под. Припомнимъ чередованіе звуковъ *э* и *ы* въ именахъ прилагательныхъ: *маладэ́й* и *малады́й*, *нашнэ́я* и *нашны́и*, *партнэ́я* и *партны́и* и под.

3) Конечное *о* въ зват. п. ед. числа именъ жен. рода въ неударяемомъ положеніи *исчезаетъ*, и получается характерное образованіе зват. падежа такихъ именъ: *мам* (вм. *ма́мо*), *баб*, *маладу́х*, *тёт* и под.

4) Въ глагольныхъ образованіяхъ вм. *иваешь*, *иваетъ*... употребляются сокращенныя: *аетъ*, *уетъ*... *ăбăрача́ицца*, *выґова́руешь*, *спра́шую*, *запи́суетъ*, *запи́сую* и под.

Нѣсколько особенную діалектическую группу говоровъ представляютъ собой *бѣлорусскіе говоры на востокѣ* (въ восточной части бѣлорусской области, гдѣ послѣдняя примыкаетъ къ области южновеликорусскихъ говоровъ). Въ этой группѣ говоровъ мы наблюдаемъ воздѣйствіе южновеликорусскихъ говоровъ при посредствѣ сѣверновеликорусскаго вліянія на бѣлорусскую группу. Такъ, въ *дзекающихъ* говорахъ *Смоленской губерніи* является окончаніе-*ой* вмѣсто и при *эй* и *ый* въ им. п. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Напр., *сухой*, *кривой*, *сядой*, *якой*. Далѣе, здѣсь же мы имѣемъ *в* вм. (*ґ*): *прежнява*, *майво*, *сяводни* и друг.

Въ *Калужской* губерніи еще болѣе замѣтна великорусская окраска, хотя бѣлорусское происхожденіе этихъ гово-

ровъ видно изъ такихъ фактовъ, какъ: *стаття́, свиння́, покры́й, памы́юся*—въ Мосал. и Жиздр. уѣздахъ. Равнымъ образомъ бѣлорусскія черты видны въ сохраненіи формъ мѣстн. п. ед. ч. на *у*: *ў сара́ю, на большаку́* и др., въ окончаніяхъ им. п. мн. ч. именъ муж. р.: *рукавы́, луги́, поводы́* и под. Однако и *луга́, города́* и под. формы, которыя проникли сюда въ соединеніи съ числительными *два, три, четыре*. Эти формы въ соединеніи съ числительными здѣсь не во всѣхъ случаяхъ утратили ударенія мн. числа, слѣдовательно, отличались въ этомъ отношеніи отъ великорусскаго нарѣчія, утратившаго удареніе мн. ч. (см. выше), и сходились съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Напр., здѣсь, въ Калуж. губ., возможны соединенія: „*два барскихъ дома́*“, „*я яго училъ года́ три*“ и под. Такимъ образомъ, восточная часть области бѣлорусскихъ говоровъ, прилегающая къ южновеликорусской и отчасти къ сѣверновеликорусской области, представляетъ собой нынѣ область *смѣшанныхъ говоровъ*, образовавшихся на фонѣ древняго бѣлорусскаго нарѣчія (западно-среднерусскаго).

ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Въ области этого нарѣчія нынѣ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить слѣды стараго вліянія сѣверновеликорусскаго нарѣчія, вліянія черезъ Москву. Историческія подробности этого вліянія будутъ изложены въ другомъ моемъ курсѣ—по исторіи русскаго *литературнаго* языка, гдѣ эти подробности исторіи и должны найти себѣ мѣсто. Обстоятельная же характеристика южновеликорусскихъ говоровъ съ выдѣленіемъ въ ней старыхъ чертъ среднерусскихъ говоровъ и новыхъ *сравнительно* вліяній на эти говоры со стороны сѣверноруссскихъ нарѣчій составляетъ часть моего курса *по русской діалектологіи*. Здѣсь же я отмѣчу только *общія черты* ювр. нарѣчія.

Собственно ювр. явленія: окончанія дѣепричастій прош. вр. дѣйств. залога—*мши* вмѣсто—*вши*: *выпимши*, *унхимши*, *взямши* и под. Это явленіе, вѣроятно, *не фонетическаго* происхожденія, а обязано вліянію такихъ образованій, какъ: *вземъ* отъ гл. *взяти*, основа котораго въ формѣ наст. вр. изъяв. накл. дѣйств. залога въ 1 л. ед. числа: *вемл-*. Срв. *вземлю*, стрсл. **възємлѫ** и т. д. Прич. прош. вр. отъ этого глагола было: *вземъ—вземъши—вземъ*, т. е. формы им. п. ед. ч. *муж.*, *жен.* и *сред.* родовъ. Вотъ форма ед. ч. им. падежа жен. рода *взе́мъши* при неопр. наклоненіи *взя́ти* породила собой *новообразованіе взя́мши*, въ которой звукъ *м* собственно этимологически, какъ мы видимъ, стоитъ на своемъ мѣстѣ. Что же касается формъ такихъ, какъ: *украмши*, *знамши*, *выпимши* и под., то въ ихъ *м* не фонетическаго происхожденія и не можетъ быть оправданъ этимологіей, т. к. старыя формы отъ этихъ и подобныхъ глаголовъ, въ основѣ которыхъ *не было носового звука* **ѧ**=*ъм*, *ем*, были безъ звука носового *м* въ причастіи прош. вр. дѣйств. залога въ им. п. ед. ч. жен. рода. Именно: **пи-ти** при основѣ на *гласную* имѣло: **пи-в-ъ**, **пи-в-ъш-и**; **ꙁна-ти** тоже: **ꙁна-в-ъ**, **ꙁна-в-ъш-и**; **крꙗс-ти** изъ **крад-ти** должно было имѣть эту форму безъ вставочнаго **в**; **ꙁкрад-ъ**, **ꙁкрад-ъш-и**. Поэтому, наши: *украв*ъ, *украв-ши* образованы со звукомъ *в* по аналогіи съ глаголами на *гласную* основу, какъ *знав*ъ, *знавши*; *пив*ъ, *пивши*. Отсюда получились формы причастія прош. вр. дѣйств. залога съ *однообразнымъ* окончаніемъ на *вши*, какъ: *знавши*, *украв-ши* и даже *взявши*, откуда въ *ювр.* нарѣчіи получилось *однообразное мши*: *знамши*, *украмши*, *взямши* (или отъ основы *взя-*, или отъ основы *взем-*). Срв. *ѣмши* и даже *приги́мши*, *вёмши* и под. вм. *ѣдши—ѣвши* (по аналогіи съ *знавши*)—*ѣмши*; *пришодши—пришовши—пришомши*; *ведши—вёвши—вёмши* и под. образованія.

Рядомъ съ собственно *ювр.* явленіями однако мы находимъ здѣсь и слѣды вліянія западно-среднерусскихъ говоровъ. Это вліяніе распространилоссь вплоть до Рязанской губерніи, причемъ При-Окская область (см. курсъ р. діалектологіи) носитъ на себѣ слѣды и *свр. основы.* Западно-среднерусское (*блр.*) вліяніе мы видимъ въ говорахъ Рязанской губерніи въ слѣдующихъ особенностяхъ.

1) Окончаніе *эй* вм. *ой* въ род., дат. и мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій.

3) Ударенія вин. п. ед. ч. именъ сущ. жен. рода съ подвижнымъ удареніемъ *на окончаніи*, а не на основѣ: *вадý*, *галавý* и под.

3) Ассимиляція *j* съ предшествующимъ согласнымъ: *свиння*, *суддя́* и друг. даже въ Ряз. и другихъ *ювр.* губерніяхъ.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ въ *ювр.* нарѣчіи и явное вліяніе *сѣверноруссkихъ* говоровъ, въ особенности, въ области звуковъ. Такъ, *свр.* особенности здѣсь слѣдующія: 1) Распространеніе звука *в* вмѣсто *г* въ окончаніи род. п. ед. ч.—*го*: *дóбрăва* и под. 2) Звукъ *г=g* латинскому вмѣсто *γ* (*h*), рядомъ съ звукомъ *х* въ концѣ словъ: *год*, *гусь*, но: *друх*, *парóх* и под. вм. *друк*, *парóк*, какъ это въ *свр.* говорахъ и въ Москвѣ. По *ювр. друх—друга*, по *свр. друк—друга*, но южнѣе, гдѣ *не было вліянія* московскаго литературнаго произношенія (на югѣ Ряз. губ., въ Тул., Орлов., Курской, Тамб., Калуж. и проч.): *друх—друγа—друγγ*... Срв. въ Москвѣ: *Бох—Боγа* (по церковному произношенію въ род. и проч. падежахъ), но: *тварóк—твĕрагá* и проч. 3) *Т твердое* въ окончаніяхъ 3-го лица ед. и множ. ч. наст.-буд. времени глаголовъ изъяв. накл. дѣйств. залога или средняго. Напр., *идёт*, *идýт*; *несёт*, *несýт* и проч. Все это—черты *сѣверноруссkія*: по *ювр.* было бы: *идёть*, *идýть*, *несёть*, *несýть* и проч.

Говоръ города Москвы и ея окрестностей въ подробностяхъ принадлежитъ къ предметамъ изложенія въ курсѣ исторіи р. литературнаго языка и частью—въ курсѣ русской діалектологіи. Въ ювр. нарѣчіи мы отмѣтили, такимъ образомъ, *собственно ювр.* явленія, *бѣлорусскія* и *сѣверновеликорусскія* явленія. Это вполнѣ понятно въ виду *центральнаго* положенія *ювр.* области говоровъ и въ виду той исторической роли, которая выпала на долю главнаго города этой области—Москвы, лежавшаго почти на рубежѣ двухъ діалектическихъ областей.

Изъ литературы предмета.

1) *Ф. Ѳ. Фортунатовъ.* Сравнительная фонетика индоевроп. языковъ. Лекціи 1901—1902 акад. года. Москва. 1901.

2) *Его-же.* Сравнительное языковѣдѣніе. Общій курсъ. Лекціи 1901—1902 ак. года. Москва. 1902 г.

3) *Его-же.* Лекціи по фонетикѣ старославянскаго (церковно-славянскаго) языка. Неокончено. Напечатано 12 листовъ: 192 страницы.

4) *Его-же.* Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache. Archiv für sl. Phil. IV.

5) *Brugmann u. Delbrück.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. I. Band. Einleitung und Lautlehre. Erste und zweite Hälften. Zweite Bearbeitung. Strassburg. 1897.

6) *А. А. Шахматовъ.* Русскій языкъ. Лекціи, читанныя въ Импер. Моск. У-тѣ. 1890—1891 ак. г.

7) *Его-же.* Русскій языкъ. Статья въ 55-мъ полутомѣ Энц. Словаря Брокгауза и Ефрона. (Отсюда взятъ общій планъ моего курса).

8) *Его-же.* Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава. 1893.

9) *Его-же.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1901 г. Томъ VI. кн. 4.

10) *А. А. Шахматовъ.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Спб. 1903. (Оттискъ изъ Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. 1903 г. Т. VII. кн. 1. 2. Т. VIII. кн. 1 и 2).

11) *Его-же.* Нѣкоторыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ. (Смол. и Калуж. губ.). Варшава. 1903. (1896).

12) *Его-же.* О различеніи іота и неслогового *і* въ исторіи слав. языковъ. Варшава. 1904.

13) *Его-же.* Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи. Варшава. 1895 г.

14) *Его-же.* Русское и словенское аканье. (Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова. Варшава. 1902 г.).

15) *Его-же.* Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ. Спб. 1903.

16) *Leskien.* Handbuch der altbulgarischen Sprache. (Рус. переводъ *Щепкина* и *Шахматова.* Москва. 1890 г.).

17) *Томсонъ.* Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1906 г.

18) *Ягичъ.* Критическія Замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. (См. № 19).

19) *Соболевскій.* Лекціи по исторіи р. языка. 3-е изданіе. М. 1903. (Сравнительно съ 1-мъ и 2-мъ изданіемъ. Изъ этой книги мы брали примѣры, которыхъ не хватало въ нашихъ записяхъ и карточкахъ).

20) *Его-же.* Очерки по исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884 г.

21) *Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904.

22) *Соболевскій.* Древне-Кіевскій говоръ. (Изв. р. яз. и слов. Академіи Наукъ. 1905 г. Т. X. кн. 1).

23) *Крымскій.* Древне-Кіевскій говоръ. (Изв. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. 1906 г. Т. XI. кн. 3).

24) *Его-же.* Деякі непевні критерії для діялектольогічної класифікації старо-руських рукописів. Львів. 1906.

25) *Ляпуновъ.* Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка I-ой Новгородской Лѣтописи. Спб. 1900.

26) *Его-же..* Формы склоненія въ старославянскомъ языкѣ. Одесса. 1905.

27) *Его-же.* Лингвистическія замѣтки. Р. Ф. В. 1906 г. №№ 1 и 2.

28) *Козловскій.* О языкѣ Остр. Евангелія. (Изслѣдованія по русскому языку. Т. I. Спб. 1885—1895. Здѣсь же ст. *Шахматова* о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣковъ).

29) *Богородицкій.* Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань. 1884.

30) *Его-же.* Общій курсъ русской грамматики. Каз. 1904.

31) *Его-же.* Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.

32) *Васильевъ.* Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. Спб. 1904.

33) *Некрасовъ.* Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ по Лавр. списку лѣтописи. Спб. 1897 г.

34) *Потебня.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Воронежъ. 1876. Варшава. 1880—1884.

35) *Его-же.* Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Харьковъ. 1889 и 1899 г. Т. I и II.

36) *Карскій.* Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886.

37) *Его-же.* Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893.

38) *Его же.* Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903.

39) *Будде.* Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Варш. 1892.

40) *Будде.* Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Казань. 1896 г. См. критику *Шахматова* въ „Отчетѣ о присужденіи Ломоносов. преміи“ за 1897 г.

41) *Его-же.* Изъ занятій по языку Лавр. списка начальной лѣтописи. Воронежъ. 1891.

42) *Его-же.* Русскій глаголъ сравнительно съ церковно-славянскимъ. Варш. 1891.

43) *Его-же.* Объ источникахъ для исторіи русскаго языка и о методахъ изученія ихъ. Каз. 1893.

44) *Его-же.* Къ вопросу о народности русскаго населенія въ Вятской губерніи. Каз. 1897.

45) *Его-же.* О нѣкоторыхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ. Спб. 1897 г.

46) *Его-же.* О народныхъ говорахъ въ Тульской губ. Спб. 1898 г.

47) *Его-же.* Учебникъ грамматики русскаго языка. 2-е изд. Казань. 1902.

48) *Его-же.* О говорахъ Тульской и Орловской губ. Спб. 1904.

49) *Его-же.* О слѣдахъ сѣверской колонизаціи въ уу. Орлов. и Влад. губ. Варш. 1905.

50) *Его-же.* Къ какому изъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ говоръ современныхъ жителей Брянскаго уѣзда Орловской губерніи? Спб. 1906. (См. *Карскаго.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ 1903 г. Спб. 1905 г. См. *его-же*: Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. 1902 г. *Его-же.* Къ вопросу о границѣ бѣлорусскихъ говоровъ. Р. Ф. В. 1905. № 1. *Его-же*: Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго у. Орлов. губ. въ Сборникѣ *Ламанскаго*, Срв. *Соболевскаго* отзывъ о соч. *Карскаго*: „Бѣлоруссы“. Изв. р. яз. и слов. Ак.

Наукъ. 1904 г. Т. IX. кн. 2. См. *Тихановъ*. Брянскій говоръ. Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ. Т. 76).

51) *Томсонъ*. Фонетическіе этюды. Р. Ф. В. 1905 г. № 2.

52) *Буслаевъ*. Историческая грамматика р. языка М. 1875 г. (2 тома).

53) *Волковъ*. О не-новгородскомъ происхожденіи дьякона Григорія, писца Остр. Евангелія. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 12.

54) *Владимировъ*. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверновеликорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. Казань. 1878.

5) *Головацкій*. Пѣсни Галицкой и Угорской Руси. М. 1878. (Въ I-мъ томѣ: „Карпатская Русь". Очеркъ этнограф. и статистическій).

56) *Житецкій*. Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія. Кіевъ. 1875. (См. рец. *Потебни* въ „Отчетѣ о 20-мъ присужденіи Уваровской преміи").

57) *Ogonowski*. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880.

58) *Потебня*. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Ворон. 1871.

59) *Колосовъ*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст. Варш. 1876.

60) *Его же*. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варш. 1878.

61) *Срезневскій*. Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1849 г. 2-е изданіе. Спб. 1887.

62) *Шимановскій*. Очерки изъ исторіи русскихъ нарѣчій. Варш. 1893.

63) *Hirt*. Akzentstudien. (Indogerm. Forschungen. VIII Band. 3 und 4 Heft и IX Band. 3 und 4 Heft. Strassburg 1898. *Его же*: Der Indogermanische Akzent. 1895).

64) *Флоринскій.* Лекціи по славянскому языкознанію. Кіевъ. 1895 и 1897 г. 2 тома.

65) *Brugmann.* Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft. Strassburg. 1885.

66) *Berneker.* Vorlesungen über die Lautlehre der altslavischen (altkirchenslavischen) Sprache von *Philipp Fortunatow.* Deutsch. См. № 3. Это переводъ на нѣмецкій языкъ лекцій *Ф. Ѳ. Фортунатова.* Strassburg. 1900.

67) *Sievers.* Grundzüge der Phonetik. 4-te Auflage. Leipzig. 1893.

68) *Bell.* The Principles of Speech and Vocal Physiology. London. 1865.

69) *Его-же.* Sounds and their Relations. London. 1882.

70) *Его-же.* A popular Manual of Vocal Physiology and Visible Speech. London. 1889. (Для физіологической классификаціи гласныхъ и согласныхъ звуковъ. См. № 2).

71) *Sweet.* A Handbook of Phonetics. Oxford. 1877.

72) *Его-же.* A Primer of Phonetics. Oxford. 1890. (Срв. № 17.

Здѣсь мною не указаны изданія памятниковъ въ ихъ полномъ объемѣ или въ частяхъ, не указаны также христоматіи или снимки съ памятниковъ, (напр. христоматіи *Буслаева, Каринскаго,* снимки *Срезневскаго, Соболевскаго* и др.), не указана и старая литература предмета. Нѣкоторыя же сочиненія указаны выше въ самомъ текстѣ лекцій.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 3

Введеніе.

§ 1. Исторія литературы и исторія языка . . 5— 7.
Семья индоевропейскихъ языковъ . . . . 7— 8.
Сравнительное и историческое языковѣдѣніе . . . . . 8— 9.

§ 2. Объемъ науки, ея содержаніе и значеніе. Методъ и задача ея . . . . . 9— 12.

§ 3. Русская діалектологія и ея отношеніе къ исторіи рус. языка . . . . . 12— 14.

§ 4. Источники для исторіи р. языка. Способъ пользованія ими . . . . . 15— 23.

§ 5. Число рукописныхъ книгъ и грамотъ до XIV вѣка . . . . . 23— 24.

§ 6. Характеръ и содержаніе древнихъ русскихъ памятниковъ письменности . . . 24— 26.
Ихъ языкъ. Особенности языка Остр. Евангелія . . . . . 26—28.

§ 7. Понятіе о законахъ въ языкѣ . . . . . 28— 32.

Отдѣлъ I-й.

§ 8. Звуковое наслѣдство р. языка отъ общеславянской эпохи . . . . . 32— 86.

Стр.

Гласные звуки, дошедшіе въ неизмѣненномъ видѣ . . . . . 33— 40.

Древнѣйшая исторія носовыхъ звуковъ гласныхъ въ рус. языкѣ . . . . . 40— 42.

Итоги обзора гласныхъ общеславянской эпохи, дошедшихъ въ неизмѣненномъ видѣ до общерусской эпохи . . . . . 42— 43.

§ 9. Возстановленіе эпохъ, не засвидѣтельствованныхъ письменными памятниками языка . . . . . 43— 46.

§ 10. Видоизмѣненія языка во времени и пространствѣ. Дробленіе языка на нарѣчія. 46— 50.

§ 11. Психологическія измѣненія въ языкѣ . . 50— 51.

§ 12. Опредѣленіе звуковыхъ измѣненій и характера звуковъ на примѣрномъ изученіи слова съ точки зрѣнія сравнительно-исторической . . . . . 51— 55.

§ 13. Продолженіе сравнительно-историческаго анализа слова. Законъ конца словъ . . 55— 59.

§ 14. Продолженіе анализа слова . . . . . 59— 61.

§ 15. Отпаденіе конечныхъ мгновенныхъ t и d. 61.

§ 16. Отпаденіе длительныхъ *n* и *m*. Примѣры. 61— 63.

§ 17. Измѣненіе гласныхъ въ концѣ слова въ закрытомъ слогѣ . . . . . 63— 65.

§ 18. Изученіе звуковъ внутри слова на примѣрѣ. Ирраціональные гласные звуки. 65— 66.

§ 19. Согласные звуки, дошедшіе въ неизмѣненномъ видѣ отъ общесл. эпохи . . . 66— 72.

§ 20. Продолженіе обзора согласныхъ звуковъ общесл. эпохи, перешедшихъ безъ измѣненія въ общерусскую эпоху. Итоги. . 72— 75.

Стр.

§ 21. Лингвистическія эпохи . . . . . 75— 77.

§ 22. Звуковой и морфологическій составъ славянскаго праязыка и его отличія отъ языка прарусскаго въ этомъ отношеніи и отъ языка балтійско-славянской эпохи, какъ выводъ изъ предыдущаго изученія звуковъ . . . . . 77— 82.

§ 23. Итоги изученія общеславянскаго наслѣдства въ его неизмѣненномъ видѣ въ общерусской эпохѣ . . . . . 82— 86.

Отдѣлъ II-й.

§ 24. Звуковыя и морфологическія измѣненія, происшедшія въ общерусскую эпоху . 86—139.

Палатализація и лабіализація звуковъ. Характеристика общерусской эпохи . . . 86— 93.

§ 25. Развитіе лабіализаціи въ общерусскую эпоху и ея послѣдствія . . . . . 93— 96.

§ 26. Звукъ ł лабіализованный въ общерусскомъ языкѣ . . . . . 96— 97.

§ 27. Потеря носового свойства гласными въ эту эпоху . . . . . 97—102.

§ 28. О звукахъ *р* и *л*. Потеря долготы ихъ и утрата чистыхъ *р* и *л* . . . . . 102—103.

Полногласіе и его исторія въ русскомъ языкѣ . . . . . 103—110.

§ 29. Звуковыя явленія общерусской эпохи до развитія полногласія . . . . . 110—111.

§ 30. Слоговые *р* и *л* и ихъ исторія . . . . 111—113.

Стр.

§ 31. Исторія дифтонгическаго сочетанія *ie* (ѣ) въ эту эпоху . . . . . 113—114.

§ 32. Итоги и выводы относительно характера новыхъ звуковъ, появившихся въ общерусскую эпоху и не бывшихъ извѣстными общеславянскому періоду . . . . 114—117.

§ 33. Физіологическое объясненіе новыхъ русскихъ звуковъ этой эпохи . . . . . 117—119.

§ 34. Связь между отдѣльными періодами исторіи русскаго языка . . . . . 119—122.

§ 35. Измѣненія въ формахъ склоненія и спряженія въ общерусскую эпоху прарусскаго періода . . . . . 122—139.

Судьба формъ сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ . . . . . 122—127.

§ 36. Образованіе членныхъ именъ прилагательныхъ . . . . . 127—128.

§ 37. Измѣненія при образованіи сложныхъ формъ склоненія . . . . . 128—132.

§ 38. Утрата формъ склоненія и спряженія въ эту эпоху въ рус. языкѣ . . . . . 132—135.

§§ 39—41. Примѣры изъ письменныхъ памятниковъ . . . . . 135—139.

Отдѣлъ III-й.

§§ 42—43. Характеристика эпохи непосредственно передъ распаденіемъ р. языка . . . 139—185.

Гласные этой эпохи и ихъ исторія. Судьба ирраціональныхъ гласныхъ и прочія звуковыя измѣненія, какъ *общія явленія* этой эпохи . . . . . 139—153.

Стр.

§ 44. Діалектическія явленія этой эпохи . . . 153—185.
Въ области звуковъ . . . . . 153—159.
§ 45. Въ области формъ . . . . . 159—170.
§ 46. Въ области синтаксиса . . . . . 170—173.
§ 47. Примѣры изъ памятниковъ . . . . . 173—185.

Отдѣлъ IV-й a.

§ 48. Характеристика эпохи послѣ распаденія р. языка: a) до утраты единства и b) послѣ утраты единства . . . . . 185—241.
Діалектическія звуковыя явленія до утраты единства языка. Явленія въ южнорусскихъ говорахъ . . . . . 187—189.
Явленія среднерусскихъ говоровъ . . . . 189—193.
Явленія сѣверноруссскихъ говоровъ . . . 193—195.
Западная часть среднерусскихъ говоровъ . 195—196.
§ 49. Діалектическія звуковыя явленія послѣ утраты единства языка. Явленія, общія южнорусскимъ и западно-среднерусскимъ говорамъ . . . . . 196—203.
§ 50. Явленія, общія сѣверноруссскимъ и среднерусскимъ говорамъ . . . . . 203—213.
§ 51. Явленія, общія сѣверноруссскимъ и восточно-среднерусскимъ говорамъ . . . . . 213—226.

Отдѣлъ IV-й b.

§ 52. Характеристика отдѣльныхъ главныхъ нарѣчій р. языка послѣ утраты единства . 226—241.

Стр.

Малорусское нарѣчіе . . . . . 229—231.
Сѣверновеликорусское нарѣчіе . . . . . 231—235.
Бѣлорусское нарѣчіе . . . . . 235—238.
Южновеликорусское нарѣчіе . . . . . 238—241.
Изъ литературы предмета . . . . . 242—247.
Оглавленіе . . . . . 248—253.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССОРЫ
№